

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD LAW LIBRARY

3 2044 097 719 132

COMP
997
MIT/AR

**HARVARD LAW SCHOOL
LIBRARY**

2239

12

Mittermaier, Carl Joseph Anton

10/3

+ sud

присяжных

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

ВЪ

ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

Sud присяжныхъ в Европѣ и Америкѣ

ЮРИДИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. Ламанскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

COMP
997
M.I.T.

L2w
KR 330
MS

«Quel est le but de la procédure, le but de toutes ses précautions et de toutes ses formalités? C'est la recherche de la vérité. Or quel est le seul moyen de reconnaître la vérité d'un fait, si ce n'est la certitude qu'on ressent en soi-même que ce fait existe ou n'existe pas? La justice n'a pas d'autre instrument et d'autre organe que l'homme lui-même; or comment l'homme parvient-il à comprendre la vérité, si ce n'est par son intelligence qui perçoit les faits et les idées, et par sa conscience qui les examine et les apprécie? c'est donc dans le sens intime du juge, dans la conviction qui se forme dans son esprit, qu'il faut la chercher, plutôt que dans une déduction savante des faits qui ne seraient acquis qu'à l'aide des preuves définies par la loi dont la valeur serait à l'avance déterminée. L'institution du jury est donc en parfaite harmonie avec le principe du droit pénal, avec le système le mieux approprié à l'oralité du débat, le plus efficace pour la manifestation de la vérité.»

Faustin Hélie.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. 9 іюня 1865 года.

Типографія Кузоль-Яснопольскаго.

Между разнообразными жизненными вопросами, ожидающими практическаго разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ, преобразование суда составляетъ въ настоящее время предметъ чрезвычайной важности. Съ кореннымъ преобразованиемъ стараго суда, въ русское законодательство вводятся и новыя начала, и новыя порядки, и новыя формы, и новыя обряды.

Не входя здѣсь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ предлагаемаго труда, который найдетъ себѣ мѣсто въ нашемъ біографическомъ очеркѣ почтеннаго криминалиста, этой замѣчательной личности девятнадцатаго столѣтія, обозначимъ лишь главныя черты его неутомимой литературной дѣятельности. Многостороннее образованіе, изумительная начитанность, полувѣковая опытность и глубокая наблюдательность—вотъ тѣ характеристическіе признаки всѣхъ его позднѣйшихъ работъ, которыми отличается и новѣйшее сочиненіе, появляющееся въ русскомъ переводѣ вслѣдъ за оригиналомъ.

Признавая Миттермайера лучшимъ знатокомъ судопроизводства, мы рѣшились издать настоящій трудъ наканунѣ введенія въ Россіи присяжнаго суда, имѣя въ виду предложить читателю, возможно-полное руководство къ сравнительно-историческому изученію важнѣйшаго учрежденія уголовного судопроизводства. Изданіе наше, не измѣняя въ сущности подлинника, значительно увеличено лишь въ объемѣ введеніемъ, дополненіями и приложеніями.

*

Учрежденіе присяжныхъ, господствующее почти на всемъ материкѣ Европы, хотя и пользуется у насъ, на Руси, всеобщою извѣстностью, благодаря богатой иностранной литературѣ настоящаго предмета, но все-таки не имѣетъ до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительнаго, всесторонняго изложенія значенія и дѣйствій суда присяжныхъ въ Европѣ и Америкѣ, что и побудило издателя увеличить обширный трудъ Миттермайера отдѣльными приложеніями, которыя составятъ особый томъ. Ихъ назначеніе состоитъ въ подробномъ изображеніи и развитіи положеній и общихъ выводовъ, содержащихся въ сочиненіи Миттермайера. Они представляютъ такимъ образомъ цѣлый рядъ сравнительно обслѣдованныхъ характеристикъ англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ, американскихъ, французскихъ, бельгійскихъ, нѣмецкихъ, швейцарскихъ и итальянскихъ судовъ присяжныхъ съ тройкой точки зрѣнія: исторической, теоретической и практической. Новѣйшій трудъ Миттермайера, заключаая въ себѣ необыкновенное богатство матеріала, значительно облегчаетъ уразумѣть достоинства и недостатки присяжнаго суда на основаніи результатовъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ положительныхъ законодательствъ и многочисленныхъ указаній опыта. Почтенный авторъ сперва разсматриваетъ институтъ присяжныхъ, какъ необходимое установленіе уголовного судопроизводства, въ связи съ политическимъ, общественнымъ и нравственнымъ бытомъ тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ существуетъ уже издавна, словомъ, гдѣ онъ возросъ и окрѣпъ среди многовѣковой борьбы народа съ правительствомъ. Переходя затѣмъ поочередно отъ одного государства къ другому, онъ останавливается на характерѣ и ходѣ развитія законодательства о присяжномъ судѣ, сообщая притомъ воззрѣнія на него теоретиковъ и наблюденія практиковъ. Изъ этого сравнительно-историческаго обозрѣнія учрежденія присяжныхъ, начиная съ той страны, откуда оно распространилось въ Америкѣ и въ большинствѣ государствъ Европы, читатель убѣдится, что судъ присяжныхъ сложился повсюду совершенно своеобразно. Россіи, слѣдовательно, предшествуетъ живой опытъ иностранныхъ государствъ, пережившихъ самые

тяжкіе періоди преобразованій. Миттермайеръ вполнѣ раскрываетъ недавнее ихъ прошедшее, которое наложило отпечатокъ свой на каждый историческій фактъ, чтѣ и выражается въ отѣнкахъ и различіяхъ, существующихъ между однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ, развивавшимся при неодинаковыхъ юридическихъ и экономическихъ условіяхъ. Доказательства, приводимыя авторомъ въ защиту своихъ доводовъ, почерпаемыхъ имъ изъ достовѣрныхъ статистическихъ свѣдѣній и судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ весьма отчетливо высказывается извѣстная степень развитія правосознанія даннаго народа, имѣютъ наибольшее значеніе въ настоящее время. Кромѣ общей, несомнѣнной пользы новѣйшаго труда Миттермайера, обладающаго такимъ рѣдкимъ запасомъ положительныхъ данныхъ, появленіе котораго возможно лишь благодаря его исключительному положенію въ жизни и наукѣ, самый предметъ и характеръ изложенія его имѣютъ для насъ особенно важное значеніе.

Въ то время, когда въ Россіи вводится уголовное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ, вопросъ объ условіяхъ проведенія и кругѣ дѣйствій суда присяжныхъ въ иностранныхъ государствахъ, откуда, въ свою очередь, и русское законодательство заимствуетъ судебныя учрежденія уже болѣе стапятидесяти лѣтъ, возбуждаетъ живѣйшее любопытство нашего общества.

Настоящее изданіе позднѣйшаго сочиненія Миттермайера предлагаетъ читателю критическую оцѣнку всѣхъ новѣйшихъ трудовъ о судѣ присяжныхъ, а также обстоятельный разборъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ изъ судебной практики послѣдняго времени и, наконецъ, разрѣшаетъ многіе спорные вопросы уголовного судопроизводства.

Въ основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. установлены начала, выработанныя наукою, принятія большинствомъ положительныхъ законодательствъ иностранныхъ и проверенныя долготѣней практикой. Порядокъ обвинительный, устность и гласность суда съ участіемъ присяжныхъ суть необходимыя, существенныя условія нынѣшняго порядка производства дѣлъ уголовныхъ. А потому при начертаніи судебныхъ уставовъ

20-го ноября 1864 г. обращено было особенное вниманіе на лучшіе иностранные судебные уставы и проекты ихъ; а именно при развитіи и кодификаціи законоположеній, касающихся преобразования нашей судебной части, служили образцами преимущественно новѣйшія законодательныя работы Великобританіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ Америки, нѣкоторыхъ государствъ Германіи, кантоновъ Швейцарскаго Союза и провинцій Италіанскаго королевства.

Ограничиваясь пока общимъ очеркомъ содержанія труда Миттермайера, издаваемаго нами въ русскомъ переводѣ съ значительными дополненіями и приложеніями, мы не входимъ здѣсь въ отвлеченныя разсужденія объ устройствѣ и управленіи присяжнаго суда, равно какъ не вдаемся въ историческія розысканія о происхожденіи, распространеніи и значеніи его въ каждомъ государствѣ, полагая болѣе удобнымъ для читателей посвятить всѣмъ этимъ вопросамъ, подобно какъ и другимъ, непосредственно относящимся до суда присяжныхъ, отдѣльныя изслѣдованія публицистовъ и юристовъ Англіи, Америки, Германіи, Италіи и Франціи. И такъ, изображая этотъ основной вопросъ въ исторіи, теоріи и практикѣ судопроизводства, мы надѣемся оказать этими приложеніями болѣе значительное пособіе къ изученію иностранныхъ судебныхъ учреждений, чѣмъ изданіемъ одного лишь новѣйшаго сочиненія Миттермайера.

1.

Ни въ одной части законодательства не выражается такъ очевидно, какъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, неэффективность самыхъ лучшихъ формальныхъ постановленій, коль скоро они не оживлены нравственнымъ и общественнымъ духомъ того народа, для котораго они предназначены.

Между важнѣйшими условіями дѣйствительности законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ самое существенное заключается въ томъ, чтобы во всѣхъ слояхъ народа было распространено убѣжденіе, что для сохраненія гражданскаго порядка необходимъ такой порядокъ уголовного судопроизводства, который обезпечивалъ бы примѣненіе уголовныхъ законовъ къ виновнымъ и представлялъ ручательство въ открытіи преступленій и преступниковъ. Поэтому всѣ граждане должны быть убѣждены въ томъ, что каждый изъ нихъ обязанъ способствовать достиженію этой цѣли, т. е. содѣйствовать осуществленію справедливости въ дѣйствительности. Чѣмъ болѣе развита въ народѣ готовность къ жертвамъ для охраненія правосудія, и чѣмъ болѣе эта готовность проявляется въ поддержкѣ лицъ, обязанныхъ обнаруживать преступленія, а въ особенности полицейскихъ чиновъ, на которыхъ возложена обязанность розыскивать слѣды и доказательства совершеннаго преступленія, и чѣмъ болѣе въ гражданахъ готовности являться предъ судомъ безъ всякаго опасенія, въ качествѣ ли свидѣтеля, дающаго свободное показаніе, или въ качествѣ присяжнаго, разрѣшающаго вопросъ о виновности или невинности подсудимаго, — тѣмъ вѣр-

нѣе обезпечивается дѣйствительность законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ граждане изъ чувства ложнаго состраданія, а также вслѣдствіе слабости или вліянія духа партій, освобождаютъ преступниковъ изъ рукъ карающаго правосудія, самые лучшіе уголовные законы не достигаютъ своей цѣли. Требуемое отъ гражданъ усердіе въ содѣйствіи къ примѣненію уголовныхъ законовъ не должно быть однако одностороннимъ, слѣпымъ. Оно тогда только благотворно, когда нераздѣльно съ живымъ сознаніемъ народа, что уголовное судопроизводство можетъ легко обратиться въ орудіе стѣсненія свободы гражданъ, что оно можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ духа партій, что, наконецъ, вслѣдствіе ложнаго обвиненія и отъ излишняго, неправильно понимаемаго должностными лицами усердія къ службѣ, уголовному преслѣдованію могутъ подвергнуться и вовсе невинные, когда непремѣнная обязанность всѣхъ гражданъ противодѣйствовать осуществленію вредныхъ замысловъ.

Благотворныя дѣйствія уголовного судопроизводства обусловливаются свободнымъ развитіемъ общественной жизни, когда народъ оказываетъ полное довѣріе къ существующимъ учрежденіямъ, любитъ ихъ и охотно способствуетъ наилучшему ихъ развитію. Глубокое уваженіе къ закону должно проникать всю гражданскую жизнь, такъ чтобы необходимая борьба партій не увлекала въ уголовномъ судопроизводствѣ къ несправедливому покровительству или притѣсненію. Необходимо также, чтобы должностными лицами руководило сознаніе, что они дѣйствуютъ не изъ одного лишь страха ответственности, и чтобы въ гражданахъ господствовало убѣжденіе, что они могутъ постоянно разсчитывать на покровительство закона и защиту отъ всякаго произвола. Чѣмъ независимѣе положеніе должностныхъ лицъ, тѣмъ болѣе довѣрія къ ихъ дѣйствіямъ, тѣмъ искреннѣе уваженіе къ исполняемымъ ими законамъ, и тѣмъ надежнѣе подчиненіе закону и самое исполненіе его.

Исторією дознано несомнѣнное вліяніе политическихъ событій на степень силы присущаго каждому народу правосознанія, которое нерѣдко измѣняется: то оно укрѣпляется,

то оно ослабѣваетъ. Причина такого частаго потрясенія правосознанія заключается въ политическихъ переворотахъ и попыткахъ къ онымъ, безпрестанно повторяющихся въ нѣкоторыхъ государствахъ. Во время народныхъ волненій, духъ партій легко склоняетъ должностныхъ лицъ, находящихся въ зависимости отъ господствующей партіи (преимущественно полицейскихъ чиновниковъ и вообще чиновъ администраціи), къ нарушенію законныхъ границъ изъ усердія къ службѣ. Тогда количество доносовъ, часто притомъ преувеличенныхъ, возрастаетъ, а достовѣрность свидѣтельскихъ показаній ослабѣваетъ. Эти явленія повторяются въ жизни почти каждаго государства, и всякій разъ они возникаютъ не изъ недоброжелательства, а лишь вслѣдствіе недовѣрія или нерасположенія къ политическимъ противникамъ, которымъ обыкновенно приписываютъ худшее и въ раздражительномъ состояніи свидѣлствуютъ противъ нихъ не безпристрастно.

Какъ всякая партія, находившаяся долгое время подъ гнетомъ, внезапно возвысившись надъ другими, употребляетъ, для утвержденія власти своей, насильственныя мѣры, такъ, въ свою очередь, и правительство, ниспровергнутое возстаніемъ, ошибочно полагаетъ, по усмиреніи его, будто бы причиною волненій была чрезмѣрная снисходительность. Вслѣдствіе такого убѣжденія, оно старается противодѣйствовать возможности повторенія преступныхъ замысловъ необыкновенною строгостію въ законодательствѣ и администраціи, и прибѣгаетъ нерѣдко къ исключительнымъ законамъ, которые уклоненіями своими отъ общаго закона, признаваемого до тѣхъ поръ справедливымъ, нарушаютъ необходимое ручательство свободы, подрываютъ довѣріе къ твердости и значенію закона, и уничтожаютъ правосознаніе въ народѣ. Такимъ образомъ народъ постепенно освоюется съ изытіями изъ закона и привыкаетъ къ произвольнымъ дѣйствіямъ правительства, которыя, являясь подъ оболочкой положительнаго закона, нарушаютъ постановленія, утвержденныя тою же верховною властію.

Какъ вообще всякій организмъ послѣ продолжительнаго ненормальнаго, напряженнаго состоянія приходитъ въ состояніе разслабленія, такъ обыкновенно и послѣ революціи замѣчаютъ въ народѣ ослабленіе нравственныхъ силъ, вслѣдствіе чего развивается въ немъ ложное направленіе. Когда съ одной стороны выказывается такое малодушіе, что самыя жестокія исключительныя мѣры находятъ себѣ одобреніе и поддержку даже между людьми благомыслящими, которые, опасаясь повторенія революціи, считаютъ возможнымъ оправдывать необходимостію всѣ правительственныя распоряженія, постановляемыя съ цѣлію устрашенія, тогда съ другой, — желая загладить свои прежнія дѣйствія, совершенныя во время возстанія, обнаруживается необыкновенная преданность и покорность властямъ, что и пріучаетъ ихъ къ лицемерію, котораго слѣдуетъ опасаться, если такія лица призываются къ суду въ свидѣтели или присяжные. Наконецъ, иные становятся до такой степени равнодушны ко всему, что не обращаютъ никакого вниманія на всякую неправду и не уважаютъ никакихъ законовъ.

Существенное условіе хорошаго законодательства и правильнаго хода уголовного судопроизводства заключается лишь въ томъ, что порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ долженъ быть направленъ только къ достиженію цѣли уголовного правосудія и ни въ какомъ случаѣ не подчиняться вліянію политики. Слѣдовательно, къ установленію такого законодательства, которое благопріятствовало бы развитію порядка уголовного судопроизводства, наибольшія затрудненія встрѣчаются въ тѣхъ государствахъ, гдѣ часто возникаютъ дѣла о политическихъ преступленіяхъ. Чѣмъ чаще ведутся такіе процессы въ государствѣ, вслѣдствіе борьбы партій и быстрой переменъ политическихъ учреждений, тѣмъ болѣе законодательство въ отношеніи уголовного судопроизводства уклоняется отъ своего настоящаго пути. Тогда всякая партія движенія желаетъ ввести, по возможности, не опасныя для нея законы, между тѣмъ какъ консервативная партія заботится объ установленіи такого порядка уголовного судопроизводства, который непремѣнно обезпечивалъ бы осуж-

деніємъ обвиняемыхъ противниковъ. Доказательство тому представляетъ исторія англійскаго уголовно-процессуальнаго законодательства. Рядъ постановленій объясняется временнымъ господствомъ той или другой политической и религіозной партіи, или стремленіемъ поборниковъ свободы, часто побѣждавшихъ партіи, противоdѣйствовать повторенію постыдныхъ для правосудія dѣйствій. Добросовѣстное веденіе уголовныхъ процессовъ иногда затрудняется вліяніемъ политическихъ уголовныхъ преслѣдованій, такъ какъ должностныя лица, участвующія въ производствѣ dѣлъ, особенно прокуроры, слѣдуя даннымъ имъ инструкціямъ, нерѣдко уклоняются отъ законовъ и поступаютъ пристрастно, что обнаруживается преимущественно въ самомъ изложеніи обвинительныхъ актовъ и рѣчахъ французскихъ прокуроровъ въ политическихъ процессахъ; равно какъ и судьи, часто безсознательно, забываютъ о своемъ безпристрастіи и способствуютъ всѣми средствами осужденію обвиняемыхъ. Вспомнимъ здѣсь тотъ несчастный періодъ исторіи Англій, съ Карла I до паденія Якова II (1625—1688 г.), въ который уголовное судопроизводство находилось въ полной зависимости отъ правителей-деспотовъ. Теперь понятно, что, при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, къ которымъ еще присоединяется стѣснительное положеніе свидѣтелей въ политическихъ процессахъ, судебные приговоры пользуются весьма сомнительнымъ довѣріемъ, а потому и не могутъ имѣть успѣшнаго dѣйствія, ибо вслѣдствіе того и самое уваженіе къ должностнымъ лицамъ и даже судьямъ значительно ослабѣваетъ.

Характеръ примѣняемыхъ уголовныхъ законовъ также вліяетъ на развитіе уголовного судопроизводства. Въ изслѣдованіи о судѣ присяжныхъ мы укажемъ, въ какой степени существованіе того или другаго уголовного законодательства можетъ уничтожать dѣйствія судовъ присяжныхъ. Здѣсь же обозначимъ вредное вліяніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ уголовныхъ законовъ на ходъ уголовного судопроизводства; какъ наприм. dѣйствующие во Франціи законы о распространеніи ложныхъ свѣдѣній, о нарушеніи общественнаго спо-

койствія и порядка, и т. п. заимствованные у нея и многими нѣмецкими законодательствами, въ видахъ предупрежденія причинъ извѣстныхъ преступленій, вовсе не опредѣляютъ состава преступленія (*corpus delicti*), почему они ведутъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ и допускаютъ уголовныя преслѣдованія безъ достаточнаго на то основанія, послѣдствія которыхъ въ большинствѣ случаевъ не пользуются всеобщимъ довѣріемъ. Не менѣ вредныя послѣдствія влекутъ за собою тѣ уголовныя законы, которые противорѣчатъ взглядамъ и сужденіямъ большинства народонаселенія. Такіе законы признаются многими несправедливыми, почему примѣненіе ихъ встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны народа, и потрясая уваженіе къ судьямъ ставитъ послѣднихъ въ весьма затруднительное положеніе въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ.

Чѣмъ болѣшая свобода и самостоятельность предоставлены государствомъ развитію общественныхъ учреждений, чѣмъ болѣе благопріятствуютъ они образованію независимаго общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе уголовное судопроизводство будетъ соотвѣтствовать своему назначенію.

II.

Новѣйшія наблюденія надъ ходомъ уголовного судопроизводства, введеннаго въ Германіи въ 1848 и 49 г.г., — судопроизводства, составленнаго въ сущности по образцу французскаго устава и основаннаго на началахъ устности, обвиненія и судѣ присяжныхъ, — изображаютъ весьма наглядно непосредственную связь судоустройства съ уголовнымъ судопроизводствомъ. Въ теченіи времени въ Германіи образовалось такого рода судоустройство. Первую инстанцію составляли единоличныя судьи, вѣдомству которыхъ подлежали дѣла административныя, а въ особенности полицейскія и судебныя. Они рѣшали въ качествѣ суда первой степени всѣ дѣла гражданскія и лишь тѣ уголовныя, за которыя полагались мало-

важныя наказанія; равно какъ на нихъ возлагалось производство уголовныхъ слѣдствій. Вторую инстанцію составляли коллегіальные суды. Они рѣшали въ качествѣ суда второй степени всѣ дѣла по обжалованію рѣшеній единоличныхъ судей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; въ качествѣ же первой степени суда они рѣшали тѣ уголовныя дѣла, по которымъ доставлялись имъ слѣдственные акты, такъ что апелляція на ихъ рѣшенія приносилась высшимъ судамъ. Прокуроровъ, за немногими исключеніями, въ то время не существовало, такъ какъ въ нихъ не было надобности при письменномъ и слѣдственномъ судопроизводствѣ. Съ 1848 же года, когда сила общественнаго мнѣнія вызвала введеніе новаго порядка судопроизводства, почти во всей Германіи возникли многочисленныя затрудненія.

Уголовно-процессуальное законодательство Франціи основано преимущественно на дѣятельности прокурора. Судоустройство же ея въ сущности слѣдующее. Первую степень суда по гражданскимъ дѣламъ составляютъ окружныя суды, коимъ, во время производства предварительнаго слѣдствія, весьма удобно имѣть надзоръ за дѣятельностію слѣдственного судьи, который есть членъ окружнаго суда. Кромѣ того, въ эти суды поступаетъ апелляція на рѣшенія по дѣламъ, влекущимъ за собою полицейскія наказанія, и они же рѣшаютъ, въ качествѣ исправительныхъ полицейскихъ судовъ, такія уголовныя дѣла, въ которыхъ нѣтъ полицейскаго проступка и нѣтъ преступленія. Существованіе мировыхъ судей во Франціи даетъ возможность поручать имъ, въ случаяхъ крайней необходимости, производство слѣдственныхъ дѣйствій по обнаруженію слѣдовъ преступленія, въ видахъ значительнаго содѣйствія прокурору и слѣдственному судѣ. Кругъ вѣдомства апелляціонныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ весьма обширенъ. Одно отдѣленіе ихъ составляетъ обвинительную камеру, которая занимается разсмотрѣніемъ предварительныхъ слѣдствій, произведенныхъ слѣдственнымъ судьей, и постановленіемъ приговоровъ или объ освобожденіи заарестованныхъ лицъ, или о преданіи ихъ суду. Притомъ одинъ изъ департаментовъ апелляціонныхъ судовъ представляетъ апел-

ляціонную инстанцію по дѣламъ исправительной полиціи. Наконецъ, они образуютъ въ извѣстное время ассизы, для разсмотрѣнія обвиненій въ совершеніи преступленій, подлежащихъ рѣшенію съ присяжными; тогда члены этого апелляціоннаго суда бываютъ судьями ассизовъ, а одинъ изъ нихъ президентомъ. Во главѣ французскаго судоустройства поставленъ кассационный судъ, какъ самостоятельное судебное установленіе, для обсужденія неправильностей въ судопроизводствѣ или въ рѣшеніяхъ и для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ относительно примѣненія закона. Вотъ почему, когда въ 1848 г. вводили въ Германіи публичное и устное судопроизводство, неизбежно возникъ вопросъ о связи судоустройства съ судопроизводствомъ. Французское судопроизводство, находящееся въ столь непосредственной зависимости отъ своего судоустройства, потому и не могло быть согласовано съ древнимъ устройствомъ суда, существовавшимъ тогда въ Германіи.

Относительно же заимствованія нѣкоторыхъ учрежденій изъ англійскаго законодательства, необходимо быть весьма осторожнымъ, потому что англійское судопроизводство находится также въ ближайшей связи съ судоустройствомъ. Въ Англіи судопроизводство сложилось не вдругъ, а постепенно, въ теченіи долгаго времени, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ обстоятельствъ, почему настоящее Англіи и сохранило почти во всѣхъ отдѣльных частяхъ уголовного судопроизводства характеръ остатка прошедшаго времени и внѣшнихъ вліяній.

Maßstab gegen Raum und Zeit.
Rittermaße

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. І. А. МИТТЕРМАЙЕРА.

Переводъ съ примѣчаніями, дополненіями, біографическимъ очеркомъ
и портретомъ автора, подъ редакціею

Н. ЛАМАНСКАГО.

ПЕТЁРБУРГЪ.

1865.

I. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРАКТИКИ И НАУКИ О ДОСТОИНСТВАХ И ДѢЙСТВІЯХЪ СУДОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Изъ всѣхъ учрежденій новѣйшаго времени въ области уголовного судопроизводства ни одно не заслуживаетъ въ такой высокой степени всеобщаго вниманія, какъ учрежденіе суда присяжныхъ. И притомъ, нѣтъ учрежденія, которое, подобно ему, понималось бы такимъ одностороннимъ образомъ своими почитателями и противниками. Въ государствахъ, въ которыхъ судъ присяжныхъ укоренился въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій и развивался въ связи съ социальнымъ и политическимъ бытомъ народа, — въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, — онъ въ недавнее время сдѣлался предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій и даже законодательныхъ реформъ по отдѣльнымъ его частямъ. Въ Америкѣ, куда переселились англійскія учрежденія, причемъ, какъ замѣтилъ одинъ остроумный писатель, государственная церковь, дворянство, приплегіи и злоупотребленія остались въ старомъ отечествѣ. — Судъ присяжныхъ подвергся существенному преобразованію со стороны законодательства отдѣльныхъ штатовъ. Многія учрежденія, которыхъ Англія не рѣшалась измѣнить изъ опасенія потрепть старину, усовершенствованы сообразно требованіямъ конституціи Америки. Во Франціи, гдѣ судъ присяжныхъ дѣйствуетъ уже болѣе семидесяти лѣтъ, испытывая на себѣ вліяніе частыхъ смѣнявшихся политическихъ формъ, онъ постоянно занимаетъ законодательство, во всѣхъ мѣрахъ котораго проглядываетъ болѣе или менѣе недовѣріе законодателей и даже иногда судей къ этому учрежденію. Съ другой стороны и труды французскихъ ученыхъ о джюри, какъ мы увидимъ ниже, часто страдаютъ шаткостью взгляда и непониманіемъ настоящихъ причинъ существующихъ недостатковъ этого учрежденія. Въ Бель-

гін, Португалія и Греція, гдѣ судъ присяжныхъ введенъ лишь въ позднѣйшее время, онъ сложился совершенно своеобразно, соотвѣтственно нравственному и соціальному быту каждой изъ этихъ странъ.

Въ Германіи условія, при которыхъ вводился судъ присяжныхъ въ 1848 и 1849 г.г., были неблагопріятны развитію правильныхъ понятій о значеніи этого учрежденія. Лица, стоявшія за судъ присяжныхъ и хлопотавшія о введеніи его въ отдѣльныхъ государствахъ германскаго союза, имѣли въ виду почти исключительно французскій судъ присяжныхъ съ его рѣшительно односторонними началами. Большая часть усердныхъ поклонниковъ присяжнаго суда ~~смотрѣли на него какъ~~ на политическій институтъ, какъ на средство защиты въ политическихъ преслѣдованіяхъ. Другіе, собственно неодобрявшіе института, но увлеченные общимъ потокомъ движенія, рассматривали судъ присяжныхъ также со стороны его политическаго значенія и думали о томъ, какъ бы устроить его такимъ образомъ, чтобы онъ не служилъ препятствіемъ для осужденія тѣхъ, кого желали осудить. Прискорбіе всего было то, что въ нѣкоторыхъ государствахъ судъ присяжныхъ сначала примѣнялся только къ процессамъ о печати и о нѣкоторыхъ политическихъ преступленіяхъ. При тогдашнихъ волненіяхъ это повело къ тому, что присяжные часто произносили оправдательный приговоръ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вина подсудимаго была очевидна. Между тѣмъ, эта снисходительность присяжныхъ породила предубѣжденіе въ институту даже въ умахъ благомыслящихъ и разсудительныхъ гражданъ, и дала его противникамъ новое орудіе для нападокъ. Многія изъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на присяжное законодательство, въ сожалѣнію, представляли себѣ этотъ институтъ изолированнымъ и не думали о томъ, что судъ присяжныхъ только тогда можетъ дѣйствовать благотворно, когда онъ опирается на уголовное судопроизводство, гармонирующее съ сущностью и потребностями этого учрежденія. Лица, вліявшія на законодательство, не сознавали необходимыхъ условій присяжнаго суда, которые требуютъ, чтобы матеріалъ судебного состязанія предлагался присяжнымъ въ простой и удобопонятной формѣ, чтобы устранялись всѣ обстоятельства, вредящіе правильному обсужденію даннаго случая, и чтобы присяжные получали надлежащее наставленіе. Законодатели не обратили вниманія на то, что французское уголовное судопроизводство не удовлетворяетъ этимъ потребностямъ, тогда какъ начала англійскаго процесса ручаются за правильность сужденія. Большая часть обнародованныхъ въ 1848 и 1849 годахъ уставовъ уголовного судопроизводства представляютъ въ сущности копии французскаго кодекса. Еще хуже было то, что многія законодательства въ торопяхъ ограничили только изданіемъ положеній о присяжномъ судопроизводствѣ и не отбѣнили прежняго инквизиціоннаго и тайнаго порядка производства слѣдствія. Между тѣмъ, результаты предварительнаго слѣдствія, на основаніи

французской системы процесса, имѣютъ существенное вліяніе на устное производствѣ дѣла, такъ какъ въ засѣданіи суда ежeminутно дѣлаются ссылки на допросы, отобранные во время слѣдствія, и даже читаются показанія отсутствующихъ свидѣтелей, данными ими при слѣдствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранено было и прежнее судоустройство, несоответствовавшее потребностямъ новаго судопроизводства, вслѣдствіе чего въ новомъ судѣ недоставало многихъ учрежденій необходимыхъ для того, чтобы дѣйствія его приносили пользу. Стѣснительнѣе всего для присяжныхъ было то, что оставленъ въ своей силѣ прежній уголовный кодексъ. Составители кодекса имѣли въ виду, что онъ будетъ примѣняться на практикѣ юристами, хорошо знакомыми съ научными терминами, тогда какъ присяжныхъ эти термины только путали и вводили въ заблужденіе.

Само собою понятно, что въ Германіи судъ присяжныхъ, введенный при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, имѣлъ много тайныхъ и явныхъ враговъ. Большая часть государственныхъ людей (взглядъ которыхъ былъ важенъ по тому вліянію, какое они оказывали на правителей) смотрѣли враждебно на новый институтъ; они видѣли въ немъ подрывъ монархическаго принципа и полагали, что введенія этого института требовали одни только демократы. Многие ученые также явились противниками новаго учрежденія; они опасались, что упадетъ значеніе науки, если неученые граждане получатъ вліяніе на отправленіе правосудія. Наконецъ, судъ присяжныхъ нашелъ много враговъ между юристами-практиками. Эти послѣдніе видѣли въ немъ оскорбленіе судейскаго достоинства, недовѣріе къ короннымъ судьямъ и дерзкое притязаніе со стороны гражданъ, которые безъ всякихъ юридическихъ познаній и опытности берутся судить о важныхъ юридическихъ вопросахъ, тогда какъ кор. лые судьи къ рѣшенію этихъ вопросовъ приготавливаются путемъ тщательнаго изученія права и путемъ продолжительной судебной практики.

Если мы прослѣдимъ исторію развитія присяжнаго суда въ Германіи съ 1849 г., то увидимъ, что она распадается на слѣдующіе періоды, которые въ свою очередь обусловливаются ходомъ политическихъ событій въ Германіи. Въ первый періодъ, продолжавшійся съ 1848 по 1852 г., по вопросу о судѣ присяжныхъ ведутъ борьбу два враждебные элемента. Подъ вліяніемъ политическихъ событій второй половины 1849 г. возникъ цѣлый рядъ политическихъ процессовъ о проступкахъ противъ законовъ о печати и о другихъ политическихъ преступленіяхъ. Въ этихъ процессахъ роль доносчиковъ и свидѣтелей играли многія лица, желавшія понасъ въ милость къ новымъ властителямъ и загладить память о своемъ участіи въ революціи 1848 г. Почтенные граждане, призванные въ качествѣ присяжныхъ, охотно оправдывали подсудимаго въ подобныхъ процессахъ отчасти потому, что свидѣтели мало внушали довѣрія, отчасти потому, что эти политическія преслѣдованія часто направлены были:

на дѣйствія, совершенныя во времена всеобщаго волненія и потому извинительныя въ глазахъ присяжныхъ. Между тѣмъ эти оправдательные приговоры увеличили число противниковъ присяжнаго суда. Государственные люди и юристы ссылались на этотъ фактъ въ доказательство опасности суда присяжныхъ. Съ другой стороны и между гражданами нашлись многіе, которые подъ вліяніемъ воспоминаній объ ужасахъ 1848 и 1849 г.г. полагали, что теперь необходима большая строгость и потому раздражены были оправданіемъ ненавистныхъ имъ лицъ и проклинали судъ присяжныхъ.

Второй періодъ обнимаетъ собою время отъ 1853 до 1858 года. Это время можно назвать вообще періодомъ реакціи, а слѣдовательно и борьбы противъ присяжныхъ судовъ. Реакція въ отношеніи этихъ послѣднихъ дѣйствовала различнымъ образомъ: 1) Въ нѣкоторыхъ государствахъ судъ присяжныхъ былъ совершенно отмѣненъ, именно въ Саксоніи и Австріи. Въ этой послѣдней онъ весьма удовлетворительно выполнялъ свое назначеніе, хотя встрѣчались примѣры несправедливыхъ приговоровъ, что вполне объясняется новостью учрежденія. 2) Тамъ, гдѣ судъ присяжныхъ уцѣлѣлъ, старались ограничить его дѣйствія такимъ образомъ, чтобъ онъ не былъ опасенъ для правительства. Законодательства опредѣлили, что присяжные должны рѣшать только вопросъ о фактѣ. Когда въ прусскихъ палатахъ 1852 г. обсуждались законоположенія, изданныя въ 1849 г., объ устномъ и гласномъ судопроизводствѣ и присяжныхъ судахъ, между членами палаты обнаружилось большое разногласіе въ мнѣніяхъ. Одни члены высказались въ пользу присяжнаго суда въ полномъ смыслѣ этого слова, нѣкоторые даже предлагали ввести англійскія судебныя учрежденія. Другіе, напротивъ, высказали явное нерасположеніе къ суду присяжныхъ. Были, наконецъ, такіе, которые желали сохранить это учрежденіе, но при этомъ разными хитрыми доводами старались доказать, что присяжные должны считать себя только судьями факта преступленія. Изъ этого разногласія взглядовъ возникъ дѣйствующій законъ. 3) Правительства неоднократно старались приобрѣсти вліяніе на самый составъ присяжнаго суда; кассационные суды, съ своей стороны, заботились о томъ, чтобъ обезпечить за президентомъ суда его обширную власть и сдѣлать присяжныхъ простыми судьями факта. 4) Самое важное ограниченіе дѣятельности присяжнаго суда состояло въ томъ, что, по образцу новѣйшаго французскаго законодательства, дѣла о политическихъ преступленіяхъ стали рѣшаться безъ участія присяжныхъ. Этотъ порядокъ введенъ въ Пруссіи, Ганноверѣ, Гессенѣ и Нассау ¹⁾.

Хотя изъ предъидущаго видно, что нападки на судъ присяжныхъ постепенно усиливались, тѣмъ не менѣе въ области присяжнаго судопроизводства было много утѣшительныхъ явленій. Сочувствіе къ новому

учрежденію все болѣе и болѣе распространялось въ народѣ. Кто безпристрастно слѣдилъ за дѣйствіями присяжныхъ судовъ въ различныхъ государствахъ Германіи, тотъ долженъ сознаться, что нѣмецкіе присяжные отлично выполняютъ свою задачу; мы докажемъ ниже статистическими данными, что они вообще строгіе судьи, почему число оправдательныхъ приговоровъ незначительно. Если вы поговорите съ лицами, исполнявшими обязанность присяжнаго, то увидите, что присяжные руководствуются при рѣшеніи весьма вѣрными основаніями, такъ что смѣло можно сказать, что Германія созрѣла для суда присяжныхъ. Частныя свѣдѣнія о ходѣ совѣщаній присяжныхъ показываютъ, что часто люди безъ всякаго образованія, руководимые однимъ лишь практическимъ смысломъ дѣлаютъ въ высшей степени остроумныя замѣчанія и иногда судятъ о такъ-называемыхъ юридическихъ понятіяхъ правильнѣе, чѣмъ иной юристъ. Вообще, какъ отзывы народа о присяжныхъ судахъ, такъ и наблюденія надъ дѣйствіями этихъ судовъ, въ большинствѣ случаевъ весьма утѣшительны.

Совѣщанія суда присяжныхъ нерѣдко составляютъ предметъ оживленныхъ толковъ въ кружкахъ гражданъ. Ходъ процесса, поведение подсудимаго, равно какъ поведение лицъ производящихъ дѣло и состоявшіеся приговоры часто подвергаются строгой и разумной критикѣ; при этомъ повѣрются различные юридическіе взгляды и распространяются въ народѣ юридическія понятія. Понятно, что вслѣдствіе этого увеличивается участіе народа къ присяжнымъ судамъ, усиливается желаніе быть призваннымъ къ исполненію важной обязанности присяжнаго и распространяются въ народѣ юридическія свѣдѣнія. Съ другой стороны и на подсудимаго приговоръ, произнесенный его согражданами, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе и увеличиваетъ дѣйствіе уголовного закона и уголовного правосудія. Статистическія таблицы, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ странъ, доказываютъ, что вслѣдствіе этого число преступленій уменьшается.

Въ то самое время, какъ присяжные суды глубже и глубже укореняются въ народѣ и доказываютъ на дѣлѣ свою пользу, нѣтъ недостатка въ голосахъ, возстающихъ противъ суда присяжныхъ (впрочемъ число ихъ становится все меньше). Голоса эти часто принадлежатъ людямъ, которые подъ вліяніемъ ложныхъ политическихъ убѣжденій или какого нибудь неправильнаго приговора присяжныхъ, проклиная самый институтъ, причѣмъ обыкновенно имѣютъ передъ глазами только французскую систему суда съ ея недостатками, и не понимаютъ самой жизни и истиннаго значенія присяжнаго суда. Но подобные взгляды достаточно опровергнуты въ разныхъ научныхъ трудахъ. Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу института присяжныхъ служатъ неоднократные лестные отзывы президентовъ ассизныхъ судовъ, прокуроровъ и даже государственныхъ

людей о поведеніи присяжныхъ. Не менѣе знаменателенъ фактъ, что во многихъ государствахъ Германіи добровольно составляются общества съ цѣлью снабжать присяжныхъ суточными деньгами, такъ какъ присяжнымъ приходится иногда на-долгое время покидать свои собственныя занятія. Съ другой стороны участіе гражданъ къ новому суду и ихъ готовность приносить жертвы доказывается тѣмъ, что въ большей части нѣмецкихъ государствъ присяжные обыкновенно являются по первому приглашенію; если же кто и неявится, то по причинамъ, которыя судъ признаетъ вполне уважительными. Мы должны, однакоже, замѣтить, что расположеніе и участіе народа въ суду присяжныхъ неодинаково въ различныхъ государствахъ германскаго союза. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, напри- мѣръ въ Баваріи, Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ, отчасти также въ Баденѣ, присяжные суды пользуются живѣйшимъ сочувствіемъ со стороны народа; тогда какъ въ другихъ государствахъ замѣтно равнодушіе и даже нерасположеніе къ этому учрежденію — это происходитъ преимущественно оттого, что граждане жалуются на тяжесть жертвъ, которыя имъ приходится дѣлать въ случаѣ призыва въ присяжные. Въ нѣкоторыхъ государствахъ даже въ различныхъ классахъ, въ особенности между лицами высшихъ сословій, есть много противниковъ присяжнаго суда, какъ напри- м. въ Пруссіи. Случится ли гдѣ нибудь, что присяжные осудили невиннаго, какъ это было напри- м. въ Ганноверѣ въ одномъ извѣстномъ процессѣ, или недавно въ Пруссіи, — противники суда присяжныхъ съ радостью хвата- ются за такой случай и дѣлаютъ изъ него выводы неблагоприятные для всего учрежденія. Ниже мы докажемъ всю неосновательность этихъ вы- водовъ. Здѣсь пока замѣтимъ только, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ осужденія невиннаго коронные судьи одобрили приговоръ, такъ какъ они не пользовались предоставленнымъ имъ по закону правомъ, по которому они могутъ не соглашаться съ приговоромъ присяжныхъ, если находятъ его несправедливымъ, и передать дѣло на рѣшеніе другаго присяжнаго суда ²⁾).

Докладъ комисіи, учрежденной при второй баденской палатѣ для разсмотрѣнія проекта уголовного судопроизводства, сдѣлавъ слѣдующій вѣстный отзывъ о судѣ присяжныхъ:

«Комиссія и ея докладчикъ не считаютъ нужнымъ распространяться о достоинствахъ и пользѣ института присяжныхъ судовъ. Нѣтъ ни одного учрежденія, которое бы, подобно ему, такъ быстро пустило глубокіе корни въ народѣ. Съ другой стороны способность нашихъ присяжныхъ засвидѣ- тельствована людьми компетентными. Но самое лучшее свидѣтельство въ этомъ отношеніи представляетъ дѣятельность присяжныхъ судовъ».

«Комиссія въ особенности обращаетъ вниманіе на тотъ многозна- мательный фактъ, что въ теченіи двѣнадцатилѣтняго существованія инсти- тута присяжныхъ судовъ былъ одинъ только случай, когда судья воспользо-

вался предоставленнымъ ему по закону правомъ не давать силы приговору присяжныхъ, если онъ находитъ, что этотъ приговоромъ осужденъ невинный».

Мы прибавимъ съ своей стороны, что присяжные суды въ Баденѣ приносили бы еще больше пользы, если бы присяжныхъ не стѣснялъ уголовный кодексъ 1845 г., очевидно составленный для руководства юристовъ. Этотъ кодексъ, заключающій въ себѣ множество выражений понятныхъ только специалистамъ, да и то не всегда, и отличающійся кромѣ того необыкновенною суровостью, слѣдовало бы подвергнуть тщательному пересмотру и измѣнить сообразно сущности и требованіямъ новаго суда³⁾.

Если мы сравнимъ отзывы народа въ разныхъ имѣющихъ государственныхъ о судѣ присяжныхъ, то увидимъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ они благоприятны, въ другихъ неблагоприятны новому учрежденію. Это различіе отзывовъ обуславливается отчасти характеромъ уголовного законодательства каждой страны, отчасти поведеніемъ въ процессѣ должностныхъ лицъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на производство дѣла и на сужденіе присяжныхъ. Если полагася въ кодексѣ наказаніе слишкомъ сурово и если законъ не предоставляетъ присяжнымъ права указывать на существованіе смягчающихъ вину обстоятельствъ, то понятно, что совѣсть присяжныхъ возмущается и они склоняются къ совершенному оправданію подсудимаго. Такъ нерѣдко бываетъ въ Пруссіи; наприм., въ процессѣ одного лица, судившагося за убійство своей любовницы, совершенное съ согласія этой послѣдней, присяжные, провозгласивъ смертный приговоръ, прибавили къ нему слѣдующія слова: по обстоятельствамъ дѣла мы находимъ смертную казнь слишкомъ жестокимъ наказаніемъ. Даже президентъ ассизовъ выразился, что смертный приговоръ въ настоящемъ случаѣ противорѣчитъ народному сознанію. Само собою разумѣется, что этотъ случай произвелъ на народъ и присяжныхъ дурное впечатлѣніе, которое врядъ-ли могло загладить послѣдовавшее за тѣмъ помилованіе подсудимаго, состоявшее въ замѣнѣ смертной казни пожизненной каторжной работой. Далѣе, легко замѣтить, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законъ постановляетъ избирать въ присяжные преимущественно только знатныхъ и богатыхъ, или гдѣ на выборъ присяжныхъ имѣютъ большое вліяніе должностныя лица, суды присяжныхъ встрѣчаютъ мало сочувствія въ народѣ и приговоры ихъ не пользуются общимъ довѣріемъ. Съ другой стороны, чѣмъ утомительнѣе порядокъ судебного разбирательства, чѣмъ болѣе процессы затягиваются введеніемъ разныхъ ненужныхъ обстоятельствъ и продолжительностью допросовъ, тѣмъ неохотнѣе соглашаются граждане участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. Опытъ доказываетъ также, что тамъ, гдѣ процессы ведутся пристрастно, наприм. со стороны прокуроровъ, гдѣ президенты стараются, хотя и съ хорошимъ намѣреніемъ, путать подсудимыхъ, гдѣ свидѣтели за показанія въ пользу

подсудимого подвергаются грубостямъ со стороны должностныхъ лицъ, общественное мнѣніе смотритъ неблагопріятно на публичное судопроизводство и граждане мало обнаруживаютъ желанія быть присяжными. Это явленіе въ особенности замѣтно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ принята искусственная система постановки вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, или гдѣ ограничена свобода присяжныхъ рѣшать по своему убѣжденію. Въ этихъ государствахъ президентъ отклоняетъ постановку вопроса о смягчающихъ наказаніе обстоятельствахъ. Если же присяжные присовокупляютъ къ приговору объясненіе, смягчающее строгость приговора, но несогласное со взглядомъ президента, то этотъ послѣдній дѣлаетъ имъ выговоръ тономъ школьнаго учителя и даже въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Что же касается прибавленнаго въ приговорѣ объясненія, то президентъ оставляетъ его безъ всякихъ послѣдствій или даетъ приговору произвольное толкованіе вопреки мнѣнію присяжныхъ ⁴⁾.

Третій періодъ развитія нѣмецкаго суда присяжныхъ наступилъ съ 1859 года. Съ этого времени все болѣе и болѣе распространяется сознаніе высокаго значенія и достоинства суда присяжныхъ и увеличивается сочувствіе народа къ этому учрежденію. Съ этого же времени возрастаетъ число юристовъ, — какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, — которые рѣшительно признаютъ, что судъ присяжныхъ, разумно организованный, настолько же охраняетъ интересы общества и обезпечиваетъ энергическое отправленіе уголовного правосудія, насколько служить оплотомъ гражданской свободы. Законодательство этого періода заботится объ улучшеніи устройства присяжныхъ судовъ, довѣрливѣе смотритъ на присяжныхъ и даетъ имъ большую самостоятельность и свободу при рѣшеніи. Въ такомъ духѣ написаны ольденбургскій уставъ уголовного судопроизводства, пересмотрѣнный уставъ брауншвейгскій и проекты уставовъ бременскаго, гессенскаго и гамбургскаго. Къ числу самыхъ отрадныхъ явленій слѣдуетъ отнести то, что въ Австріи, гдѣ судъ присяжныхъ существовалъ съ 1850 г., но потомъ былъ отмѣненъ, теперь всѣ желаютъ возстановленія этого института. Проектъ новаго австрійскаго устава уголовного судопроизводства построенъ на началѣ присяжнаго суда. Органы науки въ Австріи также высказались въ пользу введенія института присяжныхъ. Государственный министръ Шмерлингъ объявилъ, что правительство желаетъ какъ можно скорѣе ввести институтъ присяжныхъ. Нижнеавстрійскій сеймъ 1863 г. огромнымъ большинствомъ голосовъ принялъ предложеніе комитета сейма о введеніи присяжныхъ судовъ съ распространеніемъ ихъ подсудности на политическія преступленія и проступки и на проступки противъ законовъ о печати. Точно также на сѣздѣ германскихъ юристовъ (Juristentag), происходившемъ въ 1862 г., огромное большинство членовъ высказалось въ пользу учрежденія присяжныхъ судовъ, въ особенности въ пользу рѣшенія съ присяжными дѣлъ о политическихъ проступкахъ.

На этомъ сѣздѣ сдѣлано было предложеніе объявить, что введеніе присяжныхъ судовъ и въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ они еще не введены, составляетъ насущную потребность нѣмецкаго уголовного правосудія. Непріятно поражаютъ возраженія на это предложеніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ, желавшихъ отклонить рѣшеніе вопроса. Они, наприм., видѣли въ предложеніи недовѣріе къ нѣмецкимъ коллегіямъ судей. Одинъ ораторъ совѣтовалъ отложить рѣшеніе вопроса до другаго времени, такъ какъ теперь нѣтъ необходимыхъ данныхъ для рѣшенія. Другіе доказывали, что сѣздъ юристовъ не долженъ заниматься вопросомъ о судѣ присяжныхъ, потому что это вопросъ политическій, а политическіе вопросы не входятъ въ кругъ совѣщаній сѣзда. Жаль, что юристы, присутствовавшіе на сѣздѣ, не смотрѣли на этотъ сѣздъ какъ на продолженіе собраній германистовъ (*Germanistenversammlungen*) и не воспользовались преніями и постановленіями этихъ собраній для всесторонняго обсужденія вопроса объ институтѣ присяжныхъ. Одинъ членъ сѣзда сказалъ, что послѣ того, что показалъ опытъ въ 1830 г. во Франціи, а потомъ и въ Германіи, онъ не считаетъ судъ присяжныхъ необходимымъ или даже полезнымъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что судъ присяжныхъ составляетъ оппозицію судейскому сословію. Этотъ взглядъ легко объясняется тѣмъ, что многіе изъ нѣмецкихъ юристовъ имѣютъ въ виду только французскій судъ присяжныхъ и не обращаютъ вниманія на англійскую систему, по которой приговоръ постановляется совокупною дѣятельностью присяжныхъ и судьи, причемъ между обѣими органами судебной власти не замѣтно ни малѣйшей оппозиціи. Результатъ этого, къ сожалѣнію, краткаго совѣщанія сѣзда былъ тотъ, что большинство членовъ высказалось въ пользу введенія присяжныхъ судовъ и даже въ пользу подсудности имъ процессовъ о печати и политическихъ процессовъ⁵⁾.

Мы не умолчимъ однакоже, что въ Германіи институтъ присяжныхъ все еще находитъ противниковъ, что въ двухъ государствахъ еще недавно отвергнуто было предложеніе о введеніи или сохраненіи его, и что нѣкоторые уважаемые юристы-практики представили немаловажныя возраженія противъ этого института. Отвергнуть судъ присяжныхъ въ Любекѣ и въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Въ Любекѣ всѣ проекты устава уголовного судопроизводства, предлагавшіеся съ 1850 г., основаны были на началѣ присяжнаго суда; еще въ 1857 г. законодательная коммисія отзывалась съ хорошей стороны объ этомъ судѣ. Но въ 1860 г. взглядъ измѣнился и сенатъ предложилъ отмѣну судовъ присяжныхъ. Докладъ коммисіи, учрежденной по этому поводу, указывалъ на преимущества судовъ присяжныхъ, все болѣе и болѣе укореняющихся въ Германіи, и опровергая возраженія сената, основанныя на особенныхъ мѣстныхъ условіяхъ Любека, предлагалъ учрежденіе суда присяжныхъ. Протоколъ засѣданія совѣта гражданъ (*Bürgerausschuss*) 16 іюля 1862 г. замѣчаетъ, что въ этомъ

совѣтъ предложеніе о введеніи джюри отвергнуто шестнадцатью голосами противъ шести. Обнародованный 26 ноября 1862 г. уставъ основанъ на рѣшеніи дѣлъ посредствомъ постоянной коллегіи судей, которые однакоже не обязаны придерживаться теоріи законныхъ доказательствъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ проектъ устава уголовного судопроизводства, предложенный палатамъ, и ужь одобренный второю палатою, не принять въслѣдствіе несогласія первой палаты. Подробные доклады, представленные по этому поводу комитетами обѣихъ палатъ, заключаютъ въ себѣ богатые матеріалы по самымъ важнымъ законодательнымъ вопросамъ ⁶⁾.

Къ числу нападковъ на суды присяжныхъ слѣдуетъ отнести сочиненіе уважаемаго и опытнаго практика Віарды (Wiarda), имѣвшего въ виду преимущественно ганноверскій судъ. Воспользовавшись нѣсколькими будто-бы ошибочными приговорами, въ особенности процессомъ (Цигенмейера и Буссе), въ которомъ осуждены были двое невинныхъ за убійство, Віарда приписываетъ поклонникамъ джюри намѣреніе ниспровергнуть господство юристовъ и передать отправление правосудія въ руки народа. Такъ какъ авторъ разсматриваетъ отдѣльныя стороны уголовного судопроизводства и старается показать опасности для правильнаго рѣшенія дѣлъ посредствомъ присяжныхъ, происходящія наприм. отъ системы постановки вопросовъ, то его сочиненіе можетъ произвести сильное впечатлѣніе на читателя. Взглядъ Віарды прекрасно опровергнуть уважаемымъ ганноверскимъ юристомъ Шварце (Schwarze) ⁷⁾.

Значеніе и преимущества судовъ присяжныхъ подробно разсмотрѣны въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ одна помѣщена была въ газетѣ «die Zeit» 1862 г., а другая — въ журналѣ: «Die deutsche Vierteljahrsschrift» (1862 г. № 98). Статьи эти написаны съ большимъ умомъ и знаніемъ дѣла. Авторы говорятъ, что вопросъ можетъ быть только о томъ, не слѣдуетъ ли предоставить народу болѣе дѣятельное участіе въ отравленіи правосудія и не ограничивать этого участія однимъ только рѣшеніемъ вопроса о фактѣ. Всякій, кто близко наблюдалъ за ходомъ судебной практики, согласится съ этимъ мнѣніемъ. Мы здѣсь кстати замѣтимъ, что мысль объ участіи народа въ судопроизводствѣ недавно получила въ Германіи новое примѣненіе учрежденіемъ такъ-называемыхъ Schöffengerichte. Эти суды отличаются отъ джюри тѣмъ, что въ нихъ дѣла рѣшаются совокупною дѣятельностью одного короннаго судьи и двухъ судей изъ народа. Польза такихъ судовъ доказана уже на опытѣ въ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, гдѣ они впервые были введены. Теперь они приняты также въ законодательствѣ баденскомъ и предложены въ Бременѣ и Кургессенѣ ⁸⁾.

Сочувствіе народа къ суду присяжныхъ и готовность гражданъ приносить жертвы ради этого учрежденія неодинаковы въ разныхъ мѣстностяхъ

Германіи, что зависить отъ порядка судопроизводства, существующаго въ томъ или другомъ государствѣ, и отъ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Опытъ показиваетъ, что въ государствахъ, гдѣ принята искусственная система постановки вопросовъ, стѣсняющая совѣсть присяжныхъ или путающая ихъ, — присяжные недовольны своимъ положеніемъ, да и само общественное мнѣніе относится къ институту съ меньшимъ сочувствіемъ. Въ Пруссіи наприм. присяжныхъ особенно стѣсняетъ способъ постановки вопросовъ (обусловливаемый ложнымъ возрѣніемъ на обвиненіе) въ дѣлахъ объ убійствѣ, которое совершено нѣсколькими лицами вмѣстѣ, причѣмъ неизвѣстно, кто изъ нихъ былъ главный виновникъ, кто соучастникъ; также способъ постановки, часто употребляемый президентомъ въ процессахъ о необходимой оборонѣ. Случается, что по одному и тому же дѣлу кассационный судъ нѣсколько разъ уничтожаетъ приговоръ по причинѣ нечѣрной постановки вопроса, и присяжнымъ приходится по нѣскольку разъ снова рѣшать. Такіе случаи производятъ непріятное впечатлѣніе на публику. Здравомыслящіе люди жалуются, что гражданъ обременяють безъ всякой надобности, тогда какъ при надлежащей постановкѣ обвиненія и ясномъ формулированіи вопроса можно бы было съ перваго же раза достигнуть правильнаго вердикта. Но особенно дурное впечатлѣніе оставляють въ народѣ случаи осужденія на смерть невинныхъ. Противники джюри опираются на подобные случаи съ цѣлью показать несправедливость приговоровъ присяжныхъ. Въ народѣ легко возникаетъ недоувѣріе къ учрежденію. Наконецъ, и присяжныхъ беспокоить, что они осудили невиннаго, введенные въ заблужденіе экспертами и увлеченные доводами прокурора *).

Самыя послѣднія законодательныя работы въ Германіи о судѣ присяжныхъ представляютъ кургессенскій и баденскій проекты уставовъ уголовного судопроизводства. Въ обоихъ проектахъ замѣтно стремленіе построить уголовное судопроизводство по указаніямъ опыта и результатамъ научныхъ изслѣдованій. Во отношеніи состава присяжныхъ судовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ баварскій законъ 10 ноября 1861 г., которымъ измѣнены существовавшія до того времени постановленія въ прирейнскомъ Пфальцѣ. Теперь все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что законодательству тогда только можетъ разсчитывать на успѣхъ дѣйствій присяжныхъ судовъ, когда оно оградить отъ недоувѣрія выборъ присяжныхъ, устранить возможность превышенія власти со стороны прокурора, дать надлежащее положеніе президенту суда и принять разумную систему постановки вопросовъ. Въ отношеніи перваго изъ этихъ условий все настоятельнѣе высказывается требованіе, чтобы въ спискахъ присяжныхъ господствовалъ народный элементъ, и чтобъ оставлена была французская система, по которой на выборъ присяжныхъ имѣють существенное вліяніе чиновники. Система ценза удержана въ но-

выхъ проектахъ на столько, что въ общіе списки (Urliste) вносятся всѣ платящіе подать средняго размѣра. Въ пользу такого ценза можно привести много доводовъ. Кромѣ того (по примѣру французскаго) законодательство опредѣляетъ вносить въ общіе списки и другихъ лицъ, которыя хотя и не платятъ подати въ означенномъ размѣрѣ, но обладаютъ особенными качествами, свидѣтельствующими о ихъ дарованіяхъ и умѣ. Впрочемъ, въ баденскомъ проектѣ число такихъ лицъ ограничено. Что касается способа составленія списковъ по округамъ (Kreisliste) изъ общихъ списковъ, то и въ новыхъ проектахъ проглядываетъ прежнее недовѣріе правительства и желаніе его вліять путемъ своихъ чиновниковъ на выборъ присяжныхъ ¹⁰⁾.

Мы еще впоследствии возвратимся къ главнымъ пунктамъ реформы уголовного судопроизводства, предлагаемой въ этихъ проектахъ. Здѣсь мы остановимся только на самомъ важномъ пунктѣ этой реформы, на пунктѣ, отъ котораго существенно зависитъ успѣхъ дѣйствій судовъ присяжныхъ, именно на системѣ постановки вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ. Ниже мы покажемъ, что почти во всѣхъ странахъ, въ которыхъ принята въ сущности французская система постановки вопросовъ, несправедливые приговоры обязаны своимъ происхожденіемъ этой системѣ. Но и оба новые проекта не содержатъ въ себѣ существенныхъ улучшеній въ этомъ отношеніи. По баденскому проекту способъ формулированія вопросовъ предоставленъ благоусмотрѣнію судьи, но все-таки требуется, чтобы судья въ главномъ вопросѣ помѣщалъ всѣ законные признаки преступленія. Кургессенскій проектъ предписываетъ, чтобы вопросы относились къ фактамъ. Юридическія понятія, извѣстныя въ обществѣ и несомнѣнно подходящія къ данному случаю, непремѣнно должны быть употребляемы въ вопросѣ. Врядъ-ли подобныя предписанія устранятъ недостатки способа формулированія вопросовъ. Докладъ комисіи второй баденской палаты совершенно справедливо замѣтилъ по этому поводу слѣдующее: «какой вредъ сопряженъ съ французской системой постановки вопросовъ видно изъ того, что кассация рѣшенія присяжнаго суда по большей части происходитъ не вслѣдствіе невѣрнаго приговора присяжныхъ, но по причинѣ невѣрной постановки вопроса, подлежавшаго ихъ сужденію, — другими словами: не вслѣдствіе неудачнаго отвѣта, но вслѣдствіе неудачнаго вопроса». Впоследствии, при изложеніи уголовного судопроизводства въ отдѣльныхъ странахъ, мы покажемъ, что приведенныя слова баденской комисіи можно примѣнить въ большей или меньшей степени къ судопроизводству каждой страны — вездѣ слышатся жалобы присяжныхъ на то, что способъ формулированія вопросовъ ставитъ ихъ въ крайне затруднительное положеніе. Продолжительное наблюденіе за ходомъ судебной практики въ Европѣ привело автора настоящей статьи къ убѣжденію, что только принятіемъ англій-

ской и шотландской (дѣйствующей также на островѣ Мальтѣ) системы можно избѣгнуть тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія порождаетъ французская система. Проектъ баденской комисіи въ этомъ отношеніи не достигаетъ цѣли. Комисія полагаетъ, что по причинѣ разнообразія судебныхъ случаевъ слѣдуетъ лучше отказаться отъ точнаго опредѣленія законодательнымъ путемъ способа постановки вопросовъ и предоставить формулированіе вопросовъ благоусмотрѣнію судьи. Но, при различіи взглядовъ судей, можно опасаться, что въ баденскомъ судопроизводствѣ постоянно будутъ обнаруживаться тѣ вредные результаты, на которые указываетъ сама комисія. Если не будетъ принята англійская система, то во всякомъ случаѣ должны быть соблюдаемы слѣдующія условія: 1) когда существуетъ сомнѣніе касательно возможности доказать главное обвиненіе, то ужъ обвинительная камера должна позаботиться о томъ, чтобы въ обвинительный актъ включены были такъ-называемыя вспомогательныя обвиненія. 2) Главный вопросъ долженъ формулироваться такимъ образомъ (какъ это дѣлается въ Баваріи, въ Брауншвейгѣ): виновенъ ли подсудимый? При этомъ преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, должно быть опредѣлено его законными признаками съ указаніемъ времени и мѣста совершенія. 3) Постановка особенныхъ вопросовъ, наприм. вопроса объ основаніяхъ къ прекращенію процесса (*Aufhebungsgruende*) и вообще такихъ вопросовъ, которые присяжный долженъ предложить себѣ, прежде чѣмъ произнести обвинительный приговоръ, только въ такомъ случаѣ можетъ быть опущена, если предсѣдатель въ своей заключительной рѣчи, кромѣ поученія присяжныхъ, указываетъ имъ также на тѣ вопросы, на которые они должны обратить вниманіе при рѣшеніи. 4) Весьма важно слѣдующее правило, польза котораго доказана на опытѣ въ Швейцаріи и въ Ольденбургѣ. Если присяжные находятъ, что подсудимый не виновенъ въ томъ преступленіи, о которомъ обстоятельно говорится въ обвинительномъ актѣ, но виновенъ въ другомъ, менѣе значительномъ проступкѣ, который подразумевается въ главномъ обвиненіи, то они могутъ произнести обвинительный приговоръ по отношенію къ этому проступку, хотя бы даже имъ и не предлагали особеннаго вопроса объ этомъ обстоятельстве. Болѣе подробное изложеніе указанныхъ условій мы представимъ ниже ¹¹⁾.

Кругъ дѣйствій суда присяжныхъ расширился распространеніемъ его въ Швейцаріи. Примѣръ Швейцаріи снова подтверждаетъ ту истину, что въ каждой странѣ возрѣніе на судъ присяжныхъ зависитъ отъ быта страны и понятій народа.

Институтъ присяжныхъ, введеніе котораго предлагалось еще въ 1820 г., но встрѣтило тогда много противниковъ, учрежденъ впервые въ кантонахъ женеvскомъ и ваатландскомъ. Въ этихъ кантонахъ выборъ присяжныхъ основанъ на болѣе разумныхъ началахъ, чѣмъ во Франціи, такъ

что джюри является въ большой мѣрѣ народнымъ учрежденіемъ. Въ Женевѣ, кромѣ того, присяжные имѣютъ большое вліяніе на опредѣленіе степени наказанія, такъ какъ они могутъ указывать въ обвинительномъ приговорѣ на существованіе смягчающихъ или даже особенно смягчающихъ наказаніе обстоятельствъ.

Вопросъ о введеніи суда присяжныхъ получилъ въ Швейцаріи новый оборотъ, когда въ 1848 г. конституція швейцарскаго союза постановила, чтобы въ судахъ союза дѣла о преступленіяхъ рѣшались съ участіемъ присяжныхъ. Швейцарское законодательство усвоило себѣ при этомъ многіе взгляды англійскаго права. Законъ 10 іюля 1854 г. установилъ также англійскій порядокъ, по которому, въ случаѣ признанія обвиняемаго, не должно имѣть мѣста судебное разбирательство дѣла и рѣшеніе посредствомъ присяжныхъ. Само собою разумѣется, что, послѣ такихъ начинаній со стороны союзнаго сейма, лица, вѣрно понимавшія значеніе присяжнаго суда, стали хлопотать о введеніи этого учрежденія въ отдѣльныхъ кантонахъ. Такимъ образомъ судъ присяжныхъ введенъ въ кантонахъ: Бернѣ, Фрейбургѣ, Цюрихѣ, Тургау, Тессинѣ, Невшательѣ, Ааргау и Золотурнѣ ¹²⁾.

Законодательство поименованныхъ кантоновъ хорошо опредѣлило способъ производства предварительнаго слѣдствія и предоставило присяжнымъ большую свободу при рѣшеніи. Присяжные не обязаны строго придерживаться обвинительнаго акта. Если наприм. обвинительный актъ говорить, что подсудимый совершилъ преступленіе злоумышленно, что онъ былъ главный виновникъ, что онъ вполне окончилъ свое преступное дѣяніе, — присяжные могутъ объявить, что преступленіе совершено по неосторожности, что подсудимый былъ только соучастникомъ, или что онъ только покушался совершить преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ.

Недостатокъ этого законодательства заключается въ томъ, что прокурору предоставлена слишкомъ большая власть, и слишкомъ много удержано изъ прежняго розыскаго процесса. Вредно также дѣйствуетъ на новый судъ то обстоятельство, что во многихъ кантонахъ, наприм. въ цюрихскомъ, оставленъ въ своей силѣ прежній уголовный кодексъ, несоотвѣтствующій новымъ успѣхамъ правовѣдѣнія и неимѣвшій въ виду гласнаго судопроизводства съ участіемъ присяжныхъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ, между прочимъ въ Бернѣ, закономъ 1 апрѣля 1853 г. опредѣлено, что хотя бы дѣяніе и считалось по закону преступленіемъ и потому подлежало суду присяжныхъ, но если есть обстоятельства, смягчающія вину и заставляющія предполагать, что обвиняемый не подвергнется уголовному наказанію, то обвинительная камера можетъ передать дѣло на рѣшеніе исправительнаго суда. Между тѣмъ, въ другихъ кантонахъ, наприм. въ Женевѣ и Ваадландѣ, постановлено, чтобы уголовные случаи, влекущіе за собою исправительное наказаніе, рѣшались также съ участіемъ присяж-

ныхъ (шести, тогда какъ для рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ необходимо двѣнадцать присяжныхъ).

Наше мы покажемъ, на основаніи статистическихъ данныхъ о дѣйствіяхъ присяжныхъ судовъ въ отдѣльныхъ кантонахъ, что швейцарскіе присяжные хорошо исполняютъ свои обязанности, что они строгіе судьи и рѣдко произносятъ оправдательные приговоры, и что съ каждымъ годомъ увеличивается число случаевъ, въ которыхъ сознаніе обвиняемаго предупреждаетъ разбирательство дѣла предъ присяжными. Въ то время, какъ здравомыслящіе и безпристрастные люди въ Швейцаріи считаютъ судъ присяжныхъ истиннымъ прогрессомъ, въ то время, какъ талантливый и опытный генеральный прокуроръ въ Бернѣ, д-ръ Германъ (Hermann), отзываясь о присяжныхъ съ хорошей стороны, слышатся голоса, недовольные институтомъ присяжныхъ, слышатся даже въ тѣхъ кантонахъ, въ которыхъ судъ присяжныхъ уже существуетъ. Голоса эти особенно усилились по поводу одного случая, когда присяжные оправдали подсудимаго, противъ котораго раздражено было общественное мнѣніе. Точно также неожиданно мягкій приговоръ служить предметомъ нападокъ на институтъ присяжныхъ, причемъ противники его не берутъ въ расчетъ особенныхъ обстоятельствъ дѣла, по которому состоялся такой приговоръ. Результатъ собственныхъ наблюденій и собранныхъ свѣдѣній показалъ намъ, что причина, почему въ Швейцаріи еще многіе не сочувствуютъ институту присяжныхъ заключается отчасти въ томъ, что не видятъ надобности призывать присяжныхъ, рѣшающихъ только вопросъ о фактѣ, тогда какъ въ Швейцаріи и безъ того судьи избираются народомъ и даже часто не изъ юристовъ, а просто изъ образованныхъ гражданъ; отчасти же въ томъ, что въ нѣкоторыхъ кантонахъ быстро одинъ за другимъ слѣдовали нѣсколько случаевъ осужденія присяжными невинныхъ. Это послѣднее обстоятельство породило опасенія относительно возможности повторенія такихъ случаевъ на будущее время. Но при этомъ совершенно напрасно упустили изъ виду, что несправедливо обвинять присяжныхъ въ томъ случаѣ, когда вся вина осужденія падаетъ очевидно на одного только прокурора (какъ наприм. въ дѣлѣ Арбенца), или въ томъ случаѣ, когда прокуроръ энергически настаивалъ на виновности подсудимаго и сами судьи, присутствовавшіе въ ассизахъ, одобрили обвинительный вердиктъ присяжныхъ.

Въ кантонахъ: Люцернѣ, Сант-Галленѣ, Граубинденѣ, Базелѣ и трехъ первоначальныхъ кантонахъ швейцарскаго союза рѣшеніе дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ исключено изъ новаго кодекса уголовного судопроизводства.

Различныя мнѣнія, господствующія въ Швейцаріи, о достоинствѣ присяжныхъ судовъ опредѣленіе всего высказались въ засѣданіи совѣта кантона Золотурна, происходившемъ 21 мая 1862 г. ¹³⁾.

Въ этомъ засѣданіи представлены были два проекта судопроизводства, изъ которыхъ одинъ предлагалъ систему присяжныхъ судовъ, а другой — систему постоянныхъ судей. По поводу этихъ проектовъ члены совѣта (юристы и неюристы) подробно разобрали всѣ основанія за и противъ присяжныхъ судовъ. Результатъ совѣщанія былъ тотъ, что изъ 83 вотировавшихъ 70 высказались въ пользу введенія присяжнаго суда.

Мы постараемся передать здѣсь сущность тогдашняго совѣщанія. Многіе ораторы объявили, что если предоставить рѣшеніе дѣлъ постояннымъ судьямъ, то нужно позаботиться о необходимыхъ гарантіяхъ правильнаго отправленія правосудія; что предварительно должно рѣшить слѣдующіе вопросы: служить ли большое число судей ручательствомъ правильности приговора, въ какой мѣрѣ можно допустить право отвода, и слѣдуетъ ли удерживать восхожденіе дѣлъ по инстанціямъ? Ораторы, предпочитавшіе постоянныхъ судей присяжнымъ, замѣтили, что преимущества, приписываемыя суду присяжныхъ, слѣдуетъ отнести къ основамъ устнаго и гласнаго судопроизводства, и что этими преимуществами пользоваться точно также можно и при системѣ постоянныхъ судей. Противъ присяжныхъ приводили также то, что они не несутъ никакой отвѣтственности за исполненіе своей обязанности и что имъ неизвѣстна судейская репутація. Утверждали, что присяжные легко поддаются минутному впечатлѣнію и вліянію общественнаго мнѣнія, какъ это бываетъ и съ молодыми судьями, которые весьма склонны къ строгимъ приговорамъ, пока опытъ не охладитъ въ нихъ излишнюю энергію. Указывали на то, что при системѣ присяжнаго суда потребуется болѣе расходовъ по отправленію правосудія, а также на то, что присяжные руководятся болѣе чувствомъ, которому опасно довѣряться. Ссылались, наконецъ, на то, что право отвода присяжныхъ не ведетъ къ такимъ благотѣльнымъ результатамъ, какіе ему приписываютъ, потому что это право на практикѣ часто примѣняется такимъ образомъ, что въ числѣ неотведенныхъ присяжныхъ остаются только самые глупые и самые недостойные люди.

Ораторы, защищавшіе присяжный судъ, отвѣчали, что возраженіе относительно большихъ расходовъ, сопряженныхъ будто-бы съ этимъ учрежденіемъ, не имѣетъ силы, потому что во многихъ случаяхъ обвиняемые сами сознаются и тогда дѣла рѣшаются безъ призыва присяжныхъ. Далѣе говорили, что вердиктъ присяжнаго суда, въ которомъ засѣдаютъ понятые изъ народа, дѣйствуетъ на подсудимаго репрессивнѣе, чѣмъ приговоръ постоянного суда. Указывали также на то обстоятельство, что присяжные суды служатъ школой для народа, что при существованіи ихъ сильнѣе развивается чувство чести и отвращеніе отъ преступныхъ дѣйствій. Наконецъ доказывали, что судъ присяжныхъ представляетъ болѣе случаевъ правильнаго рѣшенія, потому что на этомъ судѣ лучше обсуждаются особенныя обстоятельства каждаго даннаго случая и потому что

судьи подъ присягой обязуются разбирать доказательства по совѣсти. Президентъ верховнаго суда Бюргли (Bürgli) замѣтилъ съ своей стороны, что право смѣнять судей составляетъ одно изъ преимуществъ присяжнаго суда.

Много поучительнаго въ отношеніи дѣйствій судовъ присяжныхъ представляетъ итальянское судопроизводство. Извѣстно, что Наполеонъ, давая въ 1806 г. итальянскому королевству устное и гласное судопроизводство, основанное на началѣ обвиненія, выразился, что итальянцы еще не созрѣли для присяжныхъ судовъ. Такимъ образомъ его собственные соотечественники, корсиканцы, во время введенія у нихъ французскаго кодекса, не получили суда присяжныхъ.

Когда въ 1850 г. въ Австріи вводился уставъ уголовного судопроизводства, построенный на началѣ суда присяжныхъ, австрійское правительство полагало, что политическое состояніе Ломбардіи и Венеціанской области не позволяетъ распространить дѣйствіе новаго устава и на эти провинціи. Впрочемъ, въ то время и въ самой Италіи мнѣнія по вопросу о джюри раздѣлялись, хотя, сколько извѣстно автору настоящей статьи, здравомыслящіе люди высказывались въ пользу введенія судовъ присяжныхъ. Нельзя однакожъ умолчать, что многіе замѣчательные итальянскіе ученые, наприм. Романъози (Romagnosi) Карминьяни (Carmignani) и Джуліани (Giuliani) были рѣшительно противъ суда присяжныхъ. За то многіе другіе, въ особенности неаполитанскіе юристы, въ томъ числѣ и талантливый Амари, считали вопросъ о введеніи джюри неизбѣжнымъ ¹⁴⁾.

Тогдашніе противники джюри въ Италіи обыкновенно сами не были близко знакомы съ этимъ учрежденіемъ, а только слыхали о французскомъ судѣ, и недостатки его, равно какъ нѣкоторые несправедливые приговоры присяжныхъ, приводили какъ основаніе противъ суда присяжныхъ вообще. Кромѣ того возражали тѣмъ, что присяжные должны быть только судьями факта, но что на практикѣ нѣтъ возможности отдѣлѣть вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ. Выставляли на видъ также и то, что, съ введеніемъ судовъ присяжныхъ, теоріи законныхъ доказательствъ потеряетъ всякую силу, а между тѣмъ внутреннее убѣжденіе, на которомъ построенъ весь судъ присяжныхъ, представляетъ опасное оружіе. Наконецъ писатели, несочувствовавшіе джюри, нѣсколько идеально понимали дѣятельность судьи при рѣшеніи—они полагали, что и рѣшеніе вопроса о виновности составляетъ строго-юридическій выводъ и что, слѣдовательно, это рѣшеніе можно довѣрить только получившему юридическое образованіе — коронному судѣ.

Что касается суроваго приговора Наполеона I касательно незрѣлости итальянцевъ и неспособности ихъ къ присяжному судопроизводству, то неосновательность этого приговора скоро доказана была фактами. Лучшимъ доказательствомъ служить примѣръ той самой Корсики, которой

Наполеонъ отказалъ въ судѣ присяжныхъ. Существующій въ Корсикѣ обычай кровавой мести съ его послѣдствіемъ — родовой враждой дѣйствительно дѣлалъ сомнительнымъ успѣхъ джюри на этомъ островѣ. Можно было предполагать, что семейные раздоры не останутся безъ вліянія и на присяжныхъ, которые сами болѣе или менѣе принимаютъ участіе въ этихъ раздорахъ. Но когда въ послѣдствіи въ Корсикѣ введенъ былъ судъ присяжныхъ, то дѣятельныя мѣры правительства и назначеніе энергическихъ и умныхъ прокуроровъ и президентовъ успѣли мало по малу ослабить силу дурнаго обычая и достигли того, что даже и корсиканскіе присяжные хорошо исполняютъ свои обязанности и серьезно понимаютъ уголовное правосудіе, хотя дѣйствіе прежнихъ убѣжденій и обнаруживается еще иногда слишкомъ снисходительными вердиктами ¹⁵⁾. Упомянемъ здѣсь также, что судебная практика на островѣ Мальтѣ, который, впрочемъ, находится подъ англійскимъ владычествомъ, лестно свидѣтельствуешь о состояніи итальянскихъ судовъ присяжныхъ. Введенный на этомъ островѣ въ 1854 г. уставъ уголовного судопроизводства, надъ обработкою котораго трудились итальянскіе и англійскіе юристы, принялъ за основаніе главнымъ образомъ шотландскій уголовный процессъ. Многія постановленія этого устава, обезпечивающія самостоятельность присяжныхъ, заслуживаютъ подражанія. Намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что судъ присяжныхъ на островѣ Мальтѣ дѣйствуетъ весьма удовлетворительно.

Взглядъ на судопроизводство начинаетъ измѣняться въ Италіи съ того времени, когда уголовные кодексы пьемонтскій и тосканскій приняли, на мѣсто теоріи законныхъ доказательствъ, систему внутренняго убѣжденія. Послѣ этой мѣры мало по малу убѣдились, что коронные судьи такимъ образомъ превратились въ присяжныхъ, — и скоро наконецъ возникъ вопросъ: не послѣдовательнѣе ли будетъ ввести настоящій судъ присяжныхъ? Политическій переворотъ, совершившійся въ Италіи въ 1848 г., придалъ новое значеніе суду присяжныхъ. Когда въ Пьемонтѣ введена была свобода печати въ 1848 г., законодатель долженъ былъ уступить всеобщему требованію и учредилъ судъ присяжныхъ для разбора процессовъ о печати. Закономъ 26 марта 1848 г. опредѣленъ былъ порядокъ судопроизводства передъ присяжными. Дѣла же о прочихъ преступленіяхъ, на основаніи устава уголовного судопроизводства, изданнаго въ 1846 г., подлежали рѣшенію коронныхъ судей. Присяжные по дѣламъ о печати вообще хорошо исполняли свои обязанности, хотя часто ихъ приговоры, оправдывавшіе подсудимаго, были несовѣтны основательны. Имъ приходилось разбирать преимущественно процессы противъ приверженцевъ ультрамонтанской партіи, судившихся за ожесточенныя нападки на это нововведеніе законодательства. Увеличеніе числа голосовъ, требовавшихся введенія джюри для всѣхъ преступленій, побудило правительство

въ 1854 г. представить палатамъ проектъ закона объ учрежденіи ассизныхъ судовъ съ присяжными для рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ. Въ этомъ проектѣ присяжнымъ предоставлялось право приводить въ обвинительномъ приговорѣ обстоятельства, смягчающія наказаніе. Какъ проектъ, такъ и доклады комисіи, составленной для разсмотрѣнія его, содержатъ въ себѣ много поучительнаго о судахъ присяжныхъ ¹⁶⁾.

Важнѣйшимъ ученымъ трудомъ въ Италіи по вопросу о джюри — сочиненіе Пизанелли, появившееся въ 1856 г. (*Dell' istituzione dei Giurati, per G. Pisanelli. Torino, 1856.*). Авторъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Неаполя, потомъ переселился въ Туринъ, гдѣ издалъ хорошей трактатъ о гражданскомъ судопроизводствѣ; съ 1862 — 64 г. онъ былъ министромъ юстиціи. Сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, представляетъ результатъ продолжительнаго наблюденія автора надъ дѣйствіями судовъ присяжныхъ. Въ этомъ трудѣ авторъ, знатокъ науки, воспользовавшись богатымъ матеріаломъ, собраннымъ во время путешествій, остроумно разсматриваетъ всѣ вопросы, относящіеся къ институту присяжныхъ. Впослѣдствіи мы еще неразъ возвратимся къ сочиненію Пизанелли. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что авторъ превосходно разбираетъ преимущества суда присяжныхъ, изображаетъ важные недостатки французской системы, въ особенности доказываетъ ложность взгляда, на которомъ основывается отдѣленіе вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ, и отъ котораго зависитъ нераціональный способъ постановки вопросовъ, и наконецъ опредѣляетъ условія, при которыхъ можно разсчитывать на успѣхъ дѣйствій присяжныхъ судовъ.

Институтъ джюри пріобрѣлъ въ Италіи наибольшее значеніе съ того времени, когда онъ введенъ былъ во владѣнія сардинскаго короля на основаніи устава уголовного судопроизводства, обнародованнаго 20 ноября 1859 г.. Законодатель, къ несчастію, руководствовался преимущественно французскою системою суда присяжныхъ, хотя уставъ и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя улучшенія этой системы относительно выбора присяжныхъ. Подражаніе французскому кодексу обнаруживается уже въ опредѣленіи обязанности президента суда, которому итальянскій уставъ, подобно французскому, предоставляетъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ такъ-называемую власть распорядительную (*pouvoir discrétionnaire*), право поступать по своему благоусмотрѣнію (за исключеніемъ небольшого числа случаевъ, указанныхъ въ законѣ). Именно 465 статья кодекса даетъ президенту право приглашать въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля или эксперта, всякое лицо, даже нестоящее въ спискѣ свидѣтелей. Предѣлы власти президента при судебныхъ допросахъ не опредѣлены точнымъ образомъ. Законъ дозволяетъ читать въ судѣ показанія отсутствующихъ свидѣтелей. Прокуроръ, въ силу ст. 476, имѣетъ опасное и неопредѣленное точнымъ образомъ право разяснять, въ началѣ засѣданія, содержаніе обвинительнаго акта. Во всемъ кодексѣ про-

*

глядываетъ желаніе законодателя, чтобы присяжные рѣшали только вопросъ о фактѣ. Способъ постановки вопросовъ, подлежащихъ сужденію присяжныхъ, не указанъ точно въ законѣ. А ст. 484 внушаетъ присяжнымъ въ непрѣмѣнную обязанность, чтобы они при рѣшеніи не думали объ уголовномъ законѣ и не обращали вниманія на послѣдствія, какія можетъ имѣть для подсудимаго ихъ приговоръ. Приведенное правило взято также изъ французскаго кодекса, не смотря на то, что въ самой Франціи теперь все болѣе и болѣе убѣждаются въ несостоятельности этого правила. Итальянскіе присяжные, къ счастью, имѣютъ право указывать въ приговорѣ на существованіе смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ. Для постановленія приговора достаточно простое большинство, состоящее изъ семи голосовъ. Прекрасный разборъ этого кодекса по отношенію къ суду присяжныхъ находится въ сочиненіи Габелли (*Giurati nel nuovo regno Italiano. Osservazioni critiche di A. Gabelli. Milano, 1861.*). Авторъ съ безпристрастіемъ и знаніемъ разсматриваетъ всѣ отдѣльныя постановленія новаго устава. Жаль только, что онъ не довольно рѣзко выставляетъ недостатки его. Габелли задаетъ себѣ вопросъ: пригодны ли вообще суды присяжныхъ для Италіи? Онъ самъ сознается, что если сравнить наприм. неаполитанцевъ, ломбардцевъ, пьемонтцевъ и тосканцевъ, то оказывается, что въ разныхъ областяхъ, составляющихъ теперешнее итальянское королевство, существуетъ громадная разница по отношенію къ обычаямъ, образу мыслей, страстямъ и характеру народонаселенія; такъ что предъидущій вопросъ должно формулировать слѣдующимъ образомъ: соотвѣтствуетъ ли судъ присяжныхъ условіямъ быта той или другой области? Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, на основаніи продолжительнаго изученія итальянской жизни, что въ тѣхъ областяхъ Италіи, въ которыхъ прежде правительство и духовенство пренебрегало воспитаніемъ народа и укрѣпленіемъ въ немъ чувства уваженія къ закону, успѣхъ суда присяжныхъ еще на-долгое время будетъ сомнительнымъ.

Во многихъ областяхъ Италіи произволъ полиціи, система шпіонства и масса политическихъ преслѣдованій ослабили въ народѣ правосознаніе. Народъ привыкъ тамъ смотрѣть на всѣхъ вообще подсудимыхъ, между которыми было много невинныхъ, какъ на людей несправедливо преслѣдуемыхъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы избавить ихъ отъ правительственнаго преслѣдованія. Съ другой стороны и религія, въ томъ видѣ, въ какомъ она проповѣдывалась итальянскимъ духовенствомъ, неспособна была укрѣпить нравственное чувство въ народѣ. Католическая религія поддерживала убѣжденіе, что нравственность состоитъ только въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ, и что всякая неправда, въ томъ числѣ и клятвопреступленіе, можетъ быть искуплена религіозными актами. Въ заключеніе своего сочиненія Габелли выражаетъ сожалѣніе, что итальянскій законодатель не обратилъ вниманія на труды знаменитыхъ писателей и на образцы иностранныхъ

законодательствъ по вопросу о судѣ присяжныхъ. Авторъ неразъ высказываетъ свое уваженіе къ англійскому джюри, и наконецъ спрашиваетъ: не благоразумнѣе ли отложить введеніе судовъ присяжныхъ въ Италіи до другаго, болѣе спокойнаго времени, когда дѣйствіямъ ихъ не будетъ препятствовать политическая и религіозная борьба, господствующая теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова.

Само собою разумѣется, что при такомъ состояніи взглядовъ на судъ присяжныхъ, и въ Италіи нашлись очень уважаемые люди, которые не сочувствуютъ этому учрежденію. Изъ числа противниковъ джюри мы назовемъ Банди (президента суда въ Миланѣ) и Джюліани (совѣтника апелляціоннаго суда въ Мачератѣ) ¹⁷⁾. Главныя возраженія противъ суда присяжныхъ состоятъ въ слѣдующемъ. Говорятъ, что преимущества, приписываемыя судамъ присяжныхъ, слѣдуетъ собственно отнести къ устному судопроизводству, которое одно имѣетъ нѣкоторыя хорошія стороны. Да и то устное судопроизводство не раскрываетъ такъ хорошо содѣянное подсудимаго, какъ прежній письменный процессъ; при устномъ производствѣ судьи легко поддаются разнымъ обманчивымъ впечатлѣніямъ, въ особенности вводятся въ заблужденіе поведеніемъ свидѣтелей. Еще опаснѣе, по словамъ противниковъ джюри, отбѣна теоріи законныхъ доказательствъ, потому что судья легко можетъ упустить изъ виду необходимыя основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ.

Относительно приговора присяжныхъ Банди замѣчаетъ, что въ прежнее грубое время судьи изъ народа могутъ быть и правильно судили, но что, при настоящихъ условіяхъ быта, ихъ рѣшенія обыкновенно не отличаются справедливостью. Онъ говоритъ, что присяжные руководятся только предразсудками и обманчивыми впечатлѣніями, что они въ особенности легко поддаются вліянію защитниковъ, не будучи обязаны придерживаться доказательствъ; что, наконецъ, присяжные не обладаютъ ни умомъ, ни самостоятельностью постоянного судьи. Участіе присяжныхъ, по словамъ Банди, опаснѣе всего въ рѣшеніи политическихъ процессовъ, когда они обыкновенно руководятся духомъ партіи, и частымъ оправданіемъ подсудимыхъ ставятъ правительство въ неизбѣжность выбирать между революціею или объявленіемъ государства на военномъ положеніи. Главный недостатокъ суда присяжныхъ Банди видитъ въ системѣ дѣленія судей на двѣ категоріи — на судей факта и судей права. По его мнѣнію, понятіе судьи недѣлимо. Судья, который соразмѣряетъ и примѣняетъ наказаніе, долженъ также рѣшать и вопросъ о виновности, именно вопросъ о вѣнненіи. Попытка же отдѣлить вопросъ о фактѣ преступленія отъ вопроса о правѣ построена на ложномъ предположеніи. Точно также и право отвода присяжныхъ, по словамъ Банди, сопряжено съ большими невыгодами. Въ заключеніе Банди объявляетъ, что судъ присяжныхъ не представляетъ для итальянцевъ ихъ національнаго учрежденія.

Въ статьяхъ Джюлиани замѣтно главнымъ образомъ желаніе ограничить по возможности права присяжныхъ. Вслѣдствіе этого авторъ доказываетъ, что присяжные не имѣютъ права разбирать вопроса о томъ: дѣйствовалъ ли подсудимый съ предумышленіемъ, такъ какъ въ вопросѣ, подлежащемъ ихъ рѣшенію, не должны заключаться термины, употребляемые въ законѣ. По той же причинѣ Джюлиани порицаетъ предоставленное присяжнымъ право указывать на существованіе смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ. Онъ говоритъ, что вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ подвергать обсужденію присяжныхъ не по предложенію защитника, а только въ томъ случаѣ, если существованіе подобныхъ обстоятельствъ доказано судебными преніями.

Значительное большинство итальянскихъ писателей, — въ особенности тѣ, которые, по своему officialному положенію, имѣютъ возможность близко слѣдить за ходомъ судебной практики, — отзываются съ хорошей стороны о судахъ присяжныхъ. Наблюденія этихъ писателей вполне согласны съ выводами, сдѣланными въ тѣхъ странахъ, гдѣ суды присяжныхъ существуютъ уже съ давняго времени. Самые замѣчательные писатели этого направленія суть: Масса Салюццо, президентъ кассационнаго суда въ Миланѣ (*Il codice di procedura penale del regno d'Italia con commenti tratti dalla teoria, dalla giurisprudenza e dalla pratica del conte L. Massa Saluzzo. Milano, 1862.*) и Де Джіовини, президентъ окружнаго суда въ Неаполѣ (*Il giuri e le corti di assise, manuale teorico pratico dell'avvocato Francesco de Giovine. Napoli, 1862.*). Сочиненія Салюццо и Джіовини написаны весьма добросовѣстно. Жаль только, что взглядъ авторовъ нѣсколько одностороненъ — они ссылаются только на французскихъ писателей и на приговоры французскаго кассационнаго суда, и не воспользовались результатами опыта и изслѣдованій, добытыми въ Англіи и Германіи. Салюццо въ своемъ трактатѣ сначала разбираетъ постановленія итальянскаго кодекса объ уголовномъ судопроизводствѣ вообще, а потомъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся суда присяжныхъ. Опровергнувъ возраженія, обыкновенно приводимыя противъ суда присяжныхъ, авторъ выставляетъ несомнѣнные достоинства этого учрежденія, указываетъ въ особенности на то обстоятельство, что судъ присяжныхъ представляетъ для подсудимаго болѣе гарантій относительно безпристрастія судей факта и даже коронныхъ судей. Судъ присяжныхъ поселяетъ въ массѣ народа уваженіе къ правосудію и содѣйствуетъ даже успѣхамъ цивилизаціи и законодательства, уничтожая жестокія наказанія, вредныя послѣдствія которыхъ прекрасно изображены авторомъ. Затѣмъ Салюццо подробно разсматриваетъ всѣ важнѣйшіе вопросы относительно джюри, въ особенности вопросъ о выборѣ присяжныхъ, и излагаетъ права и обязанности присяжныхъ. Присяжные, по мнѣнію Салюццо, должны рѣшать только вопросъ о томъ, виновенъ ли подсудимый, и не касаться вопроса

о томъ, виновенъ ли онъ. — Сочиненіе Джіовини глубже, чѣмъ предъидущее, затрогиваетъ сущность системы судовъ присяжныхъ. Авторъ говоритъ, что успѣхъ института присяжныхъ, какъ вообще успѣхъ всякаго человѣческаго учрежденія, зависитъ отъ времени, мѣста и, слѣдовательно, отъ характера народа. Онъ разсматриваетъ судъ присяжныхъ съ трехъ сторонъ — съ политической, юридической и нравственной, выставляетъ важныя преимущества судовъ присяжныхъ и доказываетъ, что польза отъ нихъ далеко превосходитъ возможный вредъ, что чѣмъ долѣе существуетъ это учрежденіе въ какойнибудь странѣ, тѣмъ ощутительнѣе становится польза его. Джіовини не соглашается съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, желавшихъ, чтобы присяжные приводили основанія своихъ приговоровъ. Онъ сожалеетъ, что судъ присяжныхъ рѣшаетъ только дѣла о преступленіяхъ и что его подсудность не распространяется и на случаи, влекущіе за собою исправительныя наказанія. Далѣе, авторъ предлагаетъ ввести обвинительный судъ присяжныхъ, и подробно разсматриваетъ какъ составъ джюри, такъ и обязанности присяжныхъ при различныхъ обстоятельствахъ. Также подробно разобраны права президента суда и способъ постановки вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ. Весь трудъ Джіовини свидѣтельствуетъ объ основательномъ знакомствѣ автора съ предметомъ.

Если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ о дѣйствіяхъ судовъ присяжныхъ въ Италіи, а также къ годовымъ отчетамъ генеральныхъ прокуроровъ и отзывамъ президентовъ судовъ, то увидимъ, что итальянскіе присяжные хорошо понимаютъ свое назначеніе и не заслуживаютъ упрека въ излишней снисходительности. Мы представимъ впослѣдствіи выводы о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ итальянскихъ судовъ ¹⁸⁾.

Если мы сравнимъ ходъ судебной практики въ отдѣльныхъ округахъ итальянскаго королевства, то замѣтимъ громадную разницу. Впослѣдствіи, въ главѣ объ итальянскомъ судѣ присяжныхъ, мы подробно разсмотримъ это обстоятельство. Здѣсь же мы приведемъ только отзывы лицъ, имѣющихъ, по своему положенію, возможность вѣрно оцѣнить дѣйствія присяжныхъ судовъ въ Италіи. Какъ генеральные прокуроры, такъ и президенты судовъ отзывы вообще весьма лестно объ итальянскихъ присяжныхъ; такъ наприм. опытный генеральный прокуроръ Паниццарди (Paniccardi) впродолженіе трехъ лѣтъ каждый разъ объявляетъ въ своемъ годовомъ отчетѣ, что приговоры присяжныхъ были вполне справедливы и поселили въ публикѣ всеобщее уваженіе къ присяжнымъ. Даже генеральный прокуроръ Турина, Вильяни (Vigliani), человѣкъ въ высшей степени требовательный, и тотъ сознается, что судъ присяжныхъ въ Италіи хорошо выполняетъ свое назначеніе. Вильяни опровергаетъ опасенія, высказанныя многими, по поводу предоставленнаго присяжнымъ права указывать въ приговорѣ на смягчающія вину подсудимаго обстоятельства.

Онъ говоритъ, что изъ числа 209 обвиненныхъ присяжные дѣйствительно признали заслуживающими снисхожденія 83 чел., но что почти во всѣхъ этихъ случаяхъ существовали достаточныя основанія для смягченія приговора. Подобнымъ же образомъ отзываются о судѣ присяжныхъ и президенты судовъ ¹⁹⁾.

Мы не скроемъ однакоже, что въ нѣкоторыхъ округахъ Италіи раздаются жалобы на судъ присяжныхъ; такъ наприм. президентъ Джювини говоритъ, что въ южныхъ провинціяхъ (приведенныхъ въ бѣдственное состояніе прежнимъ правительствомъ) успѣхъ этого учрежденія еще долгое время будетъ встрѣчать препятствіе отчасти въ баснословномъ невѣжествѣ массы народа, отчасти въ безнравственности жителей, проникшей даже въ высшіе слои общества. Еще неудовлетворительнѣе судъ присяжныхъ на островѣ Сардиніи, судя по отзыву Донетти (Donetti), тамошняго генеральнаго прокурора. Донетти говоритъ, что приговоры присяжныхъ часто были вполнѣ справедливы и одобрялись общественнымъ мнѣніемъ, но зато во многихъ другихъ случаяхъ судъ присяжныхъ дѣйствовалъ крайне неосновательно. Присяжные по большей части люди безъ всякаго образованія. Кромѣ того, между жителями обнаруживается ложно понимаемая любовь къ независимости и участіе къ подсудимымъ. Вслѣдствіе чего присяжные вообще склонны оправдывать виновныхъ, что тѣмъ легче, что свидѣтели часто не имѣютъ твердости высказать всю правду и своими двусмысленными или уклончивыми показаніями обуславливаютъ безнаказанность преступниковъ, которая и безъ того поддерживается мѣстными обычаями острова. Особенно важенъ отзывъ о судѣ присяжныхъ туринскаго генеральнаго прокурора, помѣщенный въ его послѣднемъ годовомъ отчетѣ. Признавая, что присяжные вообще весьма хорошо исполняютъ свои обязанности, онъ сильно порицаетъ многіе, приговоры, которыми были оправданы очевидно виновные. Подобные приговоры, по его словамъ, чаще всего встрѣчаются въ процессахъ по обвиненіямъ въ сопротивленіи органамъ общественной власти и въ процессахъ о преступленіяхъ противъ нравственности. Онъ ссылается преимущественно на то, что присяжные чрезмерно поддаются виѣшнимъ впечатлѣніямъ, и указываетъ даже на одинъ случай подкупа присяжнаго. Справедливость требуетъ, однакоже, замѣтить, что итальянскіе присяжные часто находятся въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ даже самые лучшіе присяжные, равно какъ и коронные судьи могли бы прійти къ ошибочнымъ выводамъ; наприм. въ одномъ процессѣ (Караманико) судебныя пренія продолжались съ 15 сентября по 10 октября: въ засѣданіи находилось 107 подсудимыхъ, спрошено было 700 свидѣтелей; присяжные должны были рѣшить 1500 вопросовъ, и не покидали залы совѣщанія въ теченіи 25 часовъ. Замѣчательно, что какъ юристы вообще, такъ и народъ одобряютъ приговоры присяжныхъ. Разборъ

вердиктовъ, состоявшихся въ королевствѣ Италіи въ теченіи трехъ лѣтъ, показываетъ, что въ огромномъ числѣ случаевъ постановка вопросовъ была совершенно неправильная и привела присяжныхъ къ ошибочнымъ выводамъ, что въ очень многихъ случаяхъ начать былъ даже искъ объ уничтоженіи приговора (Nichtigkeitsbeschwerden). Кассационный судъ правда объявилъ многіе вердикты недѣйствительными по причинѣ ложной постановки вопроса; но все-таки онъ очень часто утверждалъ такіе приговоры, которые, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы уничтожить. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ итальянскомъ королевствѣ существуетъ три кассационныхъ суда (въ Миланѣ, во Флоренціи и въ Неаполѣ), вслѣдствіе чего случается, что одинъ и тотъ же юридическій вопросъ разными кассационными судами рѣшается различнымъ образомъ.

Какъ глубоко укореняется мысль о введеніи джюри и какъ сообразно это учрежденіе съ духомъ времени — лучше всего видно изъ того, что суды присяжныхъ приняты недавно и въ русскомъ законодательствѣ. По новому уставу, дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, должны рѣшаться съ участіемъ присяжныхъ. Но законъ исключаетъ изъ круга вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣла о преступленіяхъ противъ религіи, о государственныхъ преступленіяхъ, о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ и наконецъ дѣла о преступленіяхъ, подлежація смѣшанному суду. Присяжнымъ предоставлено право указывать въ обвинительномъ приговорѣ на существованіе смягчающихъ или даже особенно смягчающихъ наказаніе обстоятельствъ ²⁰).

Въ то время, какъ система присяжнаго суда все болѣе и болѣе распространяется, есть одно государство, которое, не смотря на прогрессивность своего законодательства, не смотря на высокую образованность своего народонаселенія, упорно отказывается отъ введенія у себя судовъ присяжныхъ. Мы говоримъ о нидерландскомъ королевствѣ, гдѣ судъ присяжныхъ, какъ извѣстно, существовалъ много лѣтъ, но съ 1815 г. отмѣненъ. Въ 1861 г. поднятъ былъ вопросъ о восстановленіи этого учрежденія, по поводу обсужденія закона объ организаціи судовъ, въ особенности по поводу вопроса о томъ, слѣдуетъ ли допустить право апелляціи на приговоры по уголовнымъ дѣламъ. Значительное большинство членовъ въ генеральныхъ штатахъ, также какъ и министръ юстиціи, безъ дальнихъ разсужденій, высказались противъ системы суда присяжныхъ. Причины нерасположенія въ Голландіи къ институту присяжныхъ главнымъ образомъ суть слѣдующія. Судъ присяжныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ во время французскаго господства въ Голландіи, т. е. по образцу французскаго суда, оставилъ по себѣ несомнѣнно хорошія воспоминанія. Между тѣмъ сословіе судей въ Голландіи, по своей независимости, обширнымъ юридическимъ познаніямъ и добро-

совѣстности, пользуется высокимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и потому тамъ потребность въ судѣ присяжныхъ менѣе ощутительна. Кромѣ того, многіе нидерландскіе юристы не могутъ примириться съ системой внутреннего убѣжденія, на которомъ основывается рѣшеніе присяжныхъ, и видятъ больше гарантій въ теоріи законныхъ доказательствъ.

Предъидущій бѣглый очеркъ состоянія судовъ присяжныхъ въ различныхъ государствахъ, который мы разовьемъ подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ, приводитъ къ заключенію, что вопросъ о судѣ присяжныхъ тѣсно связанъ, съ одной стороны, съ политическимъ, социальнымъ и нравственнымъ бытомъ народа, со степенью его образованности, а съ другой—съ духомъ и положеніемъ сословія должностныхъ лицъ, въ особенности прокуроровъ и судей, и съ характеромъ законодательства объ уголовномъ судопроизводствѣ и уголовномъ правѣ. Несомнѣнно, что учрежденіе суда присяжныхъ окажется менѣе благотѣльнымъ въ томъ государствѣ, въ которомъ образовались двѣ враждебныя другъ другу политическія партіи, изъ которыхъ одна поддерживаетъ ретроградныя мѣры правительства, а другая стоитъ за свободное развитіе политической жизни. При такихъ условіяхъ политическаго быта каждая партія будетъ употреблять всѣ средства, чтобы въ суды присяжныхъ попадали только люди безусловно преданные ей. Да и сами присяжные во время совѣщаній будутъ стараться противодѣйствовать другъ другу, такъ что приговоръ не будетъ результатомъ добросовѣстной оцѣнки доказательствъ, а скорѣе результатомъ убѣжденій той партіи, на сторонѣ которой большинство въ судѣ присяжныхъ. Точно также борьба религіозныхъ партій, порожающая религіозный фанатизмъ, вредно дѣйствуетъ на присяжныхъ. Не менѣе оказываетъ вліянія на учрежденіе суда присяжныхъ нравственный бытъ народа. Если народъ проводитъ жизнь въ апатіи, или по своей страстной натурѣ поддается первому впечатлѣнію, или не проникнуть мыслью о необходимости поддерживать порядокъ и уваженіе къ законамъ, или наконецъ не сознаетъ святости присяги, то во всѣхъ этихъ случаяхъ нельзя разсчитывать на то, чтобы присяжные были добросовѣстные и положительные люди. Точно также если воспитаніе народа находится въ пренебреженіи, то между присяжными часто будутъ попадаться люди, неспособные къ исполненію важныхъ обязанностей присяжнаго. Съ другой стороны успѣхъ судовъ присяжныхъ существенно обусловливается положеніемъ, какое занимаетъ въ государствѣ сословіе должностныхъ лицъ, въ особенности сословіе судей. Если судьи не настолько самостоятельны, чтобы могли слѣдовать своему убѣжденію, то они будутъ пристрастно управлять ходомъ судебныхъ преній. Точно также если въ государствѣ правительство смотритъ на прокуроровъ, какъ на слѣпыхъ исполнителей воли министра, если не заботится о томъ, чтобы въ должность прокурора избирались только лица, соединяющія въ себѣ не-

обходимое знаніе законовъ и искусство съ энергіей характера и человѣколюбіемъ, то поведеніе прокуроровъ въ судѣ будетъ отличаться пристрастіемъ и вредно дѣйствовать на присяжныхъ. Опытъ показываетъ, что безхарактерные присяжные легко уступаютъ вліянію прокурора и произносятъ несправедливый приговоръ; напротивъ, энергическіе присяжные, раздраженные пристрастіемъ прокурора, охотнѣе склоняются къ оправданію подсудимаго. Характеръ уголовного судопроизводства также имѣетъ существенное вліяніе на судъ присяжныхъ. Справедливость приговоровъ присяжныхъ опредѣляется слѣдующими условіями: простотою и удобопонятностію судебныхъ преній, устраненіемъ всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе, обстоятельнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ основаній въ пользу и противъ обвиненія, полной свободой защиты, свойствомъ вопросовъ, на которые присяжные должны обратить вниманіе, и главнѣе всего поведеніемъ предсѣдателя, отъ котораго зависитъ управленіе преніями, наставленіе присяжныхъ и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго присяжные приступаютъ къ совѣщанію. Наконецъ, огромное вліяніе оказываетъ на судъ присяжныхъ и характеръ уголовного законодательства. Чѣмъ обильнѣе наполненъ кодексъ терминами и опредѣленіями, понятными только юристамъ, чѣмъ менѣе постановленія его подходятъ къ народнымъ понятіямъ о правѣ, тѣмъ легче присяжные вводятся въ заблужденіе постановкою вопросовъ, подлежащихъ ихъ рѣшенію. Равнымъ образомъ, несоразмѣрно жестокія наказанія, опредѣляемыя въ кодексѣ, вредно дѣйствуютъ на присяжныхъ, стѣсня ихъ совѣсть и заставляя всѣми средствами обходить строгость закона. Особенно снисходительными являются присяжные въ томъ случаѣ, когда законъ не предоставляетъ имъ права указывать въ обвинительномъ приговорѣ на существованіе смягчающихъ обстоятельствъ, хотя, нѣтъ сомнѣнія, что имѣй они это право, они рѣшали бы по совѣсти.

Предъидущій очеркъ достаточно показываетъ, что для правильнаго уразумѣнія достоинствъ судовъ присяжныхъ и лучшаго способа ихъ устройства необходимо тщательно собрать указанія опыта объ этомъ учрежденіи въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно существуетъ, подвергнуть критической оцѣнкѣ характеръ и ходъ законодательства, результаты судебной практики и научныхъ трудовъ каждой страны, изслѣдовать причины недостатковъ института и опредѣлить условія, при которыхъ онъ можетъ приносить надлежащую пользу. Вслѣдствіе этого мы намѣрены въ послѣдующихъ главахъ собрать матеріалы, почерпнутые изъ достовѣрныхъ источниковъ, и сдѣлать изъ этихъ матеріаловъ выводы. Такимъ образомъ мы рассмотримъ въ слѣдующихъ главахъ ходъ законодательства, состояніе судебной практики и научныя изслѣдованія о судахъ присяжныхъ въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Америкѣ, Франціи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи.

II. ХАРАКТЕРИСТИКА АНГЛІЙСКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА И НАУКА.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ судъ присяжныхъ введенъ издавна, именно въ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Америкѣ, на это учрежденіе смотрять совершенно иначе, нежели во Франціи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи. Въ первой группѣ названныхъ государствъ заботятся о томъ, чтобы приговоры присяжныхъ были правдивы и пользовались полнымъ довѣріемъ народа, и чтобы эти приговоры были вѣрнымъ выраженіемъ народнаго суда. Этой цѣли стараются достигнуть, во первыхъ, самымъ составомъ присяжнаго суда. Избраніе присяжныхъ производится такимъ образомъ, что устраняется всякое сословное вліяніе на отпращивленіе правосудія, и притомъ кругъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными, по возможности расширяется для того, чтобы приговоръ на самомъ дѣлѣ могъ считаться народнымъ. Во вторыхъ, простотою и ясностью судопроизводства, служащаго основаніемъ для произнесенія приговора. Изъ процесса устраняется все, что можетъ вредно дѣйствовать на безпристрастіе присяжныхъ или приводить ихъ къ ошибочнымъ выводамъ. Задача, предлагаемая на рѣшеніе присяжныхъ, упрощается съ тѣмъ, чтобы сосредоточить ихъ вниманіе на одномъ только вопросѣ. Далѣе, осуществленію указанной цѣли содѣйствуетъ характеръ нормъ, которыми присяжные должны руководствоваться при рѣшеніи; также требованіе, чтобы приговоръ не допускалъ никакихъ сомнѣній, и, наконецъ, постановленіе, по которому приговоръ долженъ быть результатомъ совокупной дѣятельности присяжныхъ и судьи. Удовлетворяя такому понятію о судѣ присяжныхъ, законъ далъ этому учрежденію самыя широкія основанія и огра-

диль его отъ всякихъ вліяній, которыя могли бы ослабить его народный характеръ.

I. Упрощенію судопроизводства способствуютъ: 1) краткость обвинительнаго акта, который не содержитъ въ себѣ никакихъ доказательствъ, предположеній, вѣроятностей или подробностей совершенія преступленія; 2) требованіе, чтобы обвиненія подсудимаго въ различныхъ преступленіяхъ не соединялись вмѣстѣ, но чтобы каждое обвиненіе составляло предметъ особаго разбирательства и рѣшенія присяжныхъ; точно также требованіе, чтобы судъ не производился надъ нѣсколькими обвиняемыми вмѣстѣ. 3) Устраненіе всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя легко могли бы сбить съ толку присяжныхъ, хотя бы даже эти средства сами по себѣ представляли иногда возможность изобличить обвиняемаго. Вслѣдствіе этого въ англійскомъ процессѣ не допускаются къ допросу свидѣтели, которые не могутъ быть приведены къ присягѣ, ни тѣ, которые могутъ показать только то, что имъ извѣстно по наслышкѣ, или только то, что они думаютъ объ извѣстномъ фактѣ. 4) Существенное упрощеніе судопроизводства обусловливается тѣмъ, что судъ обязанъ строго придерживаться представленнаго ему обвиненія (какъ оно изложено въ indictment); онъ не можетъ судить обвиняемаго за преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ то, которое обозначено въ обвинительномъ актѣ, еслибы даже при производствѣ процесса обнаружались такія обстоятельства, прежде незамѣченныя, которыя давали бы право на болѣе тяжкое обвиненіе; такъ, наприм., обвиняемый въ неумышленномъ убійствѣ не могъ быть впослѣдствіи обвиняемъ въ преднамеренномъ убійствѣ. Подобнымъ же образомъ судъ долженъ придерживаться только тѣхъ доказательствъ, которыя обвинитель представилъ съ самаго начала въ подкрѣпленіе своего обвиненія; доказательства же приведенныя впослѣдствіи не могутъ, какъ во Франціи и Германіи, имѣть силы. 5) Судопроизводство упрощается, наконецъ, тѣмъ, что въ немъ не допускаются допросы на подобіе тѣхъ, какимъ подвергаетъ обвиняемаго президентъ во французскомъ и нѣмецкомъ судѣ. Этимъ самымъ устраняются такіе непреложные выводы о результатахъ предварительнаго слѣдствія, какіе позволяетъ себѣ дѣлать президентъ суда во Франціи. Съ другой стороны и обвиняемый гарантированъ отъ хитрыхъ, сбивающихъ съ толку вопросовъ, дающихъ возможность обвинителю изъ отвѣтовъ или, по крайней мѣрѣ, изъ поведенія обвиняемаго дѣлать заключенія невыгодныя для этого послѣдняго.

II. Англійскій процессъ есть умственное состязаніе обвинителя и защитника, основанное на равенствѣ оружія и на томъ началѣ, что обвинитель обязанъ строго доказать свои обвиненія. На сторонѣ подсудимаго всегда находится предположеніе невинности. Каждый присяжный знаетъ, что обвинитель, точно также, какъ и защитникъ, своими положеніями и доводами старается убѣдить присяжныхъ въ справедливости того, что

онъ утверждаетъ. Присяжный очень хорошо понимаетъ, что обвинитель и защитникъ, какъ двѣ противныя стороны, высказываютъ одностороннѣе взгляды на дѣло, при оцѣнкѣ которыхъ слѣдуетъ рѣшить только вопросъ, способны ли приведенныя во время преній доказательства и основанія произвести убѣжденіе. Матеріалъ для произнесенія сужденія представляется присяжнымъ въ такой формѣ и порядкѣ, которые наиболѣе облегчаютъ правильный выводъ изъ двухъ противоположныхъ другъ другу системъ доказательствъ. Обвинитель представляетъ свидѣтелей и экспертовъ, при помощи которыхъ онъ надѣется доказать свое обвиненіе, и самъ допрашиваетъ ихъ, такъ какъ ему лучше извѣстно, что онъ намѣренъ доказать посредствомъ каждаго изъ этихъ лицъ. Но, для устраненія всякой односторонности, этотъ допросъ происходитъ при постоянномъ участіи защитника путемъ перекрестнаго допроса, который очень удобенъ для того, чтобы заставить допрашиваемаго сказать всю правду. По окончаніи разсмотрѣнія доказательствъ въ пользу обвиненія, начинается вторая часть процесса, въ которой защитникъ сначала излагаетъ передъ присяжными что онъ намѣренъ доказать съ цѣлью опроверженія обвиненія, потомъ представляетъ своихъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей и самъ спрашиваетъ ихъ, причемъ допрашиваемые также подвергаются перекрестному допросу обвинителя. Въ процессѣ обвинитель (хотя бы даже это былъ прокуроръ, должность котораго пользуется большимъ почетомъ) не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ защитникомъ. Идея справедливости осталась бы неудовлетворенною, если бы защитникамъ не была гарантирована самая широкая свобода защиты.

III. Англійское уголовное судопроизводство рассчитано на то, чтобы какъ можно болѣе облегчить присяжнымъ безпристрастную оцѣнку предложеннаго матеріала, чтобы дать имъ возможность открыть истину и, слѣдовательно, произнести справедливый вердиктъ. Англійскій присяжный руководится разумнымъ убѣжденіемъ, что онъ долженъ рѣшить не то, виновенъ ли подсудимый, а доказано ли обвиненіе судебными преніями; что онъ въ особенности долженъ рѣшить: сохраняютъ ли свою силу, послѣ надлежащаго испытанія, представленныя защитникомъ сомнѣнія въ справедливости доказательствъ обвиненія, ибо въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ присяжный не можетъ произнести обвинительнаго приговора. Облегченіе правильной оцѣнки матеріала достигается: 1) наставленіемъ президента, который объясняетъ присяжнымъ, что они обязаны произнести приговоръ на основаніи представленныхъ доказательствъ, и при этомъ должны руководствоваться для сужденія о силѣ доказательствъ извѣстными правилами, отчасти указанными въ законѣ, отчасти выработанными продолжительной юридической практикой. Такимъ образомъ присяжные предохраняются отъ опаснаго вліянія такъ-называемаго совокупнаго впечатлѣнія ихъ внутренняго убѣжденія; для нихъ стано-

вится ясно, что вся ихъ обязанность при оцѣнкѣ силы доказательствъ сводится на чисто логическій процессъ. Впрочемъ, правила о силѣ доказательствъ не безусловно обязательны; они даютъ только руководящую нить для сужденія. Между тѣмъ, англійское уголовное судопроизводство выигрываетъ отъ этого въ томъ отношеніи, что какъ обвинитель, такъ и защитникъ остерегаются всякихъ декламаций съ цѣлью подѣйствовать на чувства слушателей; какъ тотъ, такъ и другой знаетъ, что они должны строго придерживаться тѣхъ правилъ, на основаніи которыхъ присяжные будутъ взвѣшивать доказательства. 2) Дѣятельность предсѣдателя, который руководитъ преніями и даетъ наставленіе присяжнымъ, важна въ томъ отношеніи, что онъ немедленно устраняетъ все, что не имѣетъ доказательной силы, а между тѣмъ легко могло сбить съ толку присяжныхъ, какъ наприим. показанія такихъ свидѣтелей, которые говорятъ только по слухамъ. Присяжные увѣрены, что предъ совѣщаніемъ они услышатъ правила къ сужденію о силѣ доказательствъ, такъ какъ судья всегда обращаетъ ихъ вниманіе на эти правила и предостерегаетъ ихъ отъ обманчивыхъ впечатлѣній. Задача англійскихъ присяжныхъ облегчается въ особенности способомъ постановки вопросовъ, чуждымъ тѣхъ хитросилетеній, какія употребляются во французскомъ и нѣмецкомъ судѣ, гдѣ присяжные должны отвѣчать только на тѣ вопросы, которые предложены имъ президентомъ. При англійскомъ способѣ постановки вопросовъ присяжные не могутъ быть введены въ заблужденіе или стѣснены въ своемъ рѣшеніи. Между тѣмъ, французскихъ присяжныхъ часто сбиваютъ съ толку изысканныя выраженія, употребляемые въ вопросахъ, или соединеніе разнородныхъ фактовъ въ одинъ вопросъ, или, наконецъ, большое число вопросовъ; случается также, что присяжные не могутъ присовокупить къ своему вердикту объясненія, смягчающаго приговоръ, не могутъ потому только, что президентъ не предлагалъ имъ вопроса относительно этого обстоятельства. Англійскій присяжный обращаетъ все свое вниманіе на одинъ только пунктъ, а именно на то: подтверждено ли обвиненіе предложенными доказательствами, и, слѣдовательно виновенъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, о которомъ говоритъ обвинительный актъ? Въ слѣдствіе этого совѣщаніе присяжныхъ существенно облегчается, — присяжнымъ остается только произнести свое «виновенъ» или «невиненъ». Весьма недавно Глазеръ (Glaser) совершенно вѣрно опредѣлилъ вердиктъ англійскихъ присяжныхъ. Онъ говоритъ, что обвинительный вердиктъ есть просто повтореніе обвинительнаго акта, такъ что все содержаніе обвинительнаго акта становится содержаніемъ приговора. Мы не скроемъ и темныхъ сторонъ англійскаго присяжнаго суда. Если вы поговорите съ англійскими присяжными о способѣ ихъ совѣщаній, то убѣдитесь, что нерѣдко присяжные во время совѣщаній не совѣмъ ясно понимаютъ въ чемъ именно заклю-

чается обвиненіе. Англійскіе обвинительные акты пишутся тяжелымъ языкомъ и страдаютъ противоположнымъ недостаткомъ сравнительно съ французскими, именно тѣмъ, что чрезвычайно коротки. Врядъ-ли поможетъ этому недостатку и новый законъ 6-го августа 1861 г., которымъ постановлено, что въ обвинительныхъ актахъ о смертоубійствѣ нѣтъ надобности (какъ это дѣлалось прежде) приводить способъ или средства умерщвленія. Этотъ законъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при существованіи прежняго закона, требовавшаго, чтобы въ обвинительномъ актѣ обозначался способъ совершенія убійства, — нерѣдко случалось, что обвинитель, не зная какимъ образомъ причинена смерть, произвольноставлялъ въ актѣ способъ совершенія преступленія, а это часто давало защитнику возможность доказать, что такимъ образомъ убійство не могло быть совершено. Такъ какъ, въ силу новаго закона, обвинительный актъ вовсе не будетъ указывать на способъ совершенія преступленія, то легко можетъ случиться, что между присяжными произойдетъ разногласіе относительно способа совершенія. Но въ этомъ случаѣ достаточно, чтобы присяжные, произнося обвинительный приговоръ, объявляли только, что обвиняемый умертвилъ другое лицо. Само собой разумѣется, что отъ этого пострадаетъ основательность совѣщанія, и что такъ-называемое единогласное рѣшеніе будетъ только кажущееся. Нельзя также скрыть того, что поспѣшность, съ которою часто составляется вердиктъ присяжныхъ, можетъ возбудить сомнѣніе въ основательности совѣщанія. Но кто имѣлъ случай вблизи наблюдать ходъ англійскаго процесса и бесѣдовать съ лицами, которыя сами часто бывали присяжными, тотъ вполне убѣжденъ въ превосходствѣ англійской системы судопроизводства. Ужъ одно то обстоятельство, что судѣ очень рѣдко приходится отсылать присяжныхъ для вторичнаго совѣщанія, по поводу неяснаго или неполнаго вердикта, показываетъ, что англійскіе присяжные хорошо понимаютъ свою задачу и произносятъ справедливые приговоры. Точно также опасеніе относительно слишкомъ большой поспѣшности, съ которою присяжные составляютъ свое рѣшеніе (часто они даже не оставляютъ залу засѣданія) уничтожается само собой, если припомнить, что присяжные должны рѣшить одинъ только вопросъ, а именно: виновенъ ли подсудимый во взведенномъ на него преступленіи? Въ этомъ отношеніи англійскіе присяжные поставлены гораздо лучше, чѣмъ французскіе или нѣмецкіе. Англійскіе присяжные обращаютъ вниманіе только на то, существуютъ ли уважительныя сомнѣнія въ виновности подсудимаго. Если ни одинъ изъ присяжныхъ не выскажетъ такого сомнѣнія, то старшина присяжныхъ немедленно произноситъ обвинительный приговоръ. Если же нѣсколько присяжныхъ заявляютъ, что они не считаютъ подсудимаго виновнымъ, а остальные молчатъ, то произносится оправдательный приговоръ. Только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ присяжныхъ представитъ уважительное сомнѣ-

ніе, происходит совѣщаніе о томъ, основательно ли высказанное сомнѣніе и настаиваетъ ли на немъ тотъ, кто его высказалъ. Нерѣдко бываетъ, что присяжные, выслушавъ доказательства, представленныя обвинителемъ, и находя ихъ недостаточными, немедленно произносятъ оправдательный приговоръ (авторъ самъ два раза былъ свидѣтелемъ этого). Но тѣхъ, кто полагаетъ, что англійская система присяжнаго суда неудовлетворительна, мы просимъ обратить вниманіе на то, что въ Англіи присяжные путемъ двухъ установленій достаточно вразумляются относительно какихъ пунктовъ они должны быть увѣрены, если хотятъ произнести обвинительный вердиктъ. Во-первыхъ, судья въ заключительной рѣчи прямо указываетъ на эти пункты, коль скоро онъ полагаетъ, что на нихъ должно быть обращено вниманіе присяжныхъ во время совѣщанія; такъ наприм. судья опредѣляетъ понятіе о вѣрности, или обозначаетъ отдѣльные признаки того преступленія, о которомъ идетъ дѣло, и проситъ присяжныхъ тщательно обсудить, доказанъ ли тотъ или другой признакъ, наприм. предумышленіе въ случаѣ убійства. Вслѣдствіе этого совѣщаніе присяжныхъ получаетъ надлежащее направление, и нерѣдко случается, что присяжные присовокупляютъ къ своему оправдательному вердикту объясненіе: «по причинѣ умственного разстройства». Иногда также въ обвинительномъ актѣ бываютъ помѣщены такъ-называемыя вспомогательныя обвиненія. Тогда судья объясняетъ присяжнымъ какъ они должны поступать при оцѣнкѣ такихъ обвиненій. 2) Для присяжныхъ важно еще то, что ихъ совѣсть нисколько не стѣсняется постановкою вопроса. Они имѣютъ право, если находятъ главное обвиненіе неосновательнымъ, произнести оправдательный приговоръ по отношенію къ этому обвиненію, но въ тоже время объявить подсудимаго виновнымъ по отношенію къ дѣйствию, подразумѣваемому въ главномъ обвиненіи; такъ наприм. въ случаѣ обвиненія въ предумышленномъ убійствѣ они могутъ объявить подсудимаго невиннымъ въ убійствѣ предумышленномъ, но виновнымъ въ убійствѣ неумышленномъ. Недавно изданные законы еще болѣе расширили это право присяжныхъ. Въ силу закона 1861 г. ¹⁾, въ случаѣ обвиненія въ утаеніи чужой собственности, джюри, если находятъ, что совершено не утаеніе, а кража, можетъ произнести оправдательный приговоръ по отношенію къ утаенію, но обвинительный по отношенію къ кражѣ, и наоборотъ. 3) Одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ англійскаго присяжнаго суда заключается въ томъ, что присяжные произносятъ свой вердиктъ относительно всего вопроса о виновности. Они рѣшаютъ такъ-называемые вопросы о фактѣ и правѣ, т. е. касаются въ своемъ совѣщаніи и рѣшеніи также и юридическихъ понятій, насколько это необходимо для рѣшенія вопроса о виновности. Во Франціи и Германіи все еще упорно держатся того мнѣнія, что присяжные должны быть только судьями факта. Законодатели этихъ странъ, стараясь ограничить размѣры юридической стороны вопроса, предлагаемаго присяжнымъ, стѣ-

сияютъ президента разнаго рода выраженіями, которыя они сами плохо понимаютъ. Президентъ, съ своей стороны, чтобъ избѣжать употребленія въ вопросѣ юридическихъ понятій, старается разложить эти понятія на ихъ чисто фактическіе признаки. Вслѣдствіе этого вопросъ часто предлагается въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что присяжные путаются. Или вопросъ предлагается такимъ образомъ, что присяжные принуждены бывають высказаться только о существованіи извѣстныхъ фактовъ и объявить подсудимаго виновнымъ, что имѣло бы смыслъ только въ такомъ случаѣ, еслибы присяжные объявляли въ тоже время, что подсудимый совершилъ дѣяніе, подлежащее уголовному наказанію. Положеніе англійскаго присяжнаго въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе. Англійскій присяжный знаетъ, что рѣшая вопросъ о виновности подсудимаго, онъ долженъ обсудить также и то обстоятельство: совершилъ ли подсудимый своимъ дѣяніемъ то преступленіе, въ которомъ его обвиняють. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые основательные нѣмецкіе ученые слишкомъ упорно придерживаются прежнихъ англійскихъ взглядовъ на судопроизводство и выдаютъ за дѣйствующія правила нынѣшняго англійскаго присяжнаго суда такіе приговоры судей, которые имѣли мѣсто въ смутныя времена и употреблялись съ цѣлью запугать присяжныхъ или заставить ихъ касаться въ своихъ вердиктахъ только факта преступленія; такъ наприм. эти ученые утверждаютъ, что англійскіе присяжные рѣшаютъ только вопросъ о фактѣ, или что присяжные въ отвѣтъ на вопросъ о правѣ должны слѣдовать указаніямъ судьи. Въ опроверженіе этого мы укажемъ на замѣчательныя судебныя пренія, вызванныя извѣстнымъ актомъ 1792 г. На основаніи этого акта, присяжные въ процессахъ о печати имѣють право произносить оправдательный или обвинительный приговоръ относительно всего предмета обвиненія. Англійскій присяжный конечно не думаетъ миловать виновнаго, но тѣмъ не менѣе онъ знаетъ, что произнося обвинительный приговоръ, онъ обязанъ обратить вниманіе, какъ на личность подсудимаго, такъ и на обстоятельства, при которыхъ онъ дѣйствовалъ, и на основаніи этого вывести заключеніе, могъ-ли подсудимый во время совершенія своего дѣянія знать о противозаконности его. Когда въ обвинительномъ актѣ встрѣчаются выраженія, употребляемыя въ уголовномъ законѣ и обозначающія такъ-называемыя юридическія понятія, наприм. вѣксель, кража, жилой домъ, покушеніе и т. п., то англійскій, какъ и всякій другой благоразумный присяжный рассуждаетъ такимъ образомъ: если онъ призванъ произнести приговоръ о виновности извѣстнаго лица, то онъ долженъ также рѣшить — подходятъ ли факты, въ дѣйствительности которыхъ онъ не сомнѣвается, подъ опредѣленіе закона? Присяжный долженъ предполагать, что законодатель, при употребленіи извѣстнаго выраженія, сообразовался съ господствующими въ народѣ понятіями о правѣ. Судья объясняетъ присяжнымъ юридическія опредѣ-

ленія; но ни одному англійскому судѣ не приходитъ въ голову требовать отъ присяжныхъ, чтобъ они слѣдовали его мнѣнію; если наприим., по объясненію судьи, случай, подлежащій рѣшенію присяжныхъ, подходитъ подъ понятіе убійства, то присяжнымъ ничто не мѣшаетъ произнести, вопреки мнѣнію судьи, оправдательный приговоръ. Или положимъ, что въ другомъ случаѣ судья сомнѣвается, можно ли отводъ газа изъ газопроводной трубы (*Entziehung von Gas*) считать кражей. Но присяжные, не смотря на то, могутъ объявить подсудимаго виновнымъ въ кражѣ; и судѣ, если онъ убѣжденъ въ справедливости своего мнѣнія, не остается ничего болѣе дѣлать, какъ отсрочить исполненіе приговора и перенести вопросъ о правѣ на рѣшеніе высшаго суда.

IV. Одно изъ важныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ англійскаго присяжнаго суда, заключается въ томъ, что приговоръ по уголовнымъ дѣламъ есть результатъ совокупной дѣятельности присяжныхъ и судьи²⁾. Судья управляетъ преніями въ интересѣ упрощенія процесса и устраненія всѣхъ дѣйствій, которыя легко могли бы ввести присяжныхъ въ заблужденіе. Такимъ образомъ, если судья замѣчаетъ, что рѣшеніе какого нибудь предварительнаго вопроса въ извѣстномъ смыслѣ сдѣлало бы дальнѣйшее производство ненужнымъ, то онъ заботится о томъ, чтобъ этотъ предварительный вопросъ рѣшенъ былъ прежде всего. Такъ наприим. въ одномъ дѣлѣ по обвиненію въ неумышленномъ убійствѣ пренія скоро обнаружили вѣроятность, что смерть произошла скорѣе отъ случая. Судья потребовалъ, чтобы прежде всего спрошенъ былъ врачъ о причинѣ смерти. Когда же врачъ сказалъ, что покойникъ умеръ не отъ насилія, а отъ страха, сильнаго волненія и быстраго бѣгства, то судья объявилъ, что нѣтъ болѣе надобности продолжать изслѣдованіе о виновности подсудимаго. Присяжные перемигнулись между собою и немедленно произнесли оправдательный приговоръ. Если обвинитель или защитникъ намѣреваются допрашивать свидѣтеля, который можетъ показать только о томъ, что ему извѣстно по наслышкѣ, то судья немедленно объявляетъ, что допросъ такого рода свидѣтелей не допускается. Но самую важную сторону дѣятельности судьи представляетъ его заключительная рѣчь (*charge*). Въ этой рѣчи судья развиваетъ передъ присяжными юридическую точку зрѣнія, относящуюся къ разсматриваемому случаю, наприим. говоритъ о различіи между убійствомъ преднамѣреннымъ и неумышленнымъ, равно какъ о смыслѣ, въ которомъ законъ употребляетъ извѣстныя выраженія, наприим. злая воля; опредѣляетъ условія, при которыхъ можетъ быть принято доказательство какого нибудь обстоятельства, заключающагося въ вопросѣ, наприим. относительно умственнаго расстройства; предостерегаетъ присяжныхъ въ случаѣ существованія косвенныхъ уликъ. При посредствѣ заключительной рѣчи судья имѣетъ огромное вліяніе на присяжныхъ, и вліяніе его можетъ быть въ высшей степени благодѣ-

*

тельно. Нельзя однакожь умолчать, что объемъ и способъ изложенія заключительной рѣчи чрезвычайно разнообразны и зависятъ отъ личнаго характера судьи. Ниже будетъ показано, что причина несправедливаго вердикта часто заключается въ односторонности рѣчи судьи, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ извѣстнаго доказательства посредствомъ экспертовъ, или о косвенныхъ уликахъ.

Справедливость вышеприведеннаго замѣчанія, что дѣятельность присяжныхъ судовъ тѣсно связана съ нравственнымъ, социальнымъ и политическимъ бытомъ народа, лучше всего доказывается примѣромъ Англіи. Сравненіе, въ самомъ дѣлѣ, показываетъ, что англійскій судъ присяжныхъ пользуется такими гарантіями, которыхъ не имѣютъ суды многихъ другихъ странъ. Въ Англіи судъ присяжныхъ развился изъ древнихъ народныхъ учреждений послѣ упорной борьбы, продолжавшейся нѣсколько столѣтій. Вслѣдствіе этого англичане понимаютъ институтъ присяжныхъ совершенно своеобразно. Англичанинъ конечно вполне признаетъ, что этотъ институтъ блистательно защищалъ, въ особенности въ смутное время, свободу гражданъ. Но не въ этомъ, по мнѣнію англичанина, заключается главное достоинство присяжнаго суда. Въ Англіи смотрятъ на присяжныхъ скорѣе какъ на судей, которые, подобно короннымъ судьямъ, обязаны рѣшать дѣла по закону. Въ понятіи, какое составилось о судѣ присяжныхъ въ англійскомъ законодательствѣ и у англійскаго народа, мысль о политическихъ правахъ и мысль о почетности званія присяжнаго (сильно распространенная въ Германіи) стоятъ на заднемъ планѣ. Англичанинъ смотритъ на обязанность быть присяжнымъ точно также, какъ и на всякую другую общественную повинность. Если даже призванный къ отправленію правосудія и не доволенъ своимъ назначеніемъ, потому что ему придется запустить свои собственныя дѣла, то тѣмъ не менѣе онъ спокойно подчиняется долгу вслѣдствіе особенности англійскаго характера охотно жертвовать личными выгодами для общаго блага. Въ Англіи не существуетъ ни малѣйшей оппозиціи между короннымъ судьей и присяжными. Англичанинъ питаетъ большое довѣріе къ судьямъ, довѣріе, основывающееся на томъ, что англійскій судья не допрашиваетъ, подобно французскому, обвиняемаго и свидѣтелей, и въ продолженіе всего процесса сохраняетъ полное спокойствіе и безпристрастіе, что придаетъ большую силу его наставленіямъ, съ которыми онъ обращается къ присяжнымъ. Значеніе англійскаго присяжнаго суда увеличивается еще тѣмъ, что присяжные рѣшаютъ не только уголовныя, но и гражданскія дѣла. Это обстоятельство служитъ причиною того, что политическій характеръ суда присяжныхъ не можетъ пустить глубокихъ корней и что англичанинъ съ именемъ присяжнаго соединяетъ понятіе судьи. Въ Англіи на дѣйствія присяжнаго суда имѣетъ огромное вліяніе также и политическій бытъ страны, въ особенности то обстоя-

тельство, что, не смотря на оживленную борьбу партій, духъ партій не проникаетъ въ отправленіе правосудія. Исключенія изъ этого было только во времена, волнуемая политическими бурями, когда англійское правительство, желая уничтожить народныя вольности, старалось губительно дѣйствовать и на суды присяжные, между тѣмъ какъ народъ, сознавая опасность, мощно этому противодействовалъ. Но что бывало во времена Карла I, Карла II и Якова, то теперь, при существованіи болѣе совершенной конституціи, сдѣлалось невозможностью. Мы должны еще упомянуть здѣсь о большомъ значеніи контроля, которому, вслѣдствіе свободы печати, подвергается каждый общественный дѣятель. Судья точно также какъ и другія должностныя лица и присяжные знаютъ, что за свои приговоры, даже за каждое слово, сказанное ими въ засѣданіи суда, они могутъ навлечь на себя неумолимо строгую критику прессы ³⁾.

Что касается до общественнаго мнѣнія въ Англіи о судѣ присяжныхъ, то оно всегда признаетъ, что это учрежденіе существенно связано съ конституціонной жизнью и необходимо для правильнаго отправленія правосудія. Правда, и въ самой Англіи, особенно въ высшихъ слояхъ общества, нерѣдко раздаются голоса, которые требуютъ, чтобы законы отличались болѣею строгостью, рассказываютъ всякаго рода исторіи о злоупотребленіяхъ присяжнаго суда и проклинаютъ весь институтъ присяжныхъ, если узнаютъ, что присяжные произнесли оправдательный приговоръ. Но къ счастью такіе голоса принадлежать только немногимъ отдѣльнымъ личностямъ. Точно также безсильны голоса тѣхъ, которые увѣряютъ, что встарину институтъ присяжныхъ могъ быть уместенъ при тогдашнихъ условіяхъ быта, но что онъ вовсе не соответствуетъ современному состоянію общества и успѣхамъ юридическаго образованія. Гораздо важнѣе голосъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, которое неравнодушно смотритъ на множество недостатковъ присяжнаго суда и на пробѣлы въ англійскомъ судопроизводствѣ. Добросовѣстность обязываетъ насъ привести здѣсь эти возраженія противъ суда присяжныхъ и новыя проекты преобразованія его. Одною изъ самыхъ сильныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ съ научной точки зрѣнія мы считаемъ сочиненіе Броуна подъ заглавіемъ: «Темныя стороны присяжнаго суда». (The dark side of the Trial by J. Brown. London, 1859). Авторъ обвиняетъ судъ присяжныхъ въ неспособности, невѣжествѣ, пристрастіи, безразличности и варварствѣ. Онъ находитъ страннымъ, что по способности исполнять обыкновенныя житейскія дѣла или быть хорошимъ ремесленникомъ заключаютъ о способности рѣшать юридическіе вопросы. Въ доказательство того, что самъ законъ признаетъ эту неспособность присяжныхъ, Броунъ приводитъ то, что присяжныхъ сочли нужнымъ подчинить извѣстнымъ правиламъ о силѣ доказательствъ. Авторъ указываетъ

на то, что присяжные нередко произносят ошибочные вердикты, нередко также рѣшаютъ дѣло жребіемъ или инымъ непозволительнымъ способомъ, и что во всякомъ случаѣ присяжные часто руководятся одними только предразсудками. Далѣе, авторъ обращаетъ вниманіе на то, что это учрежденіе вынуждаетъ гражданъ на большія жертвы, такъ какъ они должны покидать свои занятія и домашнее хозяйство. Наконецъ, Броунъ приходитъ къ заключенію, что судъ присяжныхъ слѣдуетъ сохранить только для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ подвергается опасности свобода гражданъ; для всѣхъ же другихъ случаевъ онъ долженъ быть отмѣненъ. Замѣчательное опроверженіе сочиненія Броуна представилъ многоуважаемый писатель Бестъ (Best, помѣщено въ *Papers read before the juridical society. London, 1860. vol. II. part. 3. p. 183*). Онъ говоритъ, что не нужно забывать, что въ Англіи судебныя дѣла рѣшаются совокупною дѣятельностью судьи и присяжныхъ, и что для справедливой оцѣнки присяжнаго суда необходимо обратить вниманіе на характеръ постоянныхъ и временныхъ судовъ. Для рѣшенія вопроса о правѣ лучше суды перваго рода, для рѣшенія вопроса о фактѣ — суды втораго рода. Преимущество временныхъ судовъ заключается не въ томъ только, что ихъ составъ многочисленнѣе, но также и въ томъ, что ихъ члены по своему близкому соприкосновенію съ жизнью могутъ лучше обсудить всѣ обстоятельства разсматриваемаго дѣла. вѣрнѣе оцѣнить стороны и свидѣтелей, взвѣсить мотивы; что, наконецъ, самая новизна ихъ положенія вносить въ ихъ сужденіе такую свѣжесть и серьезность, какую трудно найти у судьи по профессіи. При постоянномъ судѣ рѣшеніе носить на себѣ характеръ системы и искусственности, является слѣдствіемъ рутинны; судья рѣшаетъ вопросъ о виновности тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ онъ рѣшаетъ вопросъ о правѣ, т. е. путемъ обобщенія, различенія и классификаціи. Послѣдствія отъ ошибокъ, слѣданныхъ временнымъ судомъ, гораздо ничтожнѣе, чѣмъ послѣдствія отъ ошибокъ постоянного суда. Ошибки перваго являются по большей части слѣдствіемъ минутнаго впечатлѣнія и дѣйствіе ихъ ограничивается только тѣмъ случаемъ, въ которомъ онѣ совершены. Тогда какъ ошибки постоянныхъ судовъ представляютъ ошибки системы, которыя будутъ повторяться и впослѣдствіи, потому что судьи всегда возвращаются къ своимъ взглядамъ, проведеннымъ ими въ прежнихъ приговорахъ. Бестъ превосходно проводитъ это различіе судовъ обоюроднаго и указываетъ на большія преимущества и нравственную силу англійскаго учрежденія смѣшаннаго суда. Далѣе Бестъ доказываетъ, что рассказы о непозволительныхъ средствахъ, которыя будто бы присяжные позволяютъ себѣ употреблять при рѣшеніи, лишены всякаго основанія. Наконецъ, онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что смѣшно выводить изъ того обстоятельства, что нѣкоторые присяжные судьи дѣлали ошибки, необходимость отмѣны всего института, между тѣмъ какъ

никому и въ голову не приходитъ уничтожать постоянные суды на томъ основаніи, что коллегіи судей иногда произносятъ ошибочные приговоры.

Превосходно засвидѣтельствованы достоинства присяжнаго суда въ отчетѣ комиссіи, учрежденной въ 1852 г. изъ замѣчательныхъ юристовъ для составленія проекта закона о гражданскомъ процессѣ. Отчетъ говоритъ, что судъ присяжныхъ дѣйствуетъ разумно и пользуется довѣріемъ публики. Притомъ отчетъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ фактъ, выведенный изъ наблюдений, что присяжные приносятъ съ собою массу опытности, прибрѣтенной въ жизни, чего нельзя ожидать отъ судьи, и что они обнаруживаютъ при производствѣ процесса большую внимательность, заботливость, чтобы приговоръ былъ правдивъ, стремленіе примѣнить законъ самымъ справедливымъ образомъ, тогда какъ коронный судья слишкомъ часто придерживается одной только мертвой буквы закона. Подобнымъ же образомъ отозвался о присяжныхъ одинъ изъ величайшихъ англійскихъ юристовъ Фицрой Келли на конгрессѣ въ Лондонѣ (Fitzroy Kelly, въ Transactions of the national association for the promoting of social science. London, 1862. p. 21). Онъ сказалъ, что присяжные исполняютъ свою обязанность и имѣютъ сильное побужденіе быть справедливыми, такъ какъ они знаютъ, что послѣдствія несправедливости обратились бы противъ нихъ самихъ. Въ томъ же смыслѣ и Чэмберсъ (Chambers, Papers read before the juridical society. vol. II. pag. 127.) указываетъ на большія преимущества англійскаго суда присяжныхъ.

Замѣчательно, что въ законодательствѣ все болѣе и болѣе обнаруживается стремленіе ограничить кругъ дѣйствій присяжнаго суда. Это видно изъ слѣдующихъ постановленій закона: 1) множество дѣлъ, рѣшавшихся прежде въ четвертныхъ засѣданіяхъ посредствомъ присяжныхъ, предоставлены сокращенному разбирательству и рѣшенію единоличнаго судьи (мирового и полицейскаго судей); 2) по обвиненіямъ въ простой кражѣ, если подсудимый сознается передъ единоличнымъ судьей, этотъ послѣдній самъ можетъ опредѣлить наказаніе; 3) въ судахъ графствъ единоличный судья самъ рѣшаетъ дѣло, если стороны не требуютъ положительно рѣшенія посредствомъ присяжныхъ. Относительно судовъ графствъ слѣдуетъ замѣтить, что стороны очень рѣдко требуютъ суда присяжныхъ и тѣмъ выражаютъ свое довѣріе къ единоличному судѣ. Что касается перваго постановленія, то число случаевъ, подлежащихъ сокращенному разбирательству, постоянно увеличивается. Это объясняется тѣмъ, что въ законодательствѣ все болѣе и болѣе является желаніе сократить издержки по отправленію правосудія и освободить гражданъ отъ обременительнаго званія присяжныхъ въ обыкновенныхъ (по мнѣнію законодателя) случаяхъ. Важный недостатокъ этого постановленія заключается въ томъ, что иногда дѣла, далеко не простыя, поступаютъ на рѣшеніе единоличнаго судьи, который разбираетъ ихъ поверхностно и часто оканчиваетъ присужденіемъ винов-

наго къ очень короткому аресту, т. е. наказанію, которое, по способу исполненія, совершенно неѣдѣствительно. Еще болѣе заслуживаетъ порицанія второе изъ приведенныхъ постановленій, вызванное съ одной стороны тѣми же соображеніями, какъ и первое, а съ другой распространеніемъ правила, по которому рѣшеніе съ участіемъ присяжныхъ считается не нужнымъ, если обвиняемый сознался въ своей винѣ. Воры, сознавшіеся передъ мировымъ судьей, не подвергаются суду присяжныхъ, но приговариваются самымъ мировымъ судьей къ менѣе тяжкому наказанію. Число подобныхъ рѣшеній постоянно увеличивается. Многочисленные прошенія и отмѣны приговоровъ показываютъ, что воры, совершавшіе значительныя кражи и неразъ уже наказанные, предпочитаютъ лучше сознаться въ своей винѣ и подвергнуться легкому наказанію, чѣмъ являться на судъ присяжныхъ, который навѣрно открылъ бы ихъ опасный характеръ и приговорилъ бы къ болѣе тяжкому наказанію. Чтоже касается до приведеннаго выше замѣчанія, что стороны иногда предпочитаютъ рѣшеніе дѣла въ судахъ графствъ, то это происходитъ вовсе не потому, чтобъ общественное мнѣніе было вооружено противъ суда присяжныхъ, а просто потому, что стороны боятся судебныхъ издержекъ, такъ какъ большинство дѣлъ, рѣшенныхъ безъ участія присяжныхъ въ судахъ графствъ, простирались на очень незначительную сумму. Въ высшихъ судахъ общаго права, common law, стороны могутъ, на основаніи закона 1854 г., по взаимному соглашенію, письменно объявить суду, что они предоставляютъ ему также и рѣшеніе вопроса о фактѣ; причемъ судъ долженъ разсматрѣть уважительно-ли это объявленіе сторонъ. Но опытъ показываетъ, что стороны очень рѣдко пользуются этимъ правомъ.

Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ указать также и на тѣ стороны англійскаго суда присяжныхъ, по отношенію къ которымъ разсудительныя юристы въ самой Англійи настоятельно требуютъ реформы этого суда. Недостатки, о которыхъ мы будемъ говорить, покажутъ въ тоже время и причину, почему англійскій присяжный судъ не всегда удовлетворяетъ разумнымъ требованіямъ.

1) Многіе жалуются на недостатки самаго состава присяжнаго суда, порицаютъ способъ составленія списковъ присяжныхъ и указываютъ на нессостоятельность начала, принятаго за основаніе для освобожденія кого либо отъ призыва въ присяжные. Говорятъ, что тѣ качества, которыя прежде требовались отъ присяжныхъ, не удовлетворяютъ нынѣшнимъ условіямъ и потребностямъ; что особенно въ провинціи выборъ присяжныхъ мало представляетъ ручательствъ въ ихъ способности къ исполненію возлагаемой на нихъ обязанности, — и что слѣдуетъ позаботиться о назначеніи въ присяжные такихъ лицъ, изъ которыхъ можно бы было избирать специальныхъ присяжныхъ. Вопросъ о преобразованіи джюри особенно подробно разсматривалъ Гаррисъ (Harris) въ одномъ собраніи

юридическаго общества. Онъ пришелъ къ тому выводу, что нужно различать преступленія обыкновенныя, политическія и угрожаемыя смертною казнью, и дѣла о послѣднихъ рѣшать посредствомъ присяжныхъ, избранныхъ изъ высшихъ слоевъ общества и обладающихъ основательнымъ образованіемъ (такъ какъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь, присяжнымъ обыкновенно приходится дѣлать трудную оцѣнку показаній экспертовъ). Несмотря, однакоже, на эти предложенія, парламентъ не счелъ нужнымъ сдѣлать какія либо измѣненія въ устройствѣ присяжнаго суда. Напротивъ, въ преніяхъ парламента неразъ высказывалась мысль, что слѣдуетъ избѣгать всякихъ мѣръ, которыя могли бы подать поводъ думать, что богатые пользуются привилегіей судейской власти въ ущербъ своимъ бѣднѣйшимъ согражданамъ. Упомянемъ еще здѣсь, что недавно (7 августа 1862 г.) изданъ законъ, весьма облегчающій освобожденіе извѣстныхъ классовъ отъ призыва къ отправленію правосудія. Кромѣ того, въ парламентъ внесено предложеніе о назначеніи присяжнымъ приличнаго вознагражденія. Литература, съ своей стороны, тоже дѣятельно занимается этимъ вопросомъ.

2) Все болѣе и болѣе убѣждаются въ неудовлетворительности англійскаго способа веденія предварительнаго слѣдствія. Говорятъ, что въ этомъ обстоятельствѣ заключается главная причина того, что часто присяжные принуждены бывають произносить оправдательный приговоръ въ такихъ случаяхъ, гдѣ болѣе основательное слѣдствіе повлекло бы за собою обвинительный приговоръ. Въ доказательство этого приводятъ слѣдующее: а) основа для сужденія, даваемая слѣдствіемъ коронера (coroner's inquest), часто весьма недостаточна. Нерѣдко коронеръ изъ личныхъ видовъ дѣйствуетъ нерѣшительно, наприм. если случай произошелъ въ знатной фамиліи. Или выборъ экспертовъ не представляетъ никакого ручательства, и потому фактическая сторона дѣла остается не возстановленной. Часто также и присяжные довольно поверхностно рѣшаютъ вопросъ: совершенно ли въ данномъ случаѣ самоубійство или убійство преднамѣренное, или неумышленное. б) Постоянно жалуются на недостатокъ публичнаго обвинителя. Этотъ недостатокъ болѣе всего ощутителенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общество требуютъ наказанія виновнаго, а между тѣмъ, вслѣдствіе равнодушія заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, или вслѣдствіе ходатайства родныхъ виновнаго, преступленіе остается безъ преслѣдованія. Кромѣ того, частный обвинитель не всегда имѣетъ подъ рукой нужныя средства, съ помощью которыхъ онъ могъ бы несомнѣнно доказать преступленіе. в) Въ англійскомъ предварительномъ слѣдствіи не составляется никакихъ актовъ о результатахъ розысканій, наприм. объ осмотрѣ слѣдовъ преступленія, о показаніяхъ экспертовъ, или обыскѣ дома. Факты, раскрытые слѣдствіемъ, ничѣмъ не констатируются, такъ что въ процессѣ (Trial) все зависитъ отъ свидѣтельства лицъ, присутствовавшихъ при производствѣ слѣдствія,

и отъ вѣрности ихъ памяти. А въ этомъ часто заключается причина того, что нѣтъ возможности возстановить необходимое доказательство вины.

d) Указываютъ на большой вредъ, происходящій отъ того, что въ Англіи обвинитель, не дожидаясь предварительнаго слѣдствія, входитъ съ просьбою о разсмотрѣніи дѣла въ обвинительномъ джюри. Между тѣмъ, производство въ этомъ учрежденіи не представляетъ достаточныхъ ручательствъ, вслѣдствіе чего часто случается, что дѣло не бываетъ подготовлено надлежащимъ образомъ для устнаго производства.

3) Въ тѣсной связи съ предыдущимъ замѣчаніемъ находится сильно распространенное мнѣніе о томъ, что институтъ обвинительнаго джюри не заслуживаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ англійской литературѣ и даже въ парламентѣ возбужденъ былъ вопросъ объ упраздненіи института большого джюри по крайней мѣрѣ въ Лондонѣ (на всю Англію эту мѣру не рѣшались распространить по причинѣ неудовлетворительнаго состоянія провинціальныхъ судовъ). Говорили, что достаточно будетъ, если судья, на основаніи формальнаго предварительнаго слѣдствія, объявитъ, что обвиненіе на столько основательно, чтобы предать обвиненнаго публичному суду. Необходимость отмѣны этого учрежденія доказываютъ тѣмъ, что очень часто хитрый обвинитель, представляя обвиненіе въ большое джюри, пользуется этимъ просто какъ средствомъ отомстить обвиняемому имъ лицу или вынудить у него деньги. Далѣе, указываютъ на то, что тайное и одностороннее судопроизводство, какъ оно ведется въ большомъ джюри, гдѣ допрашиваютъ только свидѣтелей со стороны обвинителя, да и то поверхностно, а подсудимаго совсѣмъ не спрашиваютъ, — не представляетъ для этого послѣдняго дѣйствительнаго средства къ защитѣ, тѣмъ болѣе, что передъ этимъ судомъ свидѣтели могутъ давать ложныя показанія. такъ какъ нѣтъ никакой возможности изобличить ихъ въ клятвopеступленіи. Еще недавно лордъ Челмсфордъ (Chelmsford) сдѣлалъ предложеніе, одобренное и прессой, чтобы въ полицейскихъ округахъ Лондона судьямъ было предоставлено право, по окончаніи предварительнаго слѣдствія, самимъ распоряжаться о преданіи обвиняемаго суду. Но мы очень ошиблись бы, если бы подумали, что англійскому обвинительному джюри предстоитъ близкое упраздненіе. Глубокомысленное изслѣдованіе этого предмета, принадлежащее опытному юристу Чэмберсу (Chambers), показываетъ, что нападки на обвинительный судъ присяжныхъ основываются на отдѣльныхъ случаяхъ злоупотребленій, и что этотъ судъ можетъ быть преобразованъ такимъ образомъ, что всякія нападки на него уничтожатся сами собой. Чэмберсъ доказываетъ, что институтъ большого джюри представляетъ существенную защиту противъ несправедливыхъ обвиненій, въ особенности противъ обвиненій въ политическихъ преступленіяхъ, такъ что даже противники этого учрежденія желаютъ сохранить его для подобныхъ обвиненій.

4) Что касается до порядка устнаго судопроизводства, то въ послѣднее время стали сильно порицать постановленіе, по которому при открытіи засѣданій у обвиняемаго спрашиваютъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или невиннымъ. Это постановленіе порицается въ двоякомъ отношеніи: а) указываютъ на множество случаевъ, когда подсудимый признаетъ себя виновнымъ по легкомыслію и незнанію послѣдствій. А между тѣмъ сознаніе его прекращаетъ дальнѣйшее разбирательство дѣла передъ присяжными, и такимъ образомъ настоящій характеръ даннаго случая остается неизслѣдованнымъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко бываетъ, что судья убѣдительно проситъ обвиняемаго взять назадъ свое сознаніе и объявить себя невиннымъ. Такъ именно недавно случилось въ мѣдстонскихъ ассизахъ (Maidstone). Молодой человѣкъ 18-ти лѣтъ, по имени Бортонъ (Burton), обвиняемъ былъ въ убійствѣ мальчика. Онъ самъ добровольно явился въ полицію и объявилъ, что имъ овладѣло непреодолимое желаніе убить кого нибудь, вслѣдствіе чего онъ отточилъ ножъ и зарѣзалъ какого-то незнакомаго мальчика, который первый попался ему на дорогѣ. При открытіи ассизъ Бортонъ объявилъ себя виновнымъ. Защитникъ его сказалъ, что подсудимый страдаетъ мономаніей, что онъ помѣшался на желаніи быть повѣшеннымъ. Тогда судья выразилъ сожалѣніе, что подсудимый призналъ себя виновнымъ, такъ какъ онъ вѣроятно придастъ ложный смыслъ объявленію себя невиннымъ. Судья предостерегалъ подсудимаго отъ сознанія въ винѣ, такъ что тотъ наконецъ уступилъ доводамъ судьи и объявилъ себя невиннымъ. Послѣ того началось производство процесса и главный предметъ изслѣдованія составила вѣняемость подсудимаго. Другой случай подобнаго рода представляетъ процессъ одного молодаго человѣка, который позванъ былъ въ судъ по обвиненію въ покражѣ индюка у своего господина. Подсудимый хотѣлъ бросить камень въ воробья, но попалъ нечаянно въ индюка и убилъ его. Опасаясь, чтобъ объ этомъ не узнали, онъ подарилъ убитаго индюка одной дѣвушкѣ. Въ ассизахъ подсудимый объявилъ себя виновнымъ. Судья приговорилъ его къ однодневному аресту, но при этомъ выразилъ сожалѣніе, что молодой человѣкъ призналъ себя виновнымъ, потому что въ противномъ случаѣ его бы оправдали. Но особенно важны тѣ случаи, когда подсудимый, совершившій весьма тяжкое преступленіе, имѣетъ возможность своимъ сознаніемъ прекратить судебное производство дѣла. Въ одномъ недавнемъ процессѣ по обвиненію въ убійствѣ подсудимый немедленно призналъ себя виновнымъ и настаивалъ на этомъ признаніи, не смотря на увѣщанія судьи сослаться на невинность. Судья, который принужденъ былъ безъ дальнѣйшаго разбирательства произнести смертныя приговоры, объявилъ, что желательно было бы, чтобы въ дѣлахъ по обвиненіямъ въ преступленіи, влекущемъ за собою смертную казнь, не допускалось сознаніе подсудимаго, потому что въ случаяхъ, подобныхъ настоящему (дѣло

шло о чудовищномъ убійствѣ), интересы общественнаго правосудія требуютъ обстоятельнаго судебного разбора, который, съ другой стороны, представлялъ бы ручательство въ томъ, что обвиняемый сдѣлалъ сознание не подъ вліяніемъ умственного расстройства. Мнѣнія подобнаго рода часто слышатся въ Англіи. Люди, высказывающіе ихъ, требуютъ отмѣны этого стариннаго постановленія, изображающаго остатокъ времени введенія присяжнаго суда.

б) Въ парламентѣ неразъ уже вносилось, въ особенности лордомъ Брумомъ (Brougham), предложеніе о томъ, чтобы вмѣсто вопроса: виновенъ или невиненъ подсудимый, — его спрашивали: желаетъ ли онъ быть судимымъ на основаніи обвинительнаго акта или признаетъ себя виновнымъ. Доказано, что обвиняемые неясно понимаютъ и смыслъ выраженія: невиненъ. Иной добросовѣстный обвиняемый не рѣшается объявить себя невиннымъ потому, что онъ не можетъ отрицать голаго факта преступленія, или потому, что тюремный священникъ уговорилъ его сознаться въ винѣ, или, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ потому, что онъ думаетъ, что его подвергнуть незначительному наказанію или даже совсѣмъ не накажутъ. Нерѣдко также бываетъ, что обвиняемый сначала сознается въ винѣ, но потомъ, уступая увѣщаніямъ судьи, объявляетъ себя невиннымъ, — и судъ, разсмотрѣвши дѣло, дѣйствительно оправдываетъ его.

5) Настоятельныѣ всего требуютъ реформы англійскаго судопроизводства по отношенію къ системѣ доказательствъ при помощи экспертовъ. Это объясняется тѣмъ, что все чаще и чаще повторяются случаи несправедливыхъ вердиктовъ и даже смертныхъ приговоровъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ ошибкамъ экспертовъ. Систему доказательствъ посредствомъ экспертовъ упрекаютъ преимущественно въ слѣдующихъ четырехъ весьма важныхъ недостаткахъ: а) англійская судебная практика при оцѣнкѣ доказательства, основаннаго на показаніяхъ экспертовъ, руководится ложнымъ началомъ. Она смотритъ на это научное доказательство какъ на обыкновенное свидѣтельство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ доказательство такого рода есть искусственное доказательство, опирающееся на цѣлый рядъ догадокъ, которыя способны побудить судью и присяжныхъ основать свое юридическое убѣжденіе на научномъ мнѣніи свѣдущихъ людей, или отдать преимущество одному изъ нѣсколькихъ научныхъ мнѣній. Мы напрасно стали бы искать въ англійскихъ судебныхъ преніяхъ и рѣшеніяхъ подобнаго логическаго процесса мысли, который одинъ только и можетъ дать прочную основу для сужденія.

б) Выборъ свѣдущихъ людей, приглашаемыхъ въ судебное засѣданіе, не представляетъ ни малѣйшаго ручательства въ томъ, что эти лица обладаютъ въ достаточной степени необходимыми научными познаніями, искусствомъ, опытною и проницательностію. Нерѣдко случается, что объ умственномъ расстройствѣ подсудимаго судятъ такіе эксперты, кото-

рые никогда не изучали психіатріи. с) Вслѣдствіе этого многіе предлагаютъ, чтобы по дѣламъ, въ которыхъ необходимо доказательство посредствомъ экспертовъ, учреждались особыя коммисіи и чтобы въ этихъ коммисіяхъ извѣстные, назначенные отъ правительства, свѣдущіе люди подавали свои мнѣнія, обязательныя для присяжныхъ. d) Особенно сильно порицается въ Англіи недостатокъ судопроизводства, заключающійся въ томъ, что если обвиняемый бѣденъ, то хотя бы даже въ дѣлѣ были самыя важныя научныя вопросы, судъ ограничивается мнѣніями только тѣхъ экспертовъ, которые приглашены были обвинителемъ (въ особенно важныхъ случаяхъ государство само является обвинителемъ и платитъ тогда всѣ судебныя издержки, а слѣдовательно платитъ и гонорарій экспертамъ, приглашаемымъ въ большомъ числѣ). Понятно, что мнѣнія этихъ экспертовъ односторонни, и не смотря на то они остаются неопровергнутыми, такъ какъ нѣтъ на лицо экспертовъ противной стороны, которые могли бы представить мнѣніе, говорящее въ пользу защиты подсудимаго.

6) Вышеуказанными недостатками англійскаго присяжнаго суда обусловливается и слабая сторона заключительныхъ рѣчей президента. Несомнѣнно, что заключительная рѣчь есть одно изъ самыхъ полезныхъ установленій англійскаго судопроизводства. Въ ней президентъ поучаетъ присяжныхъ относительно всѣхъ важныхъ юридическихъ вопросовъ, обращаетъ ихъ вниманіе на всѣ обстоятельства дѣла, такъ что сужденіе присяжныхъ существенно облегчается. Наставленія президента часто представляютъ образцы безпристрастнаго изложенія дѣла. Но опытъ доказываетъ также, что эти наставленія нерѣдко вводятъ присяжныхъ на ложный путь и служатъ причиной несправедливыхъ вердиктовъ. Это бываетъ: 1) преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ есть показанія экспертовъ относительно какого нибудь важнаго вопроса. Иногда судья, не будучи спеціалистомъ, опрометчиво говоритъ въ своей рѣчи о вѣрности того или другаго научнаго взгляда, или, въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ экспертовъ, указываетъ которое изъ нихъ слѣдуетъ предпочесть. 2) Чаше всего это случается въ преніяхъ по поводу умственнаго разстройства обвиняемаго. Въ этомъ отношеніи англійскіе судьи слишкомъ часто придерживаются старыхъ взглядовъ (ложность которыхъ доказана новѣйшими изслѣдованіями) и толкуютъ присяжнымъ наприм., что виновность тогда только исключается, если обвиняемый не могъ отличать правды отъ неправды, или если онъ страдалъ помѣшательствомъ, съ которымъ тѣсно связано совершенное имъ преступленіе.

7) Относительно защиты обвиняемыхъ англійское судопроизводство представляетъ два важныхъ недостатка: а) законъ не заботится о назначеніи защитниковъ. Слѣдствіемъ чего часто бываетъ то, что обвиняемый въ самомъ тяжкомъ преступленіи (даже въ убійствѣ), если онъ не въ состояніи платить адвокату, остается безъ защитника, и процессъ

ведетъ одностороннимъ образомъ. б) Еще болѣе заслуживаетъ порицанія обычай англійской судебной практики, по которому защитникъ не всегда пользуется правомъ послѣдняго слова и потому не имѣетъ возможности изложить передъ присяжными въ краткихъ и ясныхъ словахъ результаты своей защиты; между тѣмъ, какъ обвинителю всегда дается право послѣдняго слова. Отъ этого часто происходитъ односторонность сужденія. Недавно въ парламентѣ дѣлались предложенія объ устраненіи этого недостатка ⁴⁾.

8) По отношенію къ теоріи доказательствъ порицаютъ слѣдующіе недостатки англійскаго судопроизводства: а) полицейскіе чиновники, если они ссылаются на свидѣтельство агентовъ тайной полиціи, показываютъ свидѣнія, сообщенныя этими послѣдними, слѣдовательно дѣлаютъ показанія по наслышкѣ. Между тѣмъ сами агенты не являются въ качествѣ свидѣтелей и потому не подвергаются перекрестному допросу. б) Значительнымъ препятствіемъ къ открытію истины считается правило англійской практики, по которому судъ присяжныхъ не долженъ обращать вниманія на сознаніе обвиняемаго, если полицейскій чиновникъ, передъ которымъ сдѣлано это сознаніе, убѣждалъ обвиняемаго показать правду.

9) Одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ англійскаго уголовного судопроизводства представляетъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли удержатъ дѣйствующее нынѣ правило, по которому обвиняемый не подвергается никакому допросу, или не лучше ли будетъ, въ интересѣ открытія истины и даже въ интересѣ самого обвиняемаго, принять ту систему, которая недавно съ успѣхомъ введена въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ гражданскомъ процессѣ, по новому закону, стороны могутъ давать на судѣ даже показанія подъ присягой, но зато подвергаются также перекрестному допросу противника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ парламентѣ предлагали, въ особенности лордъ Брумъ, издать законъ о томъ, что подсудимый можетъ быть спрашиваемъ, и что онъ во всякомъ случаѣ имѣетъ право приводить въ судебномъ засѣданіи все, что найдетъ нужнымъ въ интересѣ своей защиты.

Бентамъ давно уже дѣлалъ подобное предложеніе и желалъ, чтобъ англійскому судѣ дано было право допрашивать обвиняемаго. Съ другой стороны этотъ вопросъ много лѣтъ уже дѣятельно обсуждается какъ въ парламентѣ, такъ и въ литературѣ. Если мы сравнимъ различныя сужденія объ этомъ предметѣ, то легко замѣтимъ, что существуетъ большое разногласіе въ мнѣніяхъ относительно размѣра и способа исполненія упомянутого предложенія. Многіе рекомендуютъ предложеніе болѣе въ интересѣ защиты обвиняемаго, который получилъ бы тогда возможность уничтожить обвиненіе подробнымъ объясненіемъ истиннаго значенія факта. По мнѣнію другихъ, эта мѣра должна болѣе имѣть въ виду открытіе вины; причемъ опять мнѣнія расходятся на томъ пунктѣ, слѣдуетъ-ли обвиняемому дать только право объясненія, или, задавая ему вопросы,

вынуждать его на отвѣты. Но всѣ реформаторы согласны въ одномъ: что не слѣдуетъ вводить допроса на подобіе того, какой производится французскимъ президентомъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ обсуждался на ученыхъ конгрессахъ общества для споспѣшествованія соціальной науки, собиравшихся въ 1860 и 1861 годахъ. Противъ предлагаемаго установленія возражаютъ, что если судѣ дать право допроса обвиняемаго, то это съ одной стороны вредно отзовется на безпристрастіи судьи, а съ другой неизбѣжно приведетъ къ допросу на подобіе французскаго, какъ бы ни были добросовѣстны судьи. Такимъ образомъ было бы ниспровергнуто верховное начало англійскаго судопроизводства, состоящее въ томъ, что въ пользу обвиняемаго говоритъ предположеніе невинности, и что обвинитель обязанъ доказать свое обвиненіе. Кромѣ того, указываютъ на то обстоятельство, что при новомъ порядкѣ хитрый и образованный обвиняемый въ родѣ напр. Пальмера (Palmer), осужденнаго за отравленіе, легко могъ бы имѣть опасное вліяніе на присяжныхъ и вводить ихъ въ заблужденіе.

10) Особеннаго вниманія заслуживаетъ правило англійскаго судопроизводства, по которому приговоръ можетъ основываться только на единогласномъ рѣшеніи присяжныхъ. Въ нѣмецкой литературѣ и въ преніяхъ нѣмецкихъ законодательныхъ палатъ, къ сожалѣнію, господствуетъ какое то безсознательное предубѣжденіе противъ системы единогласнаго рѣшенія, ибо рассказы нѣкоторыхъ юристовъ о разныхъ смѣшныхъ сценахъ, происходящихъ будто-бы вслѣдствіе упомянутаго требованія, основываются на произвольныхъ предположеніяхъ и вымыслѣ. Правда, что въ Англіи съ давнихъ поръ ужъ являются предложенія объ измѣненіи этого установленія. Отчетъ комисіи, учрежденной для разсмотрѣнія проекта закона 1852 г. относительно преобразованія гражданскаго судопроизводства, говоритъ слѣдующее: средство, употреблявшееся встарину для приведенія присяжныхъ къ единогласію,—конечно, нисколько не соответствуетъ цѣли правосудія. Средство это состояло въ томъ, что присяжныхъ держали взаперти, безъ пищи, питья и свѣта до тѣхъ поръ, пока они не придутъ къ соглашенію. Но комисія сама убѣдилась, что и введеніе системы большинства голосовъ было бы опасно. Поэтому комисія предлагаетъ: чтобы присяжнымъ, во время ихъ совѣщанія, доставлялись всѣ необходимыя удобства; далѣе, если, по истеченіи 12 часовъ, между присяжными не установится единогласіе, чтобы судъ довольствовался приговоромъ 11 присяжныхъ; если же невозможно достигнуть соглашенія и 11-ти голосовъ, то чтобы присяжные распускались. Мы обращаемъ вниманіе на то, что отчетъ комисіи имѣлъ въ виду только трудныя гражданскія дѣла. Когда билль объ этомъ законѣ разсматривался въ парламентѣ 1854 г., многіе члены правда вотировали въ пользу предложенія комисіи, но только по отношенію къ гражданскимъ процессамъ. Между тѣмъ большая часть членовъ признали, что въ уголовномъ судопроизводствѣ единоглас-

ное рѣшеніе должно быть оставлено по прежнему. Если мы обратимся къ современному состоянію англійской судебной практики, то увидимъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ присяжные скоро приходятъ къ единогласному рѣшенію. Въ уголовномъ судопроизводствѣ весьма рѣдки случаи, когда присяжные по нѣскольку разъ возвращаются въ залу совѣщанія. Если въ этихъ случаяхъ присяжные постоянно объявляютъ, что нѣтъ никакой надежды на соглашеніе, то судья распускаетъ присяжныхъ.

Вопросъ о единогласномъ рѣшеніи не перестаетъ занимать англійскую прессу, и служить постояннымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій. Результатъ этихъ изслѣдованій тотъ, что въ уголовныхъ дѣлахъ необходимо единогласное рѣшеніе, хотя для гражданскихъ процессовъ многіе требуютъ другаго порядка рѣшенія. Мы перешли бы за предѣлы настоящей статьи, если бы вздумали привести здѣсь всѣ основанія за и противъ системы единогласнаго рѣшенія, превосходно изложенныя у Беста ⁵⁾. Главное то, что всѣ разсудительные люди въ Англіи считаютъ неразумной всякую попытку введенія системы рѣшенія по большинству голосовъ. Всѣ убѣждены, что уголовный приговоръ только тогда можетъ разсчитывать на полное довѣріе, когда единогласное рѣшеніе устраняетъ всякое сомнѣніе относительно виновности подсудимаго. Между тѣмъ, при системѣ большинства голосовъ общественное мнѣніе всегда болѣе или менѣе допытывается, кто изъ членовъ подастъ голосъ въ пользу, кто — противъ обвиненія. И если на сторонѣ меньшинства окажутся члены, которые по своему уму, опытности и характеру, пользуются большимъ авторитетомъ, то вердиктъ не можетъ разсчитывать на сочувствіе народа. Народъ разсуждаетъ, что если такіе люди сомнѣвались въ винѣ, то значить приговоръ большинства несправедливъ. По новому судебному обычаю, судья распускаетъ присяжныхъ, какъ скоро замѣчаетъ, что попытки достигнуть единогласнаго рѣшенія не удаются ⁶⁾.

III. ХАРАКТЕРИСТИКА ШОТЛАНДСКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

Шотландскій уголовный процессъ въ сущности построенъ на тѣхъ же самыхъ началахъ, на которыхъ основанъ и англійскій. Но, несмотря на то, въ шотландскомъ судопроизводствѣ есть много особенностей, безъ знанія которыхъ невозможна правильная оцѣнка дѣйствій присяжныхъ судовъ въ Шотландіи. Въ другомъ сочиненіи (*Das englische, schottische Strafverfahren*, § 2. стр. 19 и слѣд.) мы показали, что во времена независимости Шотландіи законодательство и судебныя учрежденія развились въ ней до значительной степени, на которой они удержались и послѣ присоединенія этого королевства къ Англіи. Къ числу особенностей шотландскаго суда слѣдуетъ отнести даже то, что въ Шотландіи римское право сдѣлалось обычнымъ и составляетъ предметъ основательнаго изученія въ университетахъ, вслѣдствіе чего правовѣдѣніе имѣетъ тамъ во многихъ отношеніяхъ болѣе прочный характеръ, чѣмъ въ Англіи. Нужно упомянуть также, что философскій умъ и глубокая наблюдательность шотландцевъ проявляются и въ отправленіи правосудія. Сословіе адвокатовъ, тѣсно соединенное между собою и обладающее одною изъ богатѣйшихъ библіотекъ, занимаетъ почетное мѣсто въ государствѣ и пользуется высокимъ уваженіемъ какъ со стороны судей, такъ и со стороны народа.

Шотландское судоустройство существенно отличается отъ англійскаго. Въ Шотландіи нѣтъ мировыхъ судей,—тамъ сохранилось древнее учрежденіе шерифа, который съ одной стороны исполняетъ обязанность слѣдственнаго судьи, а съ другой—вѣдаетъ дѣла о проступкахъ. Нѣкоторыя

изъ этихъ дѣлъ онъ рѣшаетъ самъ, какъ единоличный судья, а другія—съ участіемъ присяжныхъ, въ такъ-называемомъ судѣ шерифа (Sheriffs court). Кромѣ того, дѣла о маловажныхъ нарушеніяхъ (даже о незначительныхъ насиліяхъ) подлежатъ вѣдѣнію мѣстныхъ судей. Для разбора же дѣлъ о тяжкихъ преступленіяхъ существуютъ постоянные суды: высшій судъ (high court of justiciary) въ Единбургѣ, и окружные суды (circuit court of justiciary) въ округахъ. Въ этихъ судахъ дѣла рѣшаются съ участіемъ 15 присяжныхъ. Въ Шотландіи нѣтъ ни института коронера, ни института обвинительнаго джюри, такъ что присяжные призываются только для произнесенія приговора. Но самое важное учрежденіе въ шотландскомъ судопроизводствѣ представляетъ прокуратура. Въ каждомъ округѣ существуетъ такъ-называемый прокуроръ-фискаль (procurator fiscal), избираемый изъ числа адвокатовъ, обязанность котораго состоитъ въ преслѣдованіи преступленій. Эти окружные прокуроры представляютъ акты судебныхъ слѣдствій главному прокурору, такъ-называемому лордъ-адвокату (lord advocate), который распоряжается о дальнѣйшемъ преслѣдованіи преступниковъ. Подробности шотландскаго судопроизводства, его преимущества и недостатки, а также критическое сравненіе шотландскаго суда съ англійскимъ, превосходно изложены въ Edinburgh Review; (1858, october) и въ рѣчахъ опытныхъ шотландскихъ юристовъ-практиковъ, произнесенныхъ на ученомъ конгрессѣ въ Глазгоу ¹⁾.

При оцѣнкѣ дѣйствій присяжныхъ судовъ какой нибудь страны необходимо обращать вниманіе на законодательство и практику уголовнаго судопроизводства этой страны. Въ особенности важенъ въ этомъ отношеніи способъ веденія предварительнаго слѣдствія, потому что только при разумномъ способѣ производства слѣдствій можно рассчитывать на то, что ни одинъ виновный не избѣгнетъ справедливаго наказанія, но что въ то же время и ни одинъ невинный не пострадаетъ отъ несовѣренности судебныхъ учреждений. Что касается шотландскаго предварительнаго слѣдствія, то оно существенно отличается отъ англійскаго. Въ Шотландіи, какъ скоро огласится какое нибудь преступленіе, прокуроръ немедленно, по горячимъ слѣдамъ, начинаетъ судебное преслѣдованіе; даже въ случаяхъ смертоубійства, — когда въ Англіи слѣдствіе производитъ коронеръ съ участіемъ присяжныхъ, — procurator fiscal принимаетъ необходимыя мѣры для раскрытія состава преступленія (zur Erhebung des Thatbestandes). Если прокуроръ находитъ нужнымъ дальнѣйшее преслѣдованіе, то, по его предложенію, назначается тайное судопроизводство, въ которомъ обвиняемый не имѣетъ права избирать себѣ защитника. Во время этого тайнаго производства шерифъ, какъ слѣдственный судья, допрашиваетъ обвиняемаго и свидѣтелей въ присутствіи прокурора, который тоже можетъ предлагать имъ вопросы. Свидѣтели спрашиваются въ отсутствіи обвиняемаго. Судья и прокуроръ стараются выма-

нить у обвиняемаго показанія (declarations), т. е. объясненіе обстоятельствъ дѣла, — приче́мъ, однако́жъ, обвиняемому объявляется, что онъ не обязанъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы. Если procurator fiscal находить, что есть вѣроятность совершенія преступленія и что обвиняемый навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе, то онъ представляетъ слѣдственные акты лордъ-адвокату (lord advocate), который или распоряжается о дальнѣйшихъ мѣрахъ къ раскрытію преступленія, или оставляетъ дѣло безъ послѣдствій, или, наконецъ, вноситъ въ судъ обвиненіе. При выборѣ этого послѣдняго пути лордъ-адвокатъ ничѣмъ не стѣсненъ — онъ не нуждается для этого въ рѣшеніи большаго джюри, какъ въ Англіи, или обвинительной камеры, какъ во Франціи; отъ его воли зависитъ отдать или не отдать обвиняемаго подъ судъ и опредѣлить самый размѣръ обвиненія. Превышеніе власти со стороны прокурора предупреждено тѣмъ, что шотландскій прокуроръ не есть полномочный распорядитель судебного дѣла, если онъ не хочетъ преслѣдовать и предать суду обвиняемаго, то частная сторона, пострадавшая отъ преступленія, можетъ сама начать судебное преслѣдованіе. Совершенно справедливо выразился по этому поводу весьма уважаемый и опытный лордъ-адвокатъ на конгрессѣ въ Глазгоу. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что публичный обвинитель въ деспотическомъ государствѣ опасенъ для свободы народа; но публичный обвинитель, дѣйствующій подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и подъ страхомъ парламентской отвѣтственности, представляетъ, по моему убѣжденію, самое лучшее средство для достиженія цѣлей правосудія». — Авторъ настоящей статьи, на основаніи собранныхъ имъ въ самой Шотландіи свѣдѣній, долженъ сказать, что какъ ни обширна власть шотландскаго прокурора при производствѣ предварительнаго слѣдствія, но контроль, подъ которымъ находятся прокуроры, такъ великъ, что предохраняетъ отъ злоупотребленія власти съ ихъ стороны. Прокуроръ знаетъ очень хорошо, что если онъ поступитъ неправильно или пристрастно, то подвергнется жесто́кимъ напа́дкамъ защитника во время публичнаго производства дѣла и неумолимой критикѣ свободной прессы; онъ знаетъ, что въ важныхъ процессахъ не только судья отзовется неодобрительно о его злоупотребленіяхъ, но и въ парламентѣ его образъ дѣйствій можетъ сдѣлаться предметомъ строгаго порицанія. Шотландскій прокуроръ, который самъ собою передаетъ дѣло на разсмотрѣніе въ ассизахъ, не нуждаясь для этого въ рѣшеніи джюри или обвинительной камеры, пользуется конечно огромной властью, но онъ понимаетъ также, что въ этомъ случаѣ онъ одинъ принимаетъ на себя отвѣтственность предъ судомъ и народомъ за свое обвиненіе, и что въ интересахъ своей репутаціи онъ не долженъ являться пристрастнымъ или неосновательнымъ преслѣдователемъ. Мы, однако́жъ, остановимся здѣсь на отдѣльныхъ сторонахъ шотландскаго предварительнаго слѣдствія, и поль-

*

зуюсь опытомъ самихъ шотландскихъ юристовъ - практиковъ, укажемъ на опасности, которымъ подвергается обвиняемый при производствѣ слѣдствія.

1) Окружные прокуроры назначаются изъ адвокатовъ, которымъ однако же за эту должность не положено постоянного жалованья, а выдается вознагражденіе особо за каждое дѣло, по которому они хлопочуть. Это имѣетъ ту дурную сторону, что прокуроръ легко поддается искушенію и ради полученія гонорарія нерѣдко начинаетъ преслѣдованіе безъ всякой надобности.

2) Весьма опасно право, предоставленное прокурору, присутствовать при всѣхъ допросахъ обвиняемаго и свидѣтелей, и предлагать имъ вопросы, какіе ему заблагоразсудится. Своимъ допрашиваніемъ прокуроръ часто запугиваетъ свидѣтеля или хитрымъ подсказываніемъ наводитъ его на отвѣты, несогласные съ истиной.

3) Относительно способа раскрытія состава преступленія (*Erhebung des Thatbestandes*) господствуетъ большое разногласіе во взглядахъ у самихъ шотландскихъ юристовъ - практиковъ. Лордъ - адвокатъ того мнѣнія, что дѣятельность шерифа, замѣняющаго англійскаго коронера, достаточно возстановляетъ составъ преступленія, и даже лучше возстановляетъ, чѣмъ слѣдствіе коронера, при которомъ преждевременная огласка обстоятельствъ дѣла можетъ повредить самому дѣлу. Другіе практики, напротивъ, полагаютъ, что преступленія вѣрнѣе открываются при помощи коронера, который по всякому показанію о случаѣ неестественной смерти немедленно приступаетъ къ официальному изслѣдованію и заботится о собраніи вещественныхъ доказательствъ, въ особенности о приглашеніи врачей, — между тѣмъ какъ въ Шотландіи прокуроръ иногда довольно поздно узнаетъ о случаѣ неестественной смерти и потому, какъ показываетъ опытъ, самыя важныя обстоятельства, которыя могли бы дать объясненіе, часто остаются нераскрытыми ²⁾. Крайне неодобряютъ также въ Шотландіи и тамошнюю систему доказательствъ посредствомъ экспертовъ.

4) Особеннаго порицанія заслуживаетъ установленіе, по которому во время предварительнаго слѣдствія отбираются такъ-называемыя показанія, т. е. шерифъ допрашиваетъ обвиняемаго, но при этомъ и прокуроръ имѣетъ право предлагать вопросы. Опытные юристы-практики увѣряютъ, что этотъ розыскной процессъ представляетъ много опасности для невиннаго. Предписаніе закона о томъ, чтобъ обвиняемому объявлялось, что онъ не обязанъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы, не достигаетъ цѣли. Хитрый, образованный или знакомый съ ходомъ правосудія подсудимый, конечно, не дастъ никакого отвѣта или расскажетъ искусно придуманное объясненіе, — между тѣмъ, какъ робкій человѣкъ можетъ быть до такой степени запуганъ и спутанъ хитрыми вопросами, что по-

кажетъ ложь, и его отвѣты, если показанія будутъ прочитаны въ засѣданіи суда, легко могутъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе.

5) Указываютъ также на большой вредъ, происходящій отъ недостатка гласности и, слѣдовательно, необходимаго контроля во время шотландскаго предварительнаго слѣдствія. Впрочемъ, нѣкоторые практики считаютъ тайное производство полезнымъ въ томъ отношеніи, что оно дѣлаетъ возможнымъ спокойное изслѣдованіе и раскрытіе даже самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ дѣла, тогда какъ гласность порождаетъ разныя слухи, которые иногда могутъ быть вредны для невиннаго.

Безпристрастіе обязываетъ насъ прибавить, что шотландскіе прокуроры, какъ показываютъ результаты уголовной статистики, не употребляютъ во зло своей обширной власти. Это видно изъ значительнаго числа случаевъ, въ которыхъ прокуроры, по окончаніи предварительнаго слѣдствія, не представили въ судъ никакого обвиненія ³⁾. Упомянемъ также о томъ, что прокуроръ часто обвиняетъ подсудимаго только въ проступкѣ, такъ какъ онъ знаетъ какую бѣду навлекъ бы на себя, еслибы, представивъ болѣе тяжкое обвиненіе, не въ состояніи былъ доказать его.

Въ видахъ справедливой оцѣнки дѣйствій шотландскихъ присяжныхъ, мы должны указать еще на особенности шотландскаго главнаго производства (trial), отличающія его отъ англійскаго процесса.

1) Въ ассизахъ суда high court, рассматривающаго дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ, засѣдаютъ трое судей, и потому вопросы о правѣ рѣшаться по способу коллегіальнаго совѣщанія.

2) Въ Шотландіи составляютъ двоякаго рода списки присяжныхъ: а) списокъ обыкновенныхъ присяжныхъ (common jurors), въ который вносятся всѣ поземельные собственники, имѣющіе не менѣе 5 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, и владѣльцы движимаго имущества цѣною въ 200 фунтовъ; б) списокъ специальныхъ присяжныхъ (special jurors), составленный изъ поземельныхъ собственниковъ, получающихъ 100 фунт. ренты, и лицъ, владѣющихъ движимымъ имуществомъ на сумму 1000 фунтовъ. Присяжный судъ, произносящій приговоръ, состоитъ изъ 15 присяжныхъ (10 обыкновенныхъ и 5 специальныхъ. Билеты съ именами присяжныхъ одновременно вынимаются изъ двухъ урнъ: 2 билета изъ урны обыкновенныхъ присяжныхъ и 1 изъ урны специальныхъ, причемъ въ отношеніи каждаго изъ вынутыхъ именъ допускается отводъ). Такимъ образомъ шотландское джюри представляетъ смѣсь изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ слоямъ общества, и даетъ прекрасный случай для обмѣна мыслей между людьми неодинаковаго образованія.

3) Шотландскій обвинительный актъ (libel) существенно отличается отъ англійскаго своей полнотою, такъ что обвиняемый ясно видитъ въ чемъ его обвиняютъ и на что онъ долженъ направить свою защиту. Впрочемъ, въ своей окончательной формѣ, обвинительный актъ страдаетъ

тяжеловатостью изложенія и еще другимъ, болѣе вреднымъ недостаткомъ, именно тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ слишкомъ много выводовъ. Часто обвинительный актъ содержитъ еще такъ-называемое вспомогательное обвиненіе, для того чтобы присяжные, если они найдутъ одно обвиненіе неосновательнымъ, могли произнести обвинительный приговоръ по другому обвиненію.

4) За четырнадцать дней до открытія судебного засѣданія обвиняемому сообщается списокъ всѣхъ свидѣтелей, экспертовъ, всѣхъ документовъ, которыми обвинитель намѣренъ пользоваться въ засѣданіи.

5) Шотландское судопроизводство представляетъ то преимущество, что въ немъ вошло въ обычай, чтобы каждый обвиняемый имѣлъ защитника. Шотландскіе адвокаты считаютъ своимъ долгомъ защищать обвиняемого, съ другой стороны шерифъ и судья также заботятся о выборѣ защитника.

6) Въ Шотландіи еще болѣе, чѣмъ въ Англіи наблюдается, чтобы прокуроръ и защитникъ пользовались совершенно одинаковыми правами. Все производство располагается такимъ образомъ, чтобы какъ можно болѣе облегчить присяжнымъ ясное пониманіе матеріала ихъ сужденія, и чтобы устранить все, что могло бы ввести присяжныхъ въ заблужденіе. Поэтому шотландскій публичный обвинитель не имѣетъ права, какимъ пользуется англійскій, открывать судебныя пренія вступительною рѣчью (opening the case), потому что посредствомъ этой рѣчи онъ легко можетъ склонить присяжныхъ на сторону извѣстнаго взгляда, подъ влияніемъ котораго они стали бы слушать доказательства. Судебныя пренія въ Шотландіи открываются безъ всякой вступительной рѣчи и начинаются допросомъ свидѣтелей, приглашенныхъ обвинителемъ, выслушиваніемъ другихъ доказательствъ со стороны этого послѣдняго. Обвинитель самъ обязанъ допрашивать своихъ свидѣтелей (впрочемъ шотландскій судья въ большей мѣрѣ, чѣмъ англійскій, предлагаетъ вопросы въ видахъ разъясненія дѣла). Свидѣтели подвергаются перекрестному допросу защитника. По окончаніи доказательствъ обвинителя начинается изложеніе доказательствъ защитника, также безъ всякой предварительной рѣчи. Послѣ того прокуроръ, подобно тому какъ во Франціи, произноситъ рѣчь, въ которой онъ ссылается на доказательства и старается убѣдить присяжныхъ въ справедливости обвиненія. Затѣмъ слѣдуетъ заключительная рѣчь защитника, которому такимъ образомъ принадлежитъ право послѣдняго слова.

7) Одна изъ особенностей шотландскаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что прежде нежели начнется изложеніе доказательствъ, можетъ имѣть мѣсто предварительное преніе по поводу возраженія относительно такъ-называемой relevancy of the libel. Именно это бываетъ, когда защитникъ дѣлаетъ возраженіе, что подлежащее обвиненіе не можетъ быть основаніемъ уголовного процесса, наприм. потому, что дѣйствіе, приписы-

ваемое обвиняемому, по закону не составляет преступления. Если приведено такое возражение, то между прокурором и защитником происходит прение относительно relevancy, послѣ чего судъ рѣшаетъ этотъ предварительный вопросъ. Это установление полезно въ томъ отношеніи, что часто предупреждаетъ бесполезное разбирательство.

8) Вышеназванное установление представляетъ, какъ показываетъ опытъ, еще другую выгоду. Такъ какъ вопросъ о томъ, признаетъ ли обвиняемый себя виновнымъ, предлагается ему уже послѣ разрѣшенія предварительнаго вопроса, то подсудимый имѣетъ болѣе возможности сообразить: слѣдуетъ ли ему считать себя виновнымъ или невиннымъ.

9) Что касается теоріи доказательствъ, то въ сущности шотландская теорія также самая, что и англійская, но въ частности она нѣсколько уклоняется отъ англійской. Во-первыхъ въ Шотландіи показаніе подсудимаго, вынужденное у него во время предварительнаго слѣдствія, очень часто употребляется какъ доказательство вины во время главнаго процесса. Потомъ въ шотландскомъ судопроизводствѣ существуетъ обычай (гораздо рѣже примѣняемый въ Англіи) по которому противъ обвиняемаго можно приводить показаніе умирающаго. Обычай этотъ весьма вреденъ въ томъ отношеніи, что умирающій вообще склоненъ къ преувеличеніямъ въ своемъ обвиненіи, а между тѣмъ показаніе его предубѣждаетъ присяжныхъ противъ подсудимаго. Употребленіе подобнаго рода свидѣтельства тѣмъ менѣе позволительно, что свидѣтеля нельзя подвергнуть перекрестному допросу. Напротивъ, въ шотландскомъ судопроизводствѣ строго соблюдается правило, запрещающее принимать въ смыслъ доказательства вины документы, содержащіе въ себѣ обвиненіе подсудимаго и написанные пострадавшимъ отъ преступления лицомъ, если это лицо не можетъ само явиться въ судъ по той причинѣ, что оно умерло раньше открытія судебного засѣданія. Это правило основано на томъ соображеніи, что подобныя показанія, въ отношеніи которыхъ подсудимый не можетъ употребить перекрестнаго допроса, вредно дѣйствуютъ на убѣжденіе присяжныхъ.

10) Что касается заключительной рѣчи судьи, то мы должны здѣсь повторить тоже самое, что мы сказали, говоря объ англійскомъ судѣ. Заключительная рѣчь дѣйствуетъ благотворно, и къ чести шотландскихъ судей слѣдуетъ замѣтить, что они стараются предостерегать присяжныхъ отъ произнесенія опрометчиваго приговора и указываютъ на всякое, хотя бы самое незначительное, сомнѣніе относительно виновности подсудимаго. Кромѣ того, шотландскій судья въ своей рѣчи болѣе, чѣмъ англійскій, входитъ въ подробности дѣла. Тѣмъ не менѣе многіе процессы обнаруживаютъ и опасныя стороны заключительной рѣчи. Часто судья проходить молчаніемъ многія обстоятельства, говоряція въ пользу подсудимаго, или слишкомъ преувеличиваетъ, хотя и неумышленно, важность какого нибудь обстоятельства, говорящаго въ пользу обвиненія.

11) Въ Шотландіи приговоръ присяжныхъ основывается на большинствѣ голосовъ. Эту систему рѣшенія находятъ неудовлетворительною во многихъ отношеніяхъ, а потому все громче и громче требуютъ введенія системы единогласнаго рѣшенія, которая одна лишь въ состояніи возбудить довѣріе къ произносимымъ приговорамъ.

12) Шотландскіе присяжные имѣютъ право выбирать одну изъ двухъ формулъ оправдательнаго приговора, — они могутъ произнести или *not guilty* (не виновенъ) или *not proven* (не доказано). Оказывается, что въ большинствѣ случаевъ присяжные предпочитаютъ послѣднюю формулу. — Формула *not proven* составляетъ предметъ постоянного спора въ Англіи и Шотландіи. Съ одной стороны признаютъ, что употребленіе этой формы облегчаетъ совѣсть присяжныхъ; что во многихъ случаяхъ, — когда присяжные затрудняются въ рѣшеніи, потому что хотя есть много уликъ противъ подсудимаго, но есть также и сомнѣніе въ винѣ, — эта формула представляетъ выходъ для присяжныхъ, и даетъ болѣе ручательствъ того, что не будетъ осужденъ ни одинъ невинный. Но съ другой стороны все болѣе и болѣе убѣждаются, что формула *not proven* представляетъ какой-то средній двусмысленный приговоръ и заключаетъ въ себѣ непослѣдовательность, потому что если присяжные сомнѣваются въ винѣ, то они должны произнести оправдательный приговоръ. Опытъ показываетъ также, что эта формула часто употребляется во зло. Присяжные, не зная какъ рѣшить, въ отчаяніи прибѣгаютъ къ компромису и при помощи формулы *not proven* находятъ себѣ выходъ изъ затруднительнаго положенія ⁴⁾.

Въ сентябрѣ 1862 г. въ Глазгоу производился весьма замѣчательный процессъ, который какъ нельзя лучше знакомить съ темными сторонами шотландскаго судопроизводства. Одна женщина по имени Мэкъ-Лакланъ (Mac Lachlan) была обвиняема въ убійствѣ нѣкоей Мэкъ-Ферсонъ, совершенномъ 5 іюля 1862 г. Судебныя пренія продолжались четыре дня. Присяжные, послѣ совѣщанія, происходившаго 19 минутъ, единогласно признали подсудимую виновной, и она была приговорена къ смерти. Между тѣмъ, съ самаго начала въ убійствѣ Мэкъ-Ферсонъ подозрѣвался также одинъ старикъ Флемингъ (Fleming), котораго даже арестовали по этой причинѣ. Не смотря на то, Флемингъ не былъ обвиненъ, и явился въ судъ скорѣе въ качествѣ главнаго свидѣтеля противъ Мэкъ-Лакланъ. Едва только осужденіе послѣдней сдѣлалось извѣстнымъ, какъ народъ пришелъ въ сильное волненіе. Собирались митинги, подавались прошенія, вездѣ говорили, что Флемингъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе въ убійствѣ Мэкъ-Ферсонъ. Вслѣдствіе этого министръ распорядился о производствѣ новаго изслѣдованія, и двѣ слѣдственныя коммисіи переспросили множество свидѣтелей. Послѣ того министръ замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ, что возбудило въ народѣ новое волненіе. Партія, обвинявшая Флеминга въ

убійствѣ Мэкъ-Ферсонѣ, была недовольна рѣшеніемъ министра, — она говорила, что если осужденную признали невинной, то несправедливо было бы наказывать ее пожизненнымъ заключеніемъ. Между тѣмъ лица, считавшія приговоръ присяжныхъ правильнымъ, раздражены были тѣмъ, что министр уступилъ народному волненію и смягчилъ наказаніе. Общественное мнѣніе до такой степени возбуждено было противъ Флеминга, что онъ не могъ показаться въ публикѣ, если не желалъ подвергнуться всякаго рода оскорбленіямъ. Журналистика въ Англіи и Шотландіи весьма долго занималась этимъ процессомъ. 25 іюня 1863 г. процессъ Мэкъ-Лакланъ былъ предметомъ преній въ парламентѣ вслѣдствіе предложеніе Стэрлинга (Stirling). Лордъ-адвокатъ доказывалъ въ засѣданіи парламента, что нѣтъ никакихъ основаній начать судебное преслѣдованіе противъ Флеминга. Во время преній сообщено было много свѣдѣній весьма важныхъ для ознакомленія съ шотландскимъ судопроизводствомъ⁵⁾.

Подробный разборъ процесса Мэкъ-Лакланъ показываетъ, что всѣ органы судебной власти допустили въ этомъ дѣлѣ непростительныя ошибки. Прокуроръ, стараясь выманить у обвиняемой показанія и спутать ее хитрыми вопросами, позволялъ себѣ во время предварительнаго слѣдствія такія выходы, которыя ничѣмъ не могутъ быть оправданы. Судья (впрочемъ уважаемый юристъ) ввелъ присяжныхъ на ложный путь односторонностью своей заключительной рѣчи, въ которой онъ не указалъ ни на обстоятельства, говорившія въ пользу подсудимой, ни на важныя сомнѣнія въ дѣйствительности вины. Наконецъ поспѣшность, съ которою присяжные постановили приговоръ, показываетъ, что между ними не было обстоятельнаго совѣщанія, между тѣмъ какъ существовали важныя основанія противъ обвиненія.

IV. ХАРАКТЕРИСТИКА ИРЛАНДСКАГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

Ирландскій судъ присяжныхъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ ту истину, что успѣхъ дѣйствій судовъ присяжныхъ зависитъ преимущественно отъ политическаго, общественнаго и нравственнаго быта данной страны, въ особенности же отъ степени образованія народа. Порядокъ уголовнаго судопроизводства въ Ирландіи тотъ же самый, какъ и въ Англіи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, важными отличіями въ установленіяхъ и въ формахъ судебной практики. Но за то особенности быта Ирландіи оказываютъ огромное вліяніе на тамошнее правосудіе и сообщаютъ ирландскому джюри совершенно своеобразный характеръ. Въ Ирландіи, послѣ присоединенія ея къ Англіи, возникли условія, которыя привели ее, наконецъ, въ самое бѣдственное состояніе. Ирландская національность презиралась. Ирландіи навязаны были чуждые законы, которые часто находились въ прямомъ противорѣчій съ обычаями ирландцевъ. Земля по большей части перешла въ руки англійскихъ фамилій, которыя угнетали ирландцевъ, въ особенности своихъ арендаторовъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ жестокаго произвола управителей имѣній. Высокомѣріе англичанъ, ихъ религіозная нетерпимость къ ирландцамъ, какъ католикамъ, породили въ ирландцахъ непримиримую ненависть къ англичанамъ, въ особенности къ землевладѣльцамъ и ихъ управляющимъ, и вызвали во всей Ирландіи систематическое противодѣйствіе всему англійскому. При этомъ правосознаніе все болѣе и болѣе ослабѣвало въ народѣ. Совершить преступленіе противъ притѣснителя-англичанина считалось чѣмъ-то въ родѣ необходимой обороны, считалось справедливымъ мщеніемъ. Это настроеніе умовъ было тѣмъ опаснѣе, что народное образованіе въ Ирландіи находилось въ пренебреженіи, чему виною было главнымъ образомъ католическое духовенство, которое (по крайней мѣ-

рѣ въ прежнее время) не только что само не заботилось о нравственномъ развитіи народа, но даже нерѣдко изъ религіознаго фанатизма поддерживало отвращеніе ирландцевъ къ школамъ, основаннымъ англійскимъ правительствомъ. При такомъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи возникло огромное число такъ-называемыхъ аграрныхъ преступленій, преступленій изъ-за земли, вызванныхъ притѣсненіями, которымъ подвергались арендаторы. Само собою разумѣется, что оскорбленное національное чувство не оставалось безъ вліянія и на присяжныхъ, которые часто оправдывали преступниковъ безъ всякаго основанія. Зло усилилось, когда въ Ирландіи появился голодъ. Нищета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и озлобленіе противъ англичанъ достигли крайней степени, тѣмъ болѣе, что многіе землевладѣльцы поступали съ неслыханною жестокостью; такъ наприм., въ 1850 г. они прогнали съ арендной земли 75000 арендаторовъ, которые по бѣдности не въ состояніи были внести арендной платы. Аграрныя преступленія увеличились — въ отчаяніи люди прибѣгали не только къ насиліямъ и убійствамъ, но и къ поврежденію собственности, въ особенности къ поджогамъ. Эти преступленія были тѣмъ опаснѣе, что въ Ирландіи образовалось большое число тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью метить англичанамъ и скрывать преступниковъ. Злодѣи были вполне увѣрены въ безнаказанности, такъ какъ народъ всѣми мѣрами препятствовалъ открытію преступниковъ. Если даже и доходило дѣло до суда, то свидѣтели, чтобы спасти преступника, показывали ложно, а присяжные оправдывали подсудимыхъ. Чтобы убѣдиться, какъ губительно дѣйствуетъ дурной политическій и общественный бытъ страны на ходъ правосудія и, слѣдовательно, на нравственность народа — достаточно взглянуть на уголовную статистику Ирландіи за прежніе годы ¹⁾.

Справедливость требуетъ, однакоже, сказать, что бытъ Ирландіи въ послѣднее время значительно улучшился, хотя многія неблагопріятныя условія и продолжаютъ еще существовать. Общественное мнѣніе въ Англіи все съ болѣею силой стало требовать справедливости въ отношеніи Ирландіи, да и правительство англійское приступило къ серьезнымъ и благотѣльнымъ реформамъ въ Ирландіи. Послѣдствіемъ этого было то, что и правосудіе пришло въ болѣе удовлетворительное состояніе. Конечно, главное зло и его причины, въ особенности религіозная вражда и презрѣніе, съ какимъ многіе англичане смотрятъ на ирландскихъ католиковъ, не могли такъ скоро уничтожиться. Между тѣмъ эти причины поддерживаютъ угнетеніе ирландцевъ и ихъ недовѣріе къ Англіи, тѣмъ болѣе, что ирландское духовенство мало старалось о пробужденіи въ народѣ нравственнаго чувства. Тѣмъ не менѣе англійское законодательство, какъ видно изъ парламентскихъ преній, серьезно заботится объ устраненіи причинъ жалкаго положенія ирландцевъ. Въ 1847 г. лордъ Россель объявилъ въ парламентѣ, что англійское правительство намѣре-

но, при помощи коренныхъ мѣръ, создать въ Ирландіи классъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Самой важной законодательной мѣрой въ этомъ отношеніи было освобожденіе поземельной собственности отъ налоговъ и уничтоженіе ограниченій, которымъ подвергалось право раздробленія земли. Съ того времени все болѣе и болѣе увеличивается число свободныхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Къ числу благотѣльныхъ мѣръ слѣдуетъ отнести также эманципацію католиковъ и отмѣну возмутительной церковной десятины, которую ирландскіе католики должны были платить въ пользу англиканскаго духовенства. Желая возбудить болѣе довѣрія къ правосудію, законодательство постановило, чтобы въ верховномъ судѣ Ирландіи, состоящемъ изъ 12 судей, непремѣнно находилось 8 ирландцевъ-католиковъ. Кромѣ того, англійское правительство много сдѣлало для распространенія просвѣщенія въ народѣ — это видно изъ того, что двадцать лѣтъ тому назадъ въ Ирландіи посѣщали школы только 300,000 дѣтей, теперь же число это возросло до 600,000. Наконецъ упомянемъ, что благодаря дѣятельности нѣкоторыхъ благородныхъ личностей, система тюремъ въ Ирландіи до такой степени усовершенствована, что даже въ Англіи она выставляется за образецъ, достойный подражанія. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ оказывается, что число арестантовъ въ ирландскихъ тюрьмахъ постоянно убываетъ, и что число рецидивистовъ также значительно уменьшается. Такъ что генераль-адвокатъ Ирландіи имѣлъ полное право на ученомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Дублинѣ въ 1861 г., похвалиться большими успѣхами ирландскаго судопроизводства и уменьшеніемъ преступленій. Мы, однакоже, крайне ошиблись бы, если бы стали ожидать немедленнаго прекращенія всего стараго зла и устраненія причинъ, порождавшихъ аграрныя преступленія. Народъ не оправляется мгновенно отъ тяжелаго вѣковаго гнета и глубокой деморализаціи. Непокколебимое чувство правды, главное условіе успѣшнаго отправленія правосудія, туго развивается въ народѣ. Кромѣ того, опытъ показываетъ, что въ Ирландіи и суевѣріе оказываетъ еще большое вліяніе на совершеніе преступленій ²⁾.

Хотя ирландское уголовное судопроизводство то же самое, что и англійское, тѣмъ не менѣе оно отличается отъ этого послѣдняго многими важными особенностями. Главная особенность ирландской системы судопроизводства состоитъ въ томъ, что въ Ирландіи существуетъ одинъ правительственный органъ судебной власти, какого нѣтъ въ Англіи. Интересныя свѣдѣнія объ ирландскомъ судоустройствѣ сообщены были генеральнымъ прокуроромъ Нэпиромъ (Napier) въ комисіи, учрежденной для разсмотрѣнія вопроса о публичныхъ обвинителяхъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ Ирландіи существуетъ главный или генеральный прокуроръ, обязанность котораго состоитъ въ преслѣдованіи преступниковъ; что ирландскій народъ питаетъ вообще отвращеніе къ судебному

преслѣдованію преступленій, и потому необходимо назначеніе публичныхъ обвинителей. Генеральный прокуроръ опредѣляетъ окружныхъ прокуроровъ, выбирая въ эту должность адвокатовъ; окружный прокуроръ получаетъ донесеніе полиціи о случившемся происшествіи и, если находитъ нужнымъ, начинаетъ судебное преслѣдованіе. Оказывается, однакоже, что эти окружные прокуроры, получая чрезвычайно скудное жалованье, не покидаютъ своей адвокатской практики, и потому часто исполняютъ свою прокурорскую обязанность небрежно, дѣйствуютъ незаконно или безъ достаточной энергіи, а самое главное — подчиняются вліянію мѣстныхъ обычаевъ и предразсудковъ. Кромѣ того, законъ не опредѣляетъ точнымъ образомъ отношенія прокурора къ должностнымъ лицамъ, производящимъ слѣдствіе, т. е. къ мировому судѣ и коронеру. Генеральный прокуроръ, которому представляются результаты предварительнаго слѣдствія, рѣшаетъ, слѣдуетъ ли передать данный случай на разсмотрѣніе большаго джюри и начать процессъ. По словамъ Нэпира, генеральный прокуроръ долженъ въ особенно важныхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ энергическаго веденія дѣла, самъ принять на себя судебное преслѣдованіе обвиняемаго передъ ассизами. Производство передъ ирландскимъ коронеромъ крайне недостаточно, въ чемъ легко убѣдиться изъ приведеннаго ниже процесса ³).

Что касается суда присяжныхъ, то хотя по закону устройство его совершенно подобно устройству англійскаго джюри, но въ Ирландіи религіозная вражда и взаимное недовѣріе католиковъ и протестантовъ отражаются и на этомъ учрежденіи. Такъ наприм. много жалобъ слышится на то, что шерифъ, обыкновенно протестантъ, при составленіи списковъ присяжныхъ, помѣщаетъ въ списки преимущественно протестантовъ, или вычеркиваетъ изъ списка именъ лицъ, несочувствующихъ видамъ правительственной партіи, которая иногда желаетъ, чтобы подсудимый непременно былъ обвиненъ. Между тѣмъ это обстоятельство поселяетъ въ народѣ убѣжденіе, что подсудимый не можетъ разсчитывать на безпристрастіе суда присяжныхъ, и свидѣтели, чтобы спасти подсудимаго, показываютъ въ судѣ ложно. Предубѣжденіе народа относительно пристрастія судей дѣйствуетъ и на присяжныхъ, если между ними находятся католики, что въ послѣднее время бываетъ гораздо чаще, чѣмъ прежде. Вражда двухъ религій проявляется даже въ примѣненіи права отвода присяжныхъ. Часто случается, что прокуроръ отводитъ изъ числа предложенныхъ присяжныхъ всѣхъ католиковъ. Съ другой стороны и подсудимый нерѣдко, по одному только недовѣрію къ исповѣдующимъ ненавистную ему религію, требуетъ отвода такихъ присяжныхъ, отъ которыхъ можно-бы было ожидать полнѣйшаго безпристрастія. Вліяніе такого порядка вещей замѣтно даже на учрежденіи большаго джюри: во-первыхъ, должностныя лица заботятся, чтобы въ этотъ судъ не попало ни одно лицо, рас-

положенное, по ихъ мнѣнію, въ пользу обвиняемаго; во-вторыхъ, количество обвиненій, отвергаемыхъ большимъ джюри, въ Ирландіи гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ ⁴⁾. Такъ какъ въ ирландскомъ судопроизводствѣ, подобно тому, какъ въ англійскомъ, требуется, чтобы приговоръ основывался на единогласномъ рѣшеніи присяжныхъ, то часто случается, что присяжные не могутъ постановить обвинительнаго вердикта, если въ числѣ ихъ находится хотя одинъ католикъ, потому что католикъ изъ религіозной ненависти къ присяжнымъ-протестантамъ упорно настаиваетъ на невинности подсудимаго. Послѣдствіемъ этого бываетъ то, что нерѣдко подсудимые оправдываются безъ всякаго основанія, или то, что судья по нѣскольку разъ отсылаетъ присяжныхъ, не могущихъ согласиться, для новыхъ совѣщаній и присяжные, утомившись наконецъ продолжительностью совѣщаній, рѣшаютъ какъ попало. Весьма поучителенъ процессъ О'Конелли, производившійся въ 1844 г. При открытіи ассизъ доказано было, что шерифъ съ умысломъ вычеркнулъ изъ списка присяжныхъ 67 лицъ, имѣвшихъ право быть выбранными, въ томъ числѣ 27 католиковъ. Представленное по этому поводу предложеніе объ уничтоженіи списка отвергнуто было судомъ, не смотря на то, что и городской совѣтъ Дублина протестовалъ противъ способа составленія списка. Присяжные объявили О'Конелли виновнымъ. Но вслѣдствіе апелляции его (writ of error), дѣло было рассмотрѣно снова и приговоръ присяжныхъ отмѣненъ по причинѣ многихъ неправильностей, допущенныхъ при производствѣ процесса, въ особенности вслѣдствіе пристрастнаго выбора присяжныхъ. Чтобы познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ ирландскаго присяжнаго судопроизводства, мы приведемъ: во-первыхъ, результаты уголовной статистики за послѣдніе годы ⁵⁾; во-вторыхъ, любопытныя свѣдѣнія изъ отчета комисіи, учрежденной для изслѣдованія вопроса о ссылкѣ, и въ-третьихъ, одинъ уголовный процессъ, который какъ нельзя лучше характеризуетъ состояніе правосудія въ Ирландіи.

Въ 1862 г. при англійскомъ парламентѣ учреждена комисія, которой поручено собрать результаты опытовъ замѣчательнѣйшихъ специалистовъ о системѣ тюремъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, изучить настоящее положеніе правосудія и представить проектъ реформы уголовныхъ наказаній. Одинъ изъ докладовъ этой комисіи служитъ лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ теперешнимъ состояніемъ правосудія и судовъ присяжныхъ въ Ирландіи. Изъ доклада комисіи видно, что число преступленій въ Ирландіи замѣтно увеличилось. Въ 1860 г. число осужденныхъ было 2,979, а въ 1862 г. это число возрасло до 3,796; въ 1860 г. приговоренныхъ къ смерти и къ каторжной работѣ было 304, а въ 1862 г. эта цифра увеличилась до 585. Кромѣ того мы узнаемъ, что въ Ирландіи все еще совершается большое число такъ-называемыхъ аграр-

ныхъ преступленій. Но, судя по отзывамъ людей, близко знакомыхъ съ состояніемъ тюремъ, напр. Крофтона (Crofton) и Уитти (Whitty, нынѣшній главный директоръ тюремъ въ Ирландіи) — осужденные за аграрныя преступленія не принадлежать къ разряду опасныхъ преступниковъ, — такъ, наприм., между ними мало встрѣчается рецидивистовъ. По изслѣдованіямъ комисіи оказывается, что увеличеніе преступленій въ 1862 г. слѣдуетъ отчасти приписать одному случайному обстоятельству. Въ томъ году въ дублинскомъ домѣ для бѣдныхъ было возмущеніе, сопровождавшееся поджогомъ дома; большинство участниковъ возмущенія именно 41 челов., приговорены были къ тяжкимъ уголовнымъ наказаніямъ. Кромѣ того доказано, что упомянутое увеличеніе преступленій зависѣло отъ наступившей въ томъ году необыкновенной дороговизны на всѣ предметы, и что настоящая причина преступленій есть страшная бѣдность жителей. Изъ сообщенныхъ комисіею статистическихъ таблицъ видно, что число бѣдныхъ въ Ирландіи, получающихъ пособіе, которое въ 1859 г. составляло 44,866 челов., въ 1862 г. возрасло до 59,584 челов., а въ январѣ 1863 г. оно простиралось уже до 65,847. Что касается отношенія числа осужденныхъ къ числу оправданныхъ подсудимыхъ, то оказывается, что въ періодъ шести (1857—62) лѣтъ изъ всего числа судившихся объявлено было: виновными 20,000, а невинными 16,000 челов. ⁶⁾.

Чтобы показать ходъ ирландскаго судопроизводства, мы расскажемъ замѣчательный процессъ живописца Керуана (Kerwan), производившійся въ Дублинѣ въ 1852 г. Этотъ Керуанъ двѣнадцать лѣтъ женатъ былъ на одной весьма хорошей женщинѣ, но въ то же время находился въ связи съ нѣкою Кенни, отъ которой онъ имѣлъ восемь человѣкъ дѣтей. Какъ г-жа Керуанъ не знала о невѣрности своего мужа, такъ и Кенни не подозрѣвала, что Керуанъ женатъ. Только за полгода до описываемаго событія г-жа Керуанъ узнала о связи своего мужа, и съ этого времени между супругами часто происходили ссоры. 7 сентября 1852 г. Керуанъ вмѣстѣ съ женой отправился на островъ Ireland eye (глазъ Ирландіи), любимый за его живописное мѣстоположеніе. Перевозившимъ ихъ лодочникамъ, они велѣли явиться за ними въ восемь часовъ. Около двѣнадцати часовъ лодочники перевезли на островъ другихъ лицъ, которыя однакоже въ четыре часа возвратились назадъ. Когда въ восемь часовъ лодочники подплыли къ острову за г. и г-жею Керуанъ, они встрѣтили одного только мужа, который объявилъ имъ, что его жена полтора часа тому назадъ пошла купаться и съ тѣхъ поръ не возвращалась. Стали искать по всему острову, но нигдѣ не нашли г-жи Керуанъ. Только около десяти часовъ, при вторичныхъ поискахъ, нашли трупъ ея въ такомъ мѣстѣ, которое не видно съ пристани. Нагой трупъ лежалъ на одеждѣ, употребляемой при купаньи; голова опускалась въ лму, ноги окружены были водою; на груди и около уха замѣтна была кровь. Лодочники

пошли искать платье г-жи Керуанъ, но нигдѣ не нашли его и сообщили объ этомъ Керуану. Керуанъ самъ отправился съ ними. Во время этого вторичнаго поиска лодочники нашли платье въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ они и прежде искали, но тогда ничего не замѣтили. Тѣло г-жи Керуанъ отвезено было домой. Началось слѣдствіе коронера о причинѣ смерти г-жи Керуанъ. Коронеръ пригласилъ случайно попавшагося студента медицины Гамильтона (Hamilton) произвести освидѣтельствованіе трупа. Студентъ не открылъ никакихъ признаковъ насильственной смерти, — и присяжные коронера произнесли приговоръ, что г-жа Керуанъ утонула во время купанья. Послѣ этого тѣло было погребено и притомъ на самомъ сыромъ мѣстѣ кладбища. Никакого дальнѣйшаго изслѣдованія произведено не было. Но, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, по требованію одного должностнаго лица и на основаніи разныхъ слуховъ, трупъ былъ вырытъ изъ могилы. Оказалось, что въ могилѣ стояла вода на высотѣ двухъ футовъ, и тѣло г-жи Керуанъ находилось въ такомъ состояніи, что невозможно было узнать точнымъ образомъ причину смерти. Не смотря на то одинъ довольно искусный врачъ вскрылъ трупъ; обвинительное джюри приняло, что смерть послѣдовала отъ убійства и объявило, что обвиненіе противъ Керуана можетъ быть допущено.

10 декабря 1852 г. начался процессъ передъ дублинскимъ ассизнымъ судомъ. Адвокатовъ было восемь: четыре со стороны обвинителя и четыре со стороны подсудимаго. Изъ 48 присяжныхъ, явившихся въ судъ, подсудимый отвелъ тронхъ, а прокуроръ девятыхъ. Мы выберемъ изъ судебныхъ преній только тѣ обстоятельства, которыя необходимы, чтобы показать ходъ производства въ этомъ процессѣ. Лодочники на допросѣ сказали, что когда они прибыли въ восемь часовъ на островъ, то не встрѣтили тамъ г-жи Керуанъ; что при вторичномъ поискѣ они нашли трупъ ея въ вышеописанномъ положеніи и при этомъ замѣтили, что на одномъ глазу были поврежденія, что на лицѣ, въ особенности на глазу, были царапины, и что изъ уха, груди и изъ другихъ частей тѣла текла кровь. Кромѣ того, свидѣтели показали, что вечеромъ на островѣ никого не было, кромѣ Керуана. Свидѣтели утверждали, что въ семь часовъ вечера они слышали крикъ о помощи. По словамъ свидѣтелей, видѣвшихъ трупъ послѣ того, какъ его привезли въ домъ, лицо было покрыто кровью. Керуанъ настаивалъ, чтобы тѣло обмѣли, хотя свидѣтели и замѣтили ему, что нужно обождать, пока прибудетъ полиція. Доказано, что на Керуанѣ брюки, сапоги и носки были совершенно мокрые. Студентъ Гамильтонъ самъ сознался, что онъ произвелъ только поверхностное освидѣтельствованіе трупа, сознался, что онъ небрежно исполнилъ свою обязанность, и прибавилъ, что онъ замѣтилъ только ссадины на вискѣ и на глазу. Изъ показанія врача, производившаго вторичное освидѣтельствованіе трупа, видно, что на глазу, затылкѣ и пра-

вой рукѣ покойницы были царапины, что на одномъ ухѣ замѣтна была ссадина, а на рукѣ — синія пятна. Этотъ врачъ объявилъ въ судѣ, что смерть покойницы, по его мнѣнію, послѣдовала отъ сжатія горла и наступившаго затѣмъ мгновенно прекращенія дыханія; что найденныя на тѣлѣ признаки необъяснимы, если допустить, что покойница сама утонула. Со стороны защитника спрошены были два врача. По ихъ показанію, замѣченные на тѣлѣ признаки могутъ быть объяснены удушеніемъ, происшедшимъ вѣроятно отъ эпилепсіи, которая особенно легко можетъ случиться, если человѣкъ съ наполненнымъ желудкомъ погружается въ холодную воду. По свидѣтельству третьяго врача, Адамса (Adams), изъ того обстоятельства, что на тѣлѣ найдены приливы крови (congestions), нельзя сдѣлать никакого вывода. Адамсъ сказалъ, что если обвязать около рта и носа мокрый платокъ, то можно произвести всѣ тѣ явленія. Онъ не помнитъ ни одного такого факта, чтобы у человѣка, случайно утонувшаго, текла кровь изъ ушей. Если бы покойница была утоплена насильственно, то у рта ея должно бы скопиться болѣе иѣны.

Судья въ своей заключительной рѣчи предостерегалъ присяжныхъ не обращать слишкомъ большаго вниманія на дурной характеръ и образъ жизни подсудимаго, и прибавилъ, что даже трудно допустить, чтобы подсудимый имѣлъ какую-нибудь побудительную причину къ убійству своей жены. Потомъ судья подробно разбиралъ показанія врачей и пришелъ къ тому заключенію, что мнѣніе врача со стороны обвинителя въ сущности согласно съ мнѣніями врачей со стороны защитника. Наконецъ судья объявилъ присяжнымъ, что они должны обсудить слѣдующіе вопросы: могла-ли г-жа Керуанъ, которая хорошо плавала, утонуть въ водѣ или внѣ воды, на томъ мѣстѣ, гдѣ ее нашли; а также можно-ли допустить, что съ г-жей Керуанъ внезапно случился болѣзненный припадокъ и что она очутилась на томъ мѣстѣ, гдѣ была отыскана? Въ семь часовъ присяжные удалились въ залу совѣщанія. Въ восемь часовъ судья вызвалъ ихъ; но многіе изъ присяжныхъ тотчасъ же объявили, что нѣтъ ни малѣйшей надежды достигнуть единогласнаго рѣшенія. Судья сказалъ имъ, что къ одиннадцатому часу онъ прійдетъ опять. Но и въ одиннадцать часовъ присяжные по прежнему отвѣтили, что они, по всей вѣроятности, не придутъ къ соглашенію. Судья объявилъ, что они въ такомъ случаѣ должны будутъ провести вмѣстѣ всю ночь. Тогда одинъ присяжный выразилъ желаніе, чтобы докторъ Адамсъ еще разъ повторилъ свое мнѣніе. На это судья отвѣтилъ, что у него нѣтъ съ собой письменныхъ замѣтокъ, которыя онъ дѣлалъ во время судебныхъ преній, но что онъ готовъ сообщить имъ свѣдѣнія, какія имъ нѣжно. Когда присяжные попросили его объ этомъ, судья сказалъ, что по мнѣнію Адамса, найденныя на трупѣ признаки одинаково хорошо объясняются, допустить ли, что покойница утонула случайно, или допустить, что она умерла отъ

посторонняго насилія. Послѣ того присяжные пожелали, чтобъ имъ да-но было еще нѣкоторое время для совѣщанія. Спустя нѣкоторое время старшина присяжныхъ объявилъ судѣ, что есть нѣкоторая надежда на соглашеніе; присяжные снова удалились въ залу совѣщанія. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ присяжные наконецъ объявили, что они согласились между собою и признали Керуана виновнымъ. Вслѣдствіе этого Керуанъ приговоренъ былъ къ смертной казни.

Множество неправильностей, допущенныхъ въ приведенномъ судебномъ случаѣ, очевидны сами собою. Нельзя не возмутиться при видѣ того, какъ нелѣпо велось слѣдствіе коронера. Неопытный студентъ произвелъ поверхностное освидѣтельствоваіе трупа; присяжные коронера, основываясь на этомъ освидѣтельствovanіи, рѣшили, что покойница утонула во время купанья. На томъ и покончилось все предварительное слѣдствіе. Само собою разумѣется, что анатомированіе трупа, пролежавшаго два мѣсяца въ наполненной водою могилѣ, не могло повести ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Ни прокуроръ, ни мировой судья не исполнили своей обязанности — они не раскрыли слѣдствіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя одни могли бы дать вѣрную основу для рѣшенія.

При разумномъ способѣ судопроизводства въ настоящемъ процессѣ слѣдовало бы прежде всего позаботиться о возстановленіи состава преступленія. Нужно было изслѣдовать: произошла ли смерть отъ того, что г-жа Керуанъ утонула во время купанья (или потому, что она не умѣла хорошо плавать, или потому, что съ ней внезапно случился болѣзненный припадокъ); или смерть послѣдовала отъ убійства постороннимъ лицомъ, которое, пользуясь удобнымъ случаемъ, когда г-жа Керуанъ купалась, умертвило ее (или задушило, или удавилъ). Необходимо было самымъ тщательнымъ образомъ освидѣтельствовать всѣ признаки на трупѣ. Между тѣмъ безразсудное слѣдствіе коронера уничтожило всякую возможность подобнаго освидѣтельствovanія. Съ другой стороны и все производство передъ ассизами страдаетъ важными недостатками. Мнѣнія экспертовъ отличались крайнею неосновательностью; лица участвовавшія въ процессѣ — обвинитель, защитникъ и судья — не имѣли ни малѣйшаго понятія о трудностяхъ настоящаго случая и не сознавали ясно, на какіе именно пункты слѣдуетъ обратить главное вниманіе. Поведеніе судьи заслуживаетъ сильнаго порицанія. Онъ легко могъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе своими вопросами, съ которыми онъ обращался къ врачамъ, своими замѣчаніями во время преній, и наконецъ своимъ мнѣніемъ о составѣ преступленія, высказаннымъ въ заключительной рѣчи. Кромѣ того, судья обнаружилъ пристрастіе, не исполнивши просьбы одного присяжнаго, который желалъ, чтобы врачъ Адамсъ еще разъ былъ спрошенъ. То обстоятельство, что присяжные долго не могли

согласиться между собою, доказываетъ, что между ними было существенное различіе мнѣній, и что единогласное рѣшеніе, къ которому они наконецъ пришли, слѣдуетъ считать собственно только послѣдствіемъ утомленія и нѣкотораго рода устрашенія. Между тѣмъ судья обязанъ былъ объяснить присяжнымъ, что въ настоящемъ дѣлѣ составъ преступленія не возстановленъ, и что вслѣдствіе этого нельзя обвинить подсудимаго на основаніи однихъ только предположеній.

У. ДѢЙСТВІЯ И ХАРАКТЕРЪ СУДОВЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Американскій судъ присяжныхъ представляетъ новое подтвержденіе истины, что характеръ этого учрежденія находится въ тѣсной связи съ нравственнымъ и социальнымъ бытомъ народа. Хотя въ Америкѣ главнымъ образомъ существуетъ англійское уголовное судопроизводство, основанное на обычномъ правѣ, однако здѣсь значительно измѣнились и уголовное правосудіе и весь характеръ суда присяжныхъ. Учрежденіями Сѣверной Америки узаконены многія установленія и многія гарантіи, которыя въ Англіи только по преданію приняты въ судебной практикѣ. Съ другой стороны политическій бытъ Сѣверной Америки представляетъ многія важныя особенности въ уголовномъ судопроизводствѣ и вообще въ характерѣ суда присяжныхъ. Преимущественное же вліяніе имѣетъ идея равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, именно, на составленіе списка присяжныхъ и на весь составъ суда. Хотя въ социальной жизни Сѣверной Америки деньги и играютъ большую роль, однако демократическія начала страны не позволяютъ, чтобы право выбора въ присяжные, подобно тому какъ въ Англіи, находилось въ зависимости отъ владѣнія опредѣленнымъ имуществомъ, а потому и отъ количества налоговъ. Изъ этого слѣдуетъ, что американское законодательство (впрочемъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ выборъ въ присяжные ограничивается лицами, платящими извѣстную, обыкновенно весьма незначительную подать) относительно состава суда присяжныхъ должно имѣть иныя основанія, чѣмъ законодательства Англіи и другихъ государствъ Европы. Большое вліяніе имѣетъ и сѣверо-американскій взглядъ на положеніе чиновниковъ.

Сѣверная Америка не можетъ имѣть полицейскихъ учреждений съ такими правами, какъ въ Англіи; имъ вообще предоставлена власть не болѣе какъ на столько, на сколько необходимо для преслѣдованія преступленій, вслѣдствіе чего полицейскимъ чиновникамъ часто нельзя бываетъ выказать необходимой энергіи. Этотъ взглядъ становится особенно важенъ по отношенію къ суду присяжныхъ. Такъ какъ въ Америкѣ право составлять списки присяжныхъ не предоставляется, какъ въ Англіи, шерифу, то является необходимость въ другихъ мѣрахъ для обезпеченія выбора. Относительно положенія чиновниковъ важно въ Сѣверной Америкѣ постановленіе, по которому они, а во многихъ штатахъ и судьи, избираются народомъ; это часто имѣетъ невыгодныя послѣдствія въ томъ отношеніи, что судьи не имѣютъ необходимой независимости; они, боясь преслѣдованій, стѣсняются народными предразсудками и пристрастіемъ партій. Вслѣдствіе республиканскаго характера сѣверо-американскихъ учреждений, вездѣ, болѣе или менѣе, является ожесточенная борьба партій, причемъ лукавое, сильное большинство часто слишкомъ жестоко обращается съ приверженцами противной партіи. Послѣдняя война Юга съ Сѣверомъ служить примѣромъ того, до какого страшнаго ожесточенія доходятъ въ Америкѣ враждебныя партіи. Понятно, что это дѣйствуетъ и на характеръ суда присяжныхъ. Мы ниже покажемъ, какъ этимъ объясняются два явленія въ Америкѣ, именно, пристрастный отводъ присяжныхъ и частые случаи, когда приговоръ вовсе не можетъ состояться за разногласіемъ присяжныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ. Причина этихъ явленій заключается не въ одномъ лишь различіи политическихъ убѣжденій ¹⁾.

Нѣтъ страны, въ которой, какъ въ Сѣверной Америкѣ, предразсудки и извѣстныя убѣжденія имѣли бы такое опасное вліяніе. Вспомнимъ о громадной разницѣ во взглядахъ на рабство. Горе тому, кто въ штатѣ или приходѣ, гдѣ большинство отстаиваетъ рабство, вздумаетъ нападать на него словесно или письменно! Онъ можетъ быть увѣренъ, что въ случаѣ суда надъ нимъ, наприм., если вслѣдствіе высказанныхъ имъ убѣжденій произойдетъ возстаніе или насиліе, — присяжные, принадлежащіе къ партіи отстаивающей рабство, безъ всякаго снисхожденія обвинять его. вмѣстѣ съ тѣмъ Америка страна религіозныхъ сектъ. Представители одной религіозной партіи считаютъ долгомъ при всякомъ удобномъ случаѣ противодѣйствовать иновѣрцамъ; такъ что при производствѣ дѣла присяжные подъ вліяніемъ духа своей секты непременно обвинять подсудимаго, принадлежащаго къ другой партіи и на оборотъ, навѣрно оправдаютъ его, если онъ членъ ихъ партіи ²⁾. На судопроизводство и на характеръ суда присяжныхъ, кромѣ того, имѣетъ въ Америкѣ большое вліяніе разнородность населенія отдѣльныхъ штатовъ. Лучшій судъ присяжныхъ встрѣчается въ тѣхъ штатахъ, гдѣ большинство составляетъ англо-пор-

манское населеніе и гдѣ существенно сохраняется англійская твердость характера и англійское уваженіе къ законамъ, а потому въ штатахъ, причисляемыхъ къ Новой Англіи. Судъ присяжныхъ въ этихъ штатахъ, наприм. въ Массачузетсѣ, Коннектикутѣ, Огайо, имѣетъ гораздо большую силу репрессивности; тамъ, между прочимъ, менѣе случаевъ разногласія присяжныхъ, чѣмъ въ другихъ штатахъ, населеніе которыхъ смѣшанное. На западѣ, гдѣ живетъ много переселенцевъ изъ Ирландіи, присяжные гораздо болѣе находятся подъ вліяніемъ духа партій и не имѣютъ тѣхъ достоинствъ, которыми отличается англійское населеніе. Тамъ, гдѣ преобладаетъ нѣмецкое населеніе, хорошія стороны нѣмецкаго характера обнаруживаются и въ судѣ присяжныхъ, но, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, нѣмцы нерѣдко жалуются на пристрастіе присяжныхъ, принадлежащихъ другой націи. Хотя въ Сѣверной Америкѣ, какъ мы уже замѣтили, уголовное судопроизводство основывается на англійскомъ обычномъ правѣ, но оно большею частію преобразилось подъ вліяніемъ политическихъ и социальныхъ условій страны. Судебная практика въ различныхъ штатахъ различна, такъ какъ каждый штатъ имѣетъ судопроизводство вполне независимое, то судьи связаны общими правилами, выходящими изъ одного центра, и нѣтъ того судебного единства, какое происходитъ въ Англіи вслѣдствіе того, что постоянные президенты ассизовъ въ графствахъ вмѣстѣ съ тѣмъ члены высшаго суда. Есть нѣсколько сочиненій, которые могутъ служить для знакомства съ судопроизводствомъ и его недостатками въ различныхъ штатахъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ, составленный знаменитымъ юристомъ Ливингстономъ, проектъ устава уголовного судопроизводства для Луизианы; въ приложеніи къ проекту прекрасно изложены результаты опыта и основанія различныхъ законоположеній. Проектъ этотъ послужилъ основою для всѣхъ позднѣйшихъ уставовъ уголовного судопроизводства; въ немъ чрезвычайно подробно изложенъ весь ходъ уголовного процесса. Изъ новѣйшихъ уставовъ заслуживаютъ вниманія уставы Нью-Йорка, Коннектикута, Виргиніи, Массачузетса и Пенсильваніи. Съ недостатками американскихъ судебныхъ учреждений, сознаваемыми въ самой Америкѣ, и съ проектами реформы лучше всего знакомятъ совѣщанія, происходившія въ Массачузетсѣ по поводу пересмотра конституціи 1853 г., такъ какъ въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе превосходные юристы. Для полнаго знакомства со всѣми подробностями законодательства и уголовного судопроизводства весьма важно сочиненіе Уартона (*A Treatise on the Criminal Law of the United States comprising a general view of the criminal jurisprudence. By Francys Wharton*). Прекрасный разборъ важнѣйшихъ вопросовъ уголовного судопроизводства и характера сѣверо-американскаго джюри представляютъ сочиненія Бориля (*A Treatise on the nature, principles and rules of circumstantial evidence. By Burill*) и Бишона (*Commentares on the criminal law*).

By Bishop). Огромное значеніе суда присяжныхъ, понятіе о немъ, выработанное въ Сѣверной Америкѣ и связь его съ политическимъ и нравственнымъ состояніемъ страны превосходно объяснены въ сочиненіяхъ Либера (Manuel of political ethics. By Lieber) и Токвиля (De la démocratie en Amérique). Главнымъ образомъ мы намѣрены обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности сѣверо-американскаго законодательства и судопроизводства, особенности, важныя для вѣрной оцѣнки сѣверо-американскаго суда присяжныхъ ³⁾.

1) Относительно состава суда законодательство американское имѣетъ въ виду распространить по возможности на большее число лицъ право быть выбраннымъ въ присяжные, предоставляя его всѣмъ платящимъ какой нибудь налогъ. Списки присяжныхъ составляются или извѣстными, особо избранными для того лицами, такъ — называемыми *Select men*, или совѣтомъ общины и въ такомъ случаѣ изъ первоначальныхъ списковъ (*Urliste*) по жребію составляются списки очередные. Законы находятъ нужнымъ опредѣлить нравственные качества, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при выборѣ присяжныхъ. Интересно знать, какіе недостатки американскіе писатели находятъ въ тамошнихъ присяжныхъ. Либеръ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о гражданской свободѣ (*On civil liberty*), въ замѣткѣ о недостаткахъ американскаго джюри, обращаетъ главное вниманіе на то зло, что нерѣдко выбираютъ въ присяжные безхарактерныхъ, праздныхъ людей, часто встрѣчаемыхъ въ большихъ городахъ, что за-частую и судьи слишкомъ снисходительны къ присяжнымъ, дурно исполняющимъ свою обязанность.

2) Важное отступленіе отъ англійскаго уголовного судопроизводства заключается здѣсь въ томъ, что является званіе прокурора. Конечно, мы впадемъ въ страшную ошибку, если предположимъ, что американскій прокуроръ тоже, что французскій, но какъ бы то ни было въ Америкѣ въ каждомъ штатѣ есть генераль-прокуроръ, который въ важныхъ случаяхъ ведетъ обвиненіе въ ассизѣ. Въ обыкновенныхъ же уголовныхъ дѣлахъ участвуетъ окружной прокуроръ. Дѣятельность послѣдняго заключается въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ слѣдователемъ опредѣляетъ лучший способъ веденія предварительнаго слѣдствія, входитъ въ сношеніе съ полиціей, присутствуетъ при допросахъ на слѣдствіи (не имѣя впрочемъ права спрашивать обвиняемыхъ), въ качествѣ совѣтника въ законахъ находится при засѣданіяхъ большаго джюри и возбуждаетъ и ведетъ дѣло въ ассизѣ.

3) Въ американскомъ законодательствѣ встрѣчается также производство коронера; но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что онъ имѣетъ гораздо менѣе права вмѣшательства, чѣмъ въ Англии. Въ законахъ нѣкоторыхъ штатовъ весьма подробно показано производство коронера. Приговоръ присяжныхъ коронера не имѣетъ здѣсь той силы, какъ въ Англии, гдѣ вслѣдствіе его обвиняемый можетъ быть преданъ публичному суду. Въ Сѣвер-

ной Америкѣ приговоръ этотъ сообщается состоящему при судѣ чиновнику, который представляетъ дѣло въ большое джюри. Недостатки производства коронера въ сѣмрной Америкѣ, по свидѣтельству практиковъ, заключаются только въ томъ, что слишкомъ легкомысленно выбираются его присяжные, и что неудовлетворительное состояніе медицины въ Америкѣ причиной того, что нерѣдко, хотя коронеръ приглашаетъ лучшаго ближайшаго врача, отъ него получаются весьма поверхностныя мнѣнія.

4) Сѣверо-американское законодательство даетъ ту гарантію, что процессъ можетъ быть начатъ не иначе, какъ по опредѣленію большаго джюри. Это составляетъ значительное улучшеніе въ Америкѣ сравнительно съ англійскимъ порядкомъ, такъ какъ предъ этимъ судомъ можетъ явиться обвиняемый, дать объясненія и подвергнуть свидѣтелей перекрестному допросу; можетъ, сверхъ того, привести свидѣтелей съ своей стороны (*Entlassungszeugen*); при засѣданіяхъ этого джири присутствуетъ и прокуроръ (покрайней мѣрѣ по уставамъ многихъ штатовъ), который высказываетъ свое мнѣніе относительно юридической стороны дѣла ⁴⁾.

5) Самая рѣзкая особенность американскаго уголовного процесса сравнительно съ судопроизводствомъ другихъ государствъ обнаруживается при отводѣ присяжныхъ, особенность, которую надо приписать сѣверо-американскому принципу неограниченной свободы. Чтобы устранить каждаго, противъ кого есть малѣйшее подозрѣніе въ пристрастіи, даетъ право не только отвергнуть весь списокъ, когда недобросовѣстное составленіе его окажется правдоподобнымъ, но и удалить всякаго, противъ кого будутъ ясныя основанія для подозрѣнія; сверхъ того, значительное число присяжныхъ (различное смотря по уставамъ) можно устранить не объявляя причины. Между прочимъ, въ Америкѣ присяжный можетъ быть устраненъ и въ такомъ случаѣ, когда при разспросѣ окажется, что онъ составилъ уже мнѣніе о дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, или принадлежитъ къ сектѣ массоновъ. Вслѣдствіе увеличивающагося числа противниковъ смертной казни, спрашиваютъ каждаго присяжнаго, при обвиненіи подсудимаго въ преступленіи, за которое слѣдуетъ смертная казнь, не имѣетъ-ли онъ сомнѣній относительно смертной казни; при утвердительномъ отвѣтѣ присяжный устраняется. Двусмысленность этого вопроса подготавливаетъ слишкомъ ненадежный выводъ изъ отвѣта и доставляетъ только хитрымъ адвокатамъ возможность удалить, по ихъ усмотрѣнію, присяжныхъ вполне добросовѣстныхъ, а съ другой стороны даетъ средства избавиться отъ должности присяжнаго тому, кто пожелаетъ этого. Для поясненія приведемъ недавній случай изъ дѣла Гондингтона (*Hundington*), обвиненнаго въ подлогѣ документовъ. Адвокатъ спросилъ каждаго присяжнаго не читалъ ли онъ въ газетахъ объ этомъ случаѣ, не читалъ ли обвиненія, не вѣрить ли въ справедливость его, не составилъ ли уже мнѣнія о виновности подсудимаго. Кто прямо отвѣчалъ, что дѣйствительно составилъ

уже мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, тотъ сейчасъ же удалялся. Но нѣкоторые отвѣчали обвиняками, что давало возможность однихъ устранить, другихъ, давшихъ совершенно сходный отвѣтъ, оставить ⁵⁾).

6) Судопроизводство въ американскихъ ассизахъ отличается тѣми же достоинствами и простотою, какія свойственны англійскому производству, но въ Америкѣ еще болѣе, чѣмъ въ Англіи, выказано заботы, чтобы каждый подсудимый имѣлъ своего защитника. Отступленіе отъ англійскаго производства, какъ мы уже замѣтили, заключается въ томъ, что обвиненіе вносить прокуроръ. Основы англійской теоріи доказательствъ прилагаются и въ Америкѣ, но, по уставамъ отдѣльныхъ штатовъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ англійской практики. Вездѣ принять новый англійскій взглядъ, что никто (ни даже лицо, которое само заинтересовано въ дѣлѣ, или которое само совершило какое либо преступленіе) не можетъ быть исключенъ изъ свидѣтелей, но джюри должно разсмотрѣть, на сколько слѣдуетъ довѣрять извѣстному свидѣтелю. Въ невольничьихъ штатахъ существуетъ возмутительное постановленіе, что невольникъ не можетъ быть свидѣтелемъ противъ бѣлаго. Отводъ по причинѣ отсутствія религіозныхъ убѣжденій еще существуетъ въ нѣкоторыхъ штатахъ, но въ новѣйшихъ уставахъ уничтожается. Горячо защищаемое въ новѣйшее время въ Англіи мнѣніе, что обвиняемый въ качествѣ свидѣтеля можетъ дать показанія во время производства, но въ такомъ случаѣ долженъ подвергнуться перекрестному допросу, нашло много поборниковъ и въ Америкѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для доказательства преступленія необходимо содѣйствіе врачей, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется мнѣніе экспертовъ относительно вѣроятности, — въ Америкѣ, преимущественно въ важныхъ дѣлахъ и въ большихъ городахъ, какъ обвинитель, такъ и защитникъ, приглашаютъ въ засѣданіе суда самыхъ искусныхъ врачей и экспертовъ. Вслѣдствіе этого устраняется всякая односторонность въ производствѣ и трудъ присяжныхъ значительно облегчается ⁶⁾).

7) Большое облегченіе для присяжныхъ представляетъ въ Америкѣ и заключительная рѣчь (charge) судьи, въ которой онъ обращаетъ вниманіе присяжныхъ на обстоятельство, подлежащее ихъ оцѣнкѣ; указываетъ и подробно объясняетъ законы, относящіеся къ данному случаю; предостерегаетъ ихъ отъ ошибки, въ особенности, когда существуютъ косвенныя улики, излагая требованія, которыя должны быть соблюдены при обвиненіи подсудимаго на основаніи уликъ (Indicien).

8) Большое вліяніе на правосудіе оказываетъ характеръ американскаго законодательства, въ которомъ установлены различныя оттѣнки въ степеняхъ наказанія, смотря по тому, умыленно или нѣтъ совершено преступленіе. Не менѣе важно и то обстоятельство, что присяжные находя подсудимаго виновнымъ не въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ обвиняется, но въ другомъ, заключающемся въ этомъ обвиненіи (наприм.,

вмѣсто грабежа въ воровствѣ), имѣютъ право указать на это въ своемъ приговорѣ и тѣмъ успокоить свою совѣсть.

9) Въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается право присяжныхъ обсуждать при вопросѣ о виновности и юридическіе вопросы, относящіеся къ дѣлу, даже вопреки указаніямъ, сдѣланнымъ судьей ⁷⁾.

10) Для дѣйствительности приговора, требуется единогласіе, признанное средствомъ для обезпеченія справедливости рѣшенія. Ниже мы покажемъ, что нерѣдко бываетъ разногласіе присяжныхъ и вслѣдствіе того является препятствіе къ наказанію виновнаго; но все болѣе и болѣе принимается мнѣніе Ливингстона, что, въ случаѣ разногласія присяжныхъ, судья еще разъ долженъ привести имъ существующія доказательства, объяснить юридическую сторону вопроса и отослать ихъ для новаго совѣщанія, если же они и послѣ того возвратятся не согласившись, то долженъ распустить ихъ, исключая тотъ случай, когда они сами пожелаютъ, чтобъ имъ дано было еще нѣкоторое время для совѣщанія.

11) Существуютъ различныя мнѣнія относительно вопроса, могутъ ли присяжные освободить отъ суда въ томъ случаѣ, когда они, хотя признаютъ подсудимаго виновнымъ, но находятъ что или вообще законъ опредѣляетъ слишкомъ строгое наказаніе за совершенное преступленіе, или наказаніе это оказывается слишкомъ строгимъ только въ данномъ случаѣ. Изъ опыта видно, что въ такихъ случаяхъ, не смотря на противорѣчіе со стороны юристовъ, или присяжные освобождаютъ подсудимаго или приговоръ не можетъ состояться за разногласіемъ.

12) Въ противоположность законодательствамъ другихъ государствъ, въ которыхъ существуютъ судъ присяжныхъ, въ Америкѣ законъ даетъ возможность отмѣнить несправедливый приговоръ посредствомъ такъ-называемаго *new trial* (новое производство). — Имѣя цѣлью показать характеръ суда присяжныхъ въ Америкѣ, необходимо замѣтить, что *new trial* можетъ состояться не только тогда, когда приговоръ сдѣланъ очевидно противъ существующихъ доказательствъ (*evidence*) но и вслѣдствіе такого поведенія присяжныхъ, которое возбуждаетъ сомнѣніе въ справедливости приговора, такъ наприм., когда они своевольно оставляли залу совѣщанія, говорили съ посторонними лицами или получали отъ нихъ какія либо свѣдѣнія, а также, если будетъ доказано, что одинъ изъ присяжныхъ согласился на обвинительный приговоръ вслѣдствіе незаконныхъ увѣщаній и принужденія со стороны другихъ присяжныхъ ⁸⁾.

II.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ

ВО ФРАНЦИИ И БЕЛЬГИИ,

а равно разборъ замѣчательнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ новѣйшаго времени,
въ связи съ изложеніемъ успѣховъ

ПСИХИАТРИИ И СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ.

VI. СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ВО ФРАНЦІИ.

ОСОБЕННОСТИ ЕГО, ЗАВИСЯЩІЯ ОТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ХОДА РАЗВИТІЯ.

Англійскій судъ присяжныхъ, существующій уже нѣсколько столѣтій, представляетъ учрежденіе, тѣсно связанное съ конституціонной жизнью Англіи, учрежденіе воплѣ народное, окрѣпившее среди вѣковой борьбы народа съ правительствомъ. Англійскіе присяжные рѣшаютъ, въ качествѣ судей, гражданскія и уголовныя дѣла, основывая свои рѣшенія на доказательствахъ, причемъ совокупная дѣятельность присяжныхъ и коронныхъ судей, изъ которыхъ какъ тѣ, такъ и другіе руководятся общимъ правосознаніемъ народа, служитъ общимъ обезпеченіемъ справедливости приговора.

Совершенно иной характеръ имѣетъ судъ присяжныхъ во Франціи ¹⁾. При введеніи его, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, онъ былъ учрежденіемъ чуждымъ какъ французскому народу, такъ и французской магистратурѣ. Онъ явился подражаніемъ англійскаго джюри, но не былъ правильно понятъ ни тѣми, которые хлопотали о введеніи его, ни народомъ, изъ среды котораго должны были выбираться присяжные. На него смотрѣли преимущественно съ политической точки зрѣнія, видя въ немъ гарантію свободы гражданъ. Французскій судъ присяжныхъ возникъ подъ вліяніемъ мысли, что теорія законныхъ доказательствъ, въ томъ видѣ, какъ она выработалась во Франціи, ведетъ къ неисчислимому вреду, и что самое лучшее средство помочь бѣдѣ — изгнать всякія правила о судебныхъ доказательствахъ и основаніяхъ рѣшенія и постановить, чтобы на будущее время приговоръ основывался только на внутреннемъ убѣжденіи судей. Но такая система суда требовала введенія народныхъ судей, подобно тому какъ въ Англіи; вслѣдствіе всеобщаго недовѣрія къ официаль-

нымъ судьямъ, зависящимъ отъ правительства, имъ не хотѣли предоставить такую обширную власть, какъ рѣшеніе дѣла по одному только внутреннему убѣжденію. Это обстоятельство породило оппозицію противъ присяжнаго суда со стороны французскихъ юристовъ, которые оскорблены были недовѣріемъ къ нимъ и видѣли въ новомъ судѣ узурпацію власти, до тѣхъ поръ безспорно принадлежавшей короннымъ судьямъ. Послѣдствіемъ этой оппозиціи было то, что юристы, участвовавшіе въ составленіи новыхъ законовъ, дѣйствовали часто сами того не сознавая, подъ вліяніемъ предубѣжденія противъ присяжнаго судопроизводства, такъ что во французскомъ законодательствѣ, уже вскорѣ послѣ введенія новыхъ судовъ, ясно выразилось стремленіе ограничить на сколько можно права присяжныхъ и тѣмъ устранить мнимую опасность превышенія власти съ ихъ стороны. Недовѣріемъ къ присяжнымъ объясняется мнѣніе французскаго законодательства ъ необходимости отдѣленія вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ. Отчасти вслѣдствіе ложнаго пониманія англійскаго джюри, отчасти подъ вліяніемъ задней мысли, законодательство старалось провести начало, согласно которому присяжные должны рѣшать только фактическіе вопросы. Точно также и французская система постановки вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ, была плодомъ желанія ослабить какъ можно болѣе значеніе этихъ послѣднихъ ²⁾.

Французскій судъ присяжныхъ возникъ и началъ свою дѣятельность при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Революционная буря, волновавшая въ то время Францію, вредно отразилась на нравственномъ и социальномъ бытѣ страны. Присяжный судъ служилъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ политическихъ властителей, которые, пользуясь страхомъ наводимымъ ими на присяжныхъ, легко вынуждали обвинительные вердикты противъ лицъ, совершенно невинныхъ, но ненавистныхъ господствовавшей партіи террора. Между тѣмъ этотъ порядокъ вещей скоро породилъ во всѣхъ благомыслящихъ умахъ убѣжденіе, что институтъ присяжныхъ не заслуживаетъ никакого сочувствія, такъ какъ онъ даетъ только удобное средство властителямъ обвинить даже такого подсудимаго, къ осужденію котораго нельзя бы было склонить официальныхъ судей-юристовъ. Вредныя послѣдствія такого взгляда не замедлили обнаружиться на самомъ судѣ присяжныхъ, и исказили его нормальное развитіе. Нечего и говорить, что онъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ значительной части націи; лица, порицавшія его, принимали случайныя злоупотребленія, вызванныя неблагопріятными обстоятельствами, за существенныя качества новаго учрежденія, такъ какъ во Франціи никто не позаботился объяснить народу истинный характеръ суда присяжныхъ. Понятно также, что граждане, призывавшіеся къ отправленію правосудія, легкомысленнымъ осужденіемъ невинныхъ и оправданіемъ виновныхъ дали новое орудіе противникамъ учрежденія. Хуже всего было то, что французскіе юристы,

по вышеуказанной причинѣ и подъ вліяніемъ несчастныхъ приговоровъ присяжнаго суда во время революціи, все болѣе и болѣе вооружались противъ института присяжныхъ, такъ что когда въ 1803 г., т. е. уже въ эпоху болѣе спокойную, спрошено было мнѣніе судовъ о системѣ присяжнаго судопроизводства, то большинство ихъ высказалось противъ этой системы. Даже кассационный судъ объявилъ, что джюри скорѣе вредно, нежели полезно, такъ какъ оно, по выраженію кассационнаго суда, оскорбляетъ общественную нравственность и устрашаетъ гражданъ. Предубѣжденіе юристовъ противъ суда присяжныхъ не осталось, конечно, безъ вліянія и на составителей кодекса 1808 г., которымъ опредѣленъ былъ основной характеръ присяжнаго судопроизводства. Законодатель тѣмъ охотнѣе подчинялся этому предубѣжденію, что правительство вело въ то время массу политическихъ процессовъ и желало, разумѣется, добиться вѣрнаго осужденія враговъ новаго порядка вещей. Тогдашній глава государства, хотя и ненавидѣлъ судъ присяжныхъ, но какъ хитрый политикъ, не рѣшался прямо отнять его у французовъ, а старался дать ему такое устройство, при которомъ бы присяжные находились въ полной зависимости отъ правительства и не препятствовали исполненію его плановъ. Къ тому же правительство имѣло подъ рукой очень простое средство совершенно устранять вліяніе присяжныхъ на приговоръ: оно учредило особые спеціальные суды, въ которыхъ дѣла о преступленіяхъ извѣстнаго рода рѣшались безъ присяжныхъ ³⁾.

Нужно замѣтить, что французскіе юристы, участвовавшіе въ составленіи новыхъ законовъ, упорно отстаивали прежній, инквизиціонный порядокъ судопроизводства, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ служили по судебной части еще до революціи и привыкли къ старой системѣ суда, не въ состояніи были проникнуть въ духъ новаго судопроизводства ⁴⁾.

Вообще французскіе криминалисты того времени неизмѣнно держались въ уголовномъ правѣ начала утилитарности, т. е. полагали цѣль правосудія въ доставленіи пользы обществу, и не могли возвыситься до англійскаго воззрѣнія, состоящаго въ томъ, что уголовный процессъ (trial) есть умственное состязаніе между обвинителемъ и обвиняемымъ, предметъ котораго составляетъ опредѣленное обвиненіе, и что справедливое состязаніе, а слѣдовательно и справедливый приговоръ, возможно только въ томъ случаѣ, если оба противника пользуются безусловнымъ равенствомъ оружія. Какъ велико было во Франціи вліяніе системы инквизиціоннаго порядка видно изъ того, что законодательство о присяжномъ судопроизводствѣ дозволило судьямъ употребить всѣ возможные средства для того, чтобы вынудить сознаніе у подсудимаго или, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы общее впечатлѣніе процесса породило въ присяжныхъ убѣжденіе въ справедливости обвиненія. Въ такомъ духѣ написаны постановленія кодекса 1808 г. о производствѣ предварительнаго слѣдствія.

Слѣдственный судья, получивъ предложеніе прокурора о производствѣ слѣдствія, имѣеть право прибѣгать ко всякому средству, допускавшемуся въ прежнемъ розыскомъ процессѣ, съ цѣлью спутать обвиняемаго. Слѣдствіе можетъ быть ведено въ тайнѣ; законъ даетъ слѣдственному судѣ полнѣйшую свободу доводить обвиняемаго до признанія продолжительностью или самымъ способомъ ареста; обвиняемый не обезпеченъ въ соблюденіи даже тѣхъ немногихъ правилъ, какія существуютъ въ кодексѣ, такъ какъ должностныя лица, производящія слѣдствіе, не подлежатъ никакой отвѣтственности за неисполненіе этихъ правилъ.

Что касается устнаго и гласнаго судопроизводства, то хотя законъ повидимому и построилъ его на обвинительномъ началѣ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что на дѣлѣ и это производствѣ во многихъ отношеніяхъ носитъ на себѣ инквизиціонный характеръ. Результаты тайнаго, розыскаго предварительнаго слѣдствія, неподвергаемаго надлежащему контролю, часто становятся существенной частью публичнаго разбирательства и составляютъ матеріалъ, на которомъ присяжные основываютъ свой обвинительный вердиктъ. Въ доказательство справедливости нашихъ словъ мы укажемъ на то, что президентъ ассизнаго суда и прокуроръ, если находятъ, что подсудимый или свидѣтель отвѣчаетъ не такъ, какъ имъ желательно, имѣютъ право прочесть пзъ актовъ предварительнаго слѣдствія содержащіеся тамъ отвѣты. А между тѣмъ эти отвѣты могутъ произвести опасное впечатлѣніе на присяжныхъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о дозволеніи читать въ засѣданіи суда показанія отсутствующаго свидѣтеля, данныя имъ при предварительномъ слѣдствіи. До какой степени силенъ еще въ публичномъ производствѣ инквизиціонный элементъ, видно изъ того, что предсѣдатель можетъ предлагать обвиняемому какіе угодно вопросы, можетъ прибѣгать при допросѣ ко всякаго рода уловкамъ съ цѣлью добиться признанія отъ обвиняемаго. Президентъ не стѣсненъ въ этомъ отношеніи никакимъ предписаніемъ кодекса; напротивъ, законъ представляетъ ему такъ-называемую распорядительную власть, которая, по мнѣнію кассационнаго суда, даже не должна быть ни въ какомъ случаѣ ограничиваема. Вредъ этой *pouvoir discrétionnaire* становится всего болѣе осязательнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда президентъ дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ въ судъ, въ качествѣ понятыхъ (*témoins pour donner des renseignements*), такихъ свидѣтелей или экспертовъ, имена которыхъ не были помѣщены въ спискѣ свидѣтелей. Къ этому нужно еще прибавить, что, по закону обвиненія одного лица въ различныхъ преступленіяхъ должны быть обсуждаемы вмѣстѣ, вслѣдствіе чего присяжнымъ приходится заразъ разрѣшать множество вопросовъ. Замѣтимъ также, что судъ имѣеть право увеличить тяжесть первоначальнаго обвиненія. Очевидно, что подобный порядокъ судопроизводства долженъ весьма вредно дѣйствовать на присяжныхъ.

Масса разнообразных, несвязанных систематически и часто противорѣчащих другъ другу матеріаловъ процесса легко можетъ сбить съ толку присяжныхъ и затруднить имъ основательное обсужденіе дѣла; съ другой стороны, присяжные невольно могутъ поддаться пристрастнымъ доводамъ прокурора или увлекательному краснорѣчію хитраго защитника и произнести вердиктъ, несогласный съ требованіями справедливости ⁵).

Отличительную черту французскаго уголовного судопроизводства составляетъ недовѣріе къ присяжнымъ и послѣдствіе этого недовѣрія — ограниченіе правъ присяжныхъ и поставленіе ихъ въ зависимость отъ ассизнаго судьи. Если мы обратимся къ французской литературѣ, то увидимъ, что многіе во Франціи смотрятъ на судъ присяжныхъ не какъ на учрежденіе, тѣсно связанное съ конституціонной жизнью государства, но какъ на учрежденіе, которымъ законодатель какъ бы изъ милости даровалъ народу нѣкоторую долю участія въ отправленіи правосудія. Недовѣріемъ къ присяжнымъ судамъ объясняются слѣдующія особенности французскаго уголовного законодательства:

1) Законоположенія, при помощи которыхъ правительство имѣетъ огромное вліяніе на составленіе списковъ присяжныхъ; вліяніе это особенно сильно во времена политическихъ смутъ, когда правительство старается посредствомъ законовъ о выборѣ въ присяжные предотвратить возможность оправданія такихъ подсудимыхъ, которыхъ оно желаетъ во что бы то ни стало осудить ⁶).

2) Ограниченіе судебной власти присяжныхъ одними только дѣлами о тягчайшихъ изъ обыкновенныхъ преступленій.

3) Строгое отдѣленіе вопроса о фактѣ преступленія отъ вопроса юридическаго, причемъ присяжные имѣютъ право разрѣшать только первый изъ этихъ вопросовъ.

4) Система постановки вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію присяжныхъ. Благодаря этой системѣ, присяжные часто находятся въ крайне затруднительномъ положеніи, не зная какъ рѣшить предложенный вопросъ.

5) Такъ-называемое *resumé*, т. е. заключительная рѣчь президента ассизнаго суда. Какъ мало понималъ французскій законодатель значеніе англійскихъ судебныхъ учреждений можно судить по тому характеру, какой получила заключительная рѣчь предсѣдателя (установленная въ подражаніе англійской *charge*), во французскомъ кодексѣ. Мы покажемъ ниже, что это *resumé*, не отличаясь достоинствами англійской заключительной рѣчи, страдаетъ иногда всѣми недостатками послѣдней.

6) Дозволеніе президенту отсылать присяжныхъ по нѣскольку разъ для новаго совѣщанія, что легко можетъ запугать и утомить ихъ.

7) Установленіе, по которому ассизные судьи, при извѣстномъ числѣ голосовъ (отъ 7 до 5), имѣютъ право сами рѣшать дѣло; а также въ

случаѣ, если находятъ обвинительный вердиктъ присяжныхъ неправильнымъ, могутъ объявить его недѣйствительнымъ.

Существенный недостатокъ французскаго уголовного судопроизводства заключается въ чрезмѣрномъ развитіи прокурорскаго надзора. Прокуратура, дѣйствующая въ разумныхъ границахъ, представляетъ учрежденіе весьма важное для успѣшнаго преслѣдованія преступленій въ интересахъ общества. Между тѣмъ во Франціи,—гдѣ уже до революціи на прокурора часто смотрѣли какъ на послушное орудіе королевской власти,—законодательство дало прокурорамъ такое значеніе, благодаря которому они всегда служили самыми ревностными исполнителями въ области уголовного правосудія плановъ господствующей партіи. Французская прокуратура отличается слѣдующими качествами:

1) Прокуроры находятся въ безусловной зависимости отъ правительства ⁷⁾.

2) Имъ присвоена обширная власть съ тѣмъ, чтобъ они контролировали судей и имѣли вліяніе какъ на судей, такъ и на присяжныхъ; причемъ нужно замѣтить, что вліяніе это часто бываетъ весьма вредно.

3) Во время предварительнаго слѣдствія прокуроръ имѣетъ право предпринимать существенныя слѣдственные дѣйствія, которыя очевидно нужно бы было предоставить только судебному должностному лицу.

4) Въ главномъ производствѣ органъ прокурорскаго надзора занимаетъ такое положеніе, благодаря которому онъ можетъ имѣть большое вліяніе на присяжныхъ и склонить ихъ къ произнесенію обвинительнаго вердикта. Такъ, еще до начала допроса свидѣтелей, прокуроръ говоритъ рѣчь, въ которой старается доказать справедливость обвиненія. Между тѣмъ эта рѣчь можетъ настроить присяжныхъ одностороннимъ образомъ, такъ что они будутъ пристрастно относиться къ показаніямъ свидѣтелей ⁸⁾. Кромѣ того, прокуроръ можетъ высказывать свои замѣчанія, на которыя защитникъ не имѣетъ права возражать. Не менѣе опасна для безпристрастія присяжныхъ власть прокурора дѣлать въ судѣ всякія предложенія, какія ему вздумается, наприм. предложеніе о томъ, чтобы немедленно арестовать свидѣтеля, виновнаго, по мнѣнію прокурора, въ лжеприсягѣ.

5) Нельзя не пожалѣть, что французское законодательство не приняло начала, согласно которому обвинитель и обвиняемый въ уголовномъ процессѣ должны пользоваться равенствомъ оружія. Во Франціи прокуроръ можетъ предлагать свидѣтелямъ всякаго рода вопросы, что онъ дѣлаетъ часто только съ цѣлью спутать свидѣтеля. Между тѣмъ защитникъ не только не имѣетъ такого права, но даже долженъ каждый разъ обращаться къ президенту съ просьбою, чтобы тотъ, если ему будетъ угодно, предложилъ свидѣтелю извѣстный вопросъ.

Весьма важное значеніе для судопроизводства имѣетъ постановленіе французскаго кодекса, предписывающее, чтобы присяжные рѣшали вопросъ

о виновности на основаніи одного лишь внутренняго убѣжденія. При этомъ считаемъ нужнымъ напомнить читателю, что система внутренняго убѣжденія введена во Франціи на мѣсто прежней теоріи законныхъ доказательствъ; вскорѣ, однакожъ, эта система подала поводъ къ совершенно ложному пониманію обязанностей присяжныхъ. Вслѣдствіе принятія системы внутренняго убѣжденія, судъ присяжныхъ потерялъ всякую прочную основу для сужденія. Присяжные, какъ это мы видимъ въ Англіи, обязаны доходить до истины путемъ логическаго процесса мышленія; они должны оцѣнить достоинство представленныхъ въ судъ доказательствъ, руководствуясь при этомъ извѣстными правилами, установленными здравымъ смысломъ и судебной практикой; они обязаны взвѣсить тщательно всякое сомнѣніе относительно виновности подсудимаго, и если послѣ такого анализа остаются серьезныя сомнѣнія, должны объявить подсудимаго невиновнымъ. Между тѣмъ неопредѣленное выраженіе: «внутреннее убѣжденіе» вовсе не указываетъ присяжнымъ на то, что ихъ приговоръ о виновности долженъ быть результатомъ разумной и добросовѣстной оцѣнки доказательствъ; оно скорѣе располагаетъ ихъ слѣдовать впечатлѣніямъ смутнаго чувства, — тѣмъ болѣе, что многіе французскіе писатели толкуютъ о какомъ-то инстинктивномъ чувствѣ истины, которымъ будто бы присяжные могутъ надежнѣе всего руководиться. Болѣе основательные французскіе криминалисты, какъ, напр., Росси (Rossi, *Traité du droit pénal*, Bruxelles; 1851. I, 36), вѣрно понимаютъ истинное назначеніе присяжныхъ; талантливый Эли требуетъ отъ присяжныхъ разумнаго убѣжденія, *une conviction raisonnée* ⁹⁾. Система внутренняго убѣжденія имѣетъ тотъ недостатокъ, что присяжные не понимаютъ какими именно качествами должно обладать доказательство для того, чтобы оно въ состояніи было произвести юридическое убѣжденіе. Но хуже всего то, что французскій уголовный процессъ, благодаря этой теоріи внутренняго убѣжденія, не имѣетъ необходимой опоры для сужденія. Съ одной стороны, прокуроръ употребляетъ всѣ возможные средства, чтобы произвести на присяжныхъ впечатлѣніе, невыгодное для подсудимаго; съ другой, защитникъ старается, при помощи декламаций и ораторскаго искусства, подѣйствовать на чувство присяжныхъ и склонить ихъ къ оправданію подсудимаго. Во французскомъ уголовномъ судопроизводствѣ вся заботливость прокурора и президента обращена на то, чтобы съ самаго начала процесса выставить подсудимаго виновнымъ, и показать, что, судя по его прежнему образу жизни, онъ вполне былъ способенъ совершить и то преступленіе, въ которомъ обвиняется. Понятно, что подобнаго рода производство легко можетъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, судъ присяжныхъ во Франціи, конечно, далеко не всегда представлялъ ручательство, что вердикты присяжныхъ охраняютъ интересы общества и свободу гражданъ, осуждая

виновныхъ и оправдывая невинныхъ. Причины этого явленія нужно искать не столько въ личномъ характерѣ присяжныхъ или въ недостаткѣ у нихъ доброй воли, сколько въ недостаткахъ законодательства, въ ошибочныхъ теоріяхъ и въ особенностяхъ политическаго быта Франціи. Во-первыхъ, самый способъ судопроизводства таковъ, что не даетъ надежныхъ основаній для рѣшенія, а представляетъ скорѣе беспорядочную массу разнородныхъ матеріаловъ, которые легко могутъ спутать присяжныхъ. О вредѣ, какой происходитъ отъ системы внутренняго убѣжденія, мы уже говорили выше. Законодательство съ своей стороны сдѣлало все что могло, чтобы внушить присяжнымъ ложное понятіе объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Такъ, инструкція присяжнымъ, изложенная въ 342 ст. кодекса, отличается крайнею неопредѣленностью. Хорошо тоже мѣсто кодекса, гдѣ говорится, что присяжные поступать вопреки обязанности, если будутъ думать объ уголовномъ законѣ и о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть ихъ приговоръ для подсудимаго. Какъ будто присяжные могутъ забыть на то время, когда постановляютъ рѣшеніе, какое наказаніе опредѣлено въ законѣ за преступленіе, въ которомъ они объявляютъ подсудимаго виновнымъ. Вообще, во французской судебной практикѣ не дозволяется во время производства процесса говорить о наказаніи, которое назначено въ законѣ за рассматриваемое преступленіе, что нерѣдко стѣсняетъ свободу защиты. Нельзя похвалить и французской системы постановки вопросовъ, которая часто ставитъ присяжныхъ въ затруднительное положеніе. Президентъ можетъ формулировать вопросъ, подлежащій разрѣшенію присяжныхъ, какъ ему заблагоразсудится; онъ болѣе всего заботится о томъ, чтобы въ вопросъ не попалъ такой признакъ преступленія, который могъ бы дать присяжнымъ поводъ коснуться юридической стороны дѣла. Что касается того, что президентъ часто по нѣскольку разъ отсылаетъ присяжныхъ для новаго совѣщанія, то это врядъ ли много облегчаетъ присяжнымъ правильное рѣшеніе дѣла.

Одна изъ причинъ ошибочныхъ вердиктовъ заключается въ ложномъ пониманіи значенія джюри. Многіе, даже весьма добросовѣстные писатели, смотрятъ на судъ присяжныхъ, какъ на учрежденіе политическое, такъ что часто можно слышать разсужденія о всемогуществѣ присяжныхъ ¹⁰⁾.

Мы уже говорили, что успѣшное дѣйствіе присяжныхъ судовъ вполнѣ зависитъ отъ соціальнаго и политическаго быта страны. Въ Англіи, гдѣ существуетъ неограниченная свобода печати и свобода общественныхъ собраній и митинговъ, присяжные принуждены согласоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ общественнымъ мнѣніемъ благомыслящихъ и разсудительныхъ гражданъ. Тамъ строгая, публичная критика вердиктовъ является неумолимымъ цензоромъ и судьей присяжныхъ, которые и безъ того отличаются необыкновеннымъ смысломъ въ общественныхъ дѣлахъ, уваженіемъ къ законамъ и къ гражданскому порядку. Напротивъ, въ странѣ,

гдѣ нѣтъ подобныхъ условій (Франція къ несчастію пережила много такихъ эпохъ, когда у ней не доставало этихъ условій), благотворная дѣятельность присяжныхъ скоро ослабѣваетъ; они становятся равнодушными къ точному исполненію своихъ обязанностей и легко подчиняются деспотизму, который гнететъ ихъ сверху или снизу.

Большое значеніе имѣетъ личный составъ ассизнаго суда. Въ Англіи предсѣдателями на ассизы въ графствахъ посылаются обыкновенно члены высшаго суда, которые путемъ продолжительнаго опыта вполне ознакомились съ юридической техникой этого суда. Между тѣмъ каждому юристу хорошо извѣстно, что въ уголовномъ судопроизводствѣ, вслѣдствіе разнообразія представляющихся случаевъ, часто возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ удобнѣе вести процессъ. При этомъ все зависитъ отъ личности прокурора и президента, участвующихъ въ производствѣ; личность же обусловливается не только объемомъ познаній и дарованіями каждаго, но также его характеромъ и образомъ мыслей. Такимъ образомъ способъ производства дѣла, обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ, строгость или мягкость въ обращеніи съ подсудимымъ въ высшей степени различны, смотря по личности должностнаго лица, которое къ тому же сообразуется, даже безсознательно, съ господствующей политической формой и съ волей министра или другихъ начальниковъ. Правда, кассационный судъ, въ который поступаютъ жалобы объ отмѣнѣ приговора по причинѣ неправильностей, допущенныхъ при производствѣ дѣла, долженъ рѣшать и вопросъ о способѣ судопроизводства въ данномъ случаѣ. Но мы очень ошиблись бы, еслибы вообразили, что этотъ верховный судъ государства придаетъ своими рѣшеніями однообразіе судопроизводству и представляетъ достаточную защиту для подсудимыхъ. Сравненіе рѣшеній кассационнаго суда (которые, замѣтимъ мимоходомъ, не безусловно обязательны для судовъ) показываетъ, что кассационный судъ самъ различнымъ образомъ рѣшаетъ безчисленные вопросы о формахъ и обрядахъ уголовного процесса. Къ тому же кассационный судъ, изъ желанія избѣжать издержекъ, при всякомъ удобномъ случаѣ отказываетъ въ кассации и тѣмъ самымъ оправдываетъ тотъ способъ судопроизводства, который былъ предметомъ обжалованія. Кромѣ того, высшій судъ руководствуется еще слѣдующими двумя основаніями. Во-первыхъ, онъ не желаетъ ослабить обширной власти президента ассизнаго суда и потому смотритъ сквозь пальцы, какія бы неправильности ни допустилъ президентъ. Во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для подтвержденія справедливости кассационной жалобы потребовалось бы изслѣдованіе относительно такихъ фактовъ, о которыхъ не упомянуто въ протоколѣ ассизнаго суда, то кассационный судъ всегда отговаривается тѣмъ, что онъ не вправѣ распорядиться о производствѣ такого рода изслѣдованія, и отказываетъ въ жалобѣ.

Наконецъ, нужно сказать, что чрезмерная суровость французскаго

уголовнаго кодекса часто ставить присяжных въ стѣснительное положеніе, когда они видятъ, что жестокое наказаніе, опредѣляемое въ законѣ, явно противорѣчитъ народному правосознанію. Понятно, что въ подобныхъ случаяхъ присяжные, не желая взять на себя страшной ответственности, прибѣгаютъ ко всякаго рода уловкамъ; чтобы дать вердикту такой оборотъ, который смягчилъ бы наказаніе, или даже совершенно оправдываютъ подсудимаго.

Мы полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго нами о французскомъ судѣ присяжныхъ, не бесполезно будетъ опредѣлить въ краткихъ словахъ его основной характеръ, подобно тому, какъ мы это сдѣлали выше въ отношеніи англійскаго джюри. Французскій присяжный судъ есть такое учрежденіе, при которомъ выбранные изъ народа 12 человекъ рѣшаютъ въ данномъ уголовномъ случаѣ вопросъ о событіи преступленія. Отъ присяжныхъ не требуется юридическаго образованія. Они должны рѣшать предложенные имъ президентомъ суда фактическіе вопросы по внутреннему убѣжденію и на основаніи судопроизводства. Судопроизводство же состоитъ въ слѣдующемъ. По окончаніи тайнаго инквизиціоннаго предварительнаго слѣдствія, обвиненіе поступаетъ въ ассизный судъ. Если судъ находитъ обвиненіе основательнымъ, то открывается публичное устное разбирательство, на которомъ прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе, а адвокатъ защищаетъ подсудимаго. Должностныя лица, участвующія въ производствѣ процесса, имѣютъ право употреблять всякія средства, при помощи которыхъ они надѣются расположить присяжныхъ къ признанію подсудимаго виновнымъ. Президентъ, съ цѣлью раскрыть истину, но главнымъ образомъ съ цѣлью доказать вину подсудимаго, допрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, пользуясь при этомъ и матеріалами, собранными на предварительномъ слѣдствіи.

Если мы прислушаемся къ мнѣніямъ самихъ французовъ о судѣ присяжныхъ, то замѣтимъ, что многіе жалуются на него, преимущественно по поводу частыхъ случаевъ неосновательнаго оправданія подсудимаго, или по поводу такихъ вердиктовъ, въ которыхъ присяжные, находя представленное обвиненіе недоказаннымъ, объявляютъ подсудимаго виновнымъ въ менѣе важномъ преступленіи, вслѣдствіе чего подсудимый приговаривается къ менѣе тяжкому наказанію, чѣмъ то, которому онъ подвергся бы, еслибы присяжные признали справедливымъ обвинительный актъ. Но замѣчательно, что никто изъ Франціи не требуетъ отмены суда присяжныхъ вообще (хотя, конечно, есть еще немало слѣпыхъ приверженцевъ старины, которые въ своемъ кружкѣ порицаютъ это учрежденіе если оно, вопреки ихъ ожиданіямъ, оправдываетъ подсудимаго). Такимъ образомъ жалобы направлены только на случаи несправедливаго оправданія присяжными подсудимыхъ. Многіе предлагаютъ, чтобы дѣла о политическихъ преступленіяхъ и дѣла о проступкахъ противъ законовъ о

печати рѣшались безъ участія присяжныхъ. Министръ юстиціи въ отчетѣ о состояніи уголовного правосудія за 1861 г. (*Compte général de l'administration de la justice criminelle en 1861. X*), выразивъ свое сожалѣніе объ излишней снисходительности присяжныхъ къ подсудимымъ, говоритъ, что присяжные по праву самые компетентные судьи всякаго обвиненія. Далѣе министръ замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, необходимо издать законъ о томъ, чтобы многія преступныя дѣянія, считаемыя нынѣ преступленіями и потому подлежащія суду присяжныхъ, на будущее время вѣдались исправительными судами. Замѣчательно также, что одинъ изъ самыхъ требовательныхъ французскихъ юристовъ—генеральный прокуроръ города Кольмара, Вигори де-Лашапъ, въ своемъ сочиненіи о джюри (*Du jury en matière criminelle. Paris. 1863; стр. 176.*), рѣшительно высказывается въ пользу суда присяжныхъ, и юрицаетъ только приглашеніе присяжныхъ для рѣшенія дѣлъ о политическихъ преступленіяхъ, равно какъ не одобряетъ поведеніе присяжныхъ въ такихъ процессахъ, въ которыхъ осужденіе подсудимаго повлекло бы за собою смертную казнь послѣдняго. Ниже, при разборѣ французскаго судопроизводства, мы покажемъ, до какой степени неосновательны въ большинствѣ случаевъ жалобы на судъ присяжныхъ. Мы увидимъ, что если и бывають примѣры несправедливыхъ вердиктовъ, то въ этомъ виноваты не сами присяжные, а законодательство, или лица дѣйствовавшія въ процессѣ на ассизахъ, т. е. президентъ, прокуроръ и защитникъ; главнымъ же образомъ виновато крайне неудовлетворительное предварительное слѣдствіе. Людямъ, которое постоянно толкуютъ о томъ, что присяжные неосновательно оправдываютъ виновныхъ, мы отвѣтимъ словами опытнаго французскаго юриста Массона, совѣтника апелляціоннаго суда, (*Considérations sur le respect légal dû aux déclarations du jury*): «кто порицаетъ рѣшеніе присяжныхъ, тотъ высказываетъ мнѣніе ни на чемъ не основанное, или основанное на однихъ произвольныхъ догадкахъ; тотъ судить о томъ, чего не знаетъ, и чего не можетъ знать; однимъ словомъ, тотъ говорить необдуманно и безразсудно».

VII. ДВИЖЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВО ФРАНЦИИ.

Чтобы составить основательное мнѣніе о французскомъ судѣ присяжныхъ, слѣдуетъ рассмотреть: I. что сдѣлала во Франціи наука для достоинства и усовершенствованія суда присяжныхъ; II. какое направленіе относительно суда присяжныхъ приняло французское законодательство со временъ кодекса 1808 г., и какое вліяніе на это учрежденіе имѣли сдѣланныя въ немъ преобразованія; III. какъ были примѣнены въ бывшихъ процессахъ отдѣльныя законоположенія и правила судопроизводства; IV. какіе выводы можно сдѣлать изъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія того, какъ исполняютъ свою обязанность французскіе присяжные.

I. Если мы соберемъ все, что доставляютъ французскіе ученые труды относительно суда присяжныхъ, то должны будемъ сознаться, что труды эти, говоря вообще, неудовлетворительны, хотя и есть много прекрасныхъ замѣтокъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Для знакомства со всѣми подробностями присяжнаго судопроизводства можно рекомендовать *Encyclopédie du droit par Sebire* (Paris 1846. VII, 1 — 223). Улучшеніе отдѣльныхъ частей судопроизводства, часто съ весьма основательной критической оцѣнкой, разсматриваетъ Бонневиль (*De l'amélioration de la loi criminelle par Bonneville*. Paris. 1855 — 64). Въ высшей степени замѣчательны сочиненія Беранже, который разбираетъ главные недостатки французскаго уголовного судопроизводства и вліяніе ихъ на судъ присяжныхъ. (Berenger, *De la justice criminelle en France*. Paris. 1818, и *De la répression pénale, de ses formes et de ses effets*. Paris. 1855). Въ сочиненіи Эли (*Traité de l'instruction criminelle ou théorie du code de l'instruction criminelle*. 1860. Paris. 9 vols.) чрезвычайно полно и ясно

изложены всѣ подробности французскаго судопроизводства съ постояннымъ указаніемъ на судебныя приговоры; трудъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что Эли, открыто осуждая тѣ рѣшенія, которыя, по его мнѣнію, противорѣчатъ основнымъ началамъ науки права, проводить истинный взглядъ на дѣло. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія труды Морэна (*Répertoire du droit criminel par Morin. Paris. 2 vols., и ежемѣсячное изданіе: journal du droit criminel*) и Даллоза (*Répertoire méthodique et alphabétique de législation, de doctrine et de jurisprudence par M. Dalloz. aîné et Armand Dalloz. Paris. 1854. vol. XXVIII; стр. 18 — 905*). Заслуга перваго изъ нихъ заключается въ исчисленіи всѣхъ новѣйшихъ французскихъ законовъ объ уголовномъ правѣ и уголовномъ судопроизводствѣ съ изложеніемъ мотивовъ къ нимъ, часто съ критическими замѣчаніями; равно какъ и въ сообщеніи всѣхъ новѣйшихъ судебныхъ рѣшеній (причемъ нерѣдко приводятся причины, заставляющія сомнѣваться въ справедливости даннаго рѣшенія и предлагаются наставленія для важнѣйшихъ случаевъ, встрѣчающихся въ практикѣ). Даллозъ въ своемъ обширномъ сочиненіи, въ главѣ объ *«instruction criminelle»* представляетъ развитіе уголовного судопроизводства вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе суда присяжныхъ; приводитъ обнародованныя судебныя рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ (часто съ критическими замѣчаніями) и взгляды различныхъ криминалистовъ. Для разъясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ можно рекомендовать Кубена (*Traité de procédure devant les cours d'assises par Cubain. 1851*). Въ новѣйшее время, говоря относительно, судъ присяжныхъ во Франціи рѣдко былъ предметомъ научныхъ изслѣдованій. Генеральный прокуроръ Бигори де-Лашанъ (*Bigorie de Laschamps. Du jury en matière criminelle. Paris. 1863*) излагаетъ историческія извѣстія о происхожденіи суда присяжныхъ во Франціи, разсматриваетъ различные законы о составленіи списковъ присяжныхъ; оправдываетъ устраненіе во Франціи присяжныхъ при рѣшеніи дѣлъ по преступленіямъ политическимъ и по нарушенію законовъ печати, хвалитъ судъ присяжныхъ, но недоволенъ, что присяжные слишкомъ снисходительны въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдуетъ приговорить къ смертной казни. Авторъ оправдываетъ смертную казнь, находя что этотъ родъ наказанія въ духѣ христіанской религіи. Бѣданъ (*Beudant*) въ сборникѣ Тулузской академіи (*Recueil de l'Académie de législation de Toulouse; vol. VIII; стр. 472*) дѣлаетъ много очень остроумныхъ замѣчаній о судѣ присяжныхъ, высказываетъ свои сомнѣнія относительно успѣха его дѣйствій, порицаетъ существующія правила отвода (*recusation*) и весьма дѣльно обсуждаетъ вопросъ: слѣдуетъ ли оправдать законъ, запрещающій присяжнымъ думать о наказаніи, какъ слѣдствіи ихъ приговора. Послѣдній вопросъ составляетъ предметъ особаго сочиненія Бедана (*De l'indication de la loi pénale dans la discussion devant le jury par Beudant. Paris. 1861*). Сочиненіе Базо (*Etude sur le*

jury et de caractère de ses attributions par Basot. Paris. 1862) заслуживает вниманія преимущественно въ отношеніи способа постановки вопросовъ. Фремонъ (Fremont. Revue critique de législation. XVIII. стр. 321) старается доказать, что округа ассизъ должны быть увеличены, что право отвода слѣдуетъ ограничить, и что присяжныхъ надо избирать преимущественно изъ людей богатыхъ и независимыхъ. Казъ (Caze. Recueil de l'Académie de législation de Toulouse; vol. II. стр. 122) относится съ уваженіемъ къ джюри, но полагаетъ, что оно нуждается въ улучшеніяхъ. Очень хорошая статья Паренго (Paringaut. Recueil de l'Académie de législation de Toulouse; vol. XI. стр. 250) представляетъ опроверженія приведенныхъ нами предложеній Фремона. Впослѣдствіи мы еще будемъ имѣть случай подробнѣе разсмотрѣть взгляды названныхъ здѣсь писателей ¹⁾).

Чтобъ облегчить оцѣнку дѣйствій французскаго присяжнаго судопроизводства, нужно прослѣдить ходъ законодательства относительно суда присяжныхъ со времени изданія кодекса. При этомъ обнаружится вліяніе на законодательство опыта, показавшаго недостатки джюри, и вліяніе успѣховъ науки; но вмѣстѣ съ тѣмъ окажется, что на характеръ новыхъ законовъ болѣе всего дѣйствовали измѣнявшіеся политическія обстоятельства.

1) Въ этомъ отношеніи особенно важенъ ходъ законодательства относительно состава суда присяжныхъ. Оно постоянно имѣло въ виду опредѣлить качества, которыми должны обладать присяжные, такимъ образомъ, чтобы можно было рассчитывать на выборъ въ присяжные людей съ энергіей; въ особенности же оно старалось обезпечить значительное вліяніе правительства на составъ джюри. Въ кодексѣ 1791 г. учредительное собраніе, подъ вліяніемъ идеи конституціонной и либеральной монархіи, опредѣлило, что каждый гражданинъ, достигшій 25-ти лѣтъ и владѣющій извѣстнымъ имуществомъ, величина котораго опредѣлялась по размѣрамъ общины, можетъ быть присяжнымъ; что чрезъ каждые три мѣсяца генераль-прокуроръ и синдикъ департамента должны вносить 200 гражданъ въ очередной списокъ присяжныхъ; списокъ этотъ подлежалъ утвержденію директоріи. Кромѣ того, считалось необходимымъ для постановленія окончательнаго приговора въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. въ случаѣ подлога, злостнаго банкротства) избирать спеціальное джюри. По закону 11 августа 1792 года, изданному подъ вліяніемъ республиканскихъ идей, и по декрету 22 нивоза II года право быть присяжнымъ завписало не отъ владѣнія имуществомъ: списокъ присяжныхъ составлялся выборными изъ народа (Nationalagenten), которые вносили туда только того, кого считали способнымъ исполнять эту обязанность. Президентъ уголовного суда и публичный обвинитель изъ этого общаго списка составляли очередной списокъ малаго джюри. Но потомъ учре-

длительное собраніе нашло нужнымъ возстановить прежній порядокъ, принимая во вниманіе владѣніе извѣстнымъ имуществомъ и постановляя, что тотъ, кто по своему имуществу можетъ быть избирателемъ, имѣетъ право быть и присяжнымъ, если достигъ 30 лѣтняго возраста. Въ послѣдующихъ законахъ постоянно измѣнялись правила относительно величины имущества и относительно того, какіе чиновники должны составлять очередные списки.

Когда власть перешла въ руки консульства, однимъ изъ первыхъ его актовъ было увеличеніе размѣровъ имущества, которымъ слѣдовало владѣть для того, чтобъ имѣть право быть присяжнымъ и избирателемъ, — и передача составленія списка присяжныхъ префектамъ и ихъ помощникамъ. Кодексъ 1808 года, который отмѣнилъ дѣйствовавшія до тѣхъ поръ обвинительное и специальное джюри, подъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, заботится о томъ, а) чтобы въ списки вносились только лица, вполне преданныя правительству, которыя навѣрно признаютъ виновнымъ того, кого пожелаетъ осудить правительство; б) чтобъ обезпечить за чиновниками, безусловно зависящими отъ правительства, должное вліяніе на составленіе списковъ присяжныхъ. Вслѣдствіе этого право быть присяжнымъ совершенно соединяется съ правомъ быть членомъ избирательной коллегіи. 300 гражданъ, платящихъ большіе налоги, административные чиновники и нѣсколько лицъ, приглашаемыхъ ради ихъ мнимаго научнаго образованія, должны были составлять списки присяжныхъ. Вполнѣ зависимые отъ правительства префекты могли уменьшать этотъ списокъ до 60, а президентъ ассизъ до 30 членовъ. Такимъ образомъ составъ присяжныхъ, какъ говоритъ Беранже, былъ совершенно въ рукахъ правительства и легко могъ сдѣлаться средствомъ угнетенія. Постоянно усиливавшіяся жалобы на такой составъ джюри вывели законъ 2 марта 1827 года, распространяющій на большее число лицъ право быть выбраннымъ въ присяжные. Это сдѣлано отчасти увеличеніемъ числа избирателей, отчасти принятіемъ большаго числа такъ-называемыхъ *saracités*, т. е. лицъ, которыя включались въ списки по своимъ способностямъ, независимо отъ владѣнія извѣстнымъ имуществомъ. Предоставленное префекту право сокращать списокъ удержано за нимъ и этимъ закономъ. Правительство Людовика Филиппа тоже настаивало на томъ, чтобы право быть присяжнымъ зависело отъ владѣнія большимъ имуществомъ, однако цензъ былъ уменьшенъ до 200 франковъ. Только послѣ февральскаго переворота 1848 г. одержало верхъ ученіе, требовавшее совершенной отмѣны системы ценза. По закону 7 августа 1848 г., каждый французъ, имѣющій гражданскія и политическія права, могъ быть присяжнымъ, — причемъ, однакожъ, исключались извѣстные классы, неспособные, по мнѣнію законодателя, отправлять эту почетную должность. Составленіе списка для каждого кантона предо-

ставлено особою комиссією, состоявшею изъ мировыхъ судей и должностныхъ лицъ общины; изъ этого списка по жребію, вынимаемому президентомъ апелляціоннаго суда, составляется префектомъ списокъ изъ 36 лицъ для департамента. Такимъ образомъ кругъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными, значительно расширился. Правительство, получившее власть во Франціи съ 1851 г., скоро убѣдилось, что несовѣстно съ его интересами предоставлять составленіе списка присяжныхъ комиссіи, члены которой представители народа; оно желало обезпечить большее вліяніе за принципомъ власти, и вотъ является законъ 4 іюня 1853 г., по которому въ каждомъ кантонѣ комиссію для составленія списка присяжныхъ образуютъ, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи, меры (слѣд. лица обязанныя своею должностію исключительно правительству). Изъ такого списка, представленнаго къ префекту, новая комиссія, изъ префекта, его помощника и всѣхъ мировыхъ судей округа, составляетъ окружной списокъ. Такимъ образомъ, хотя кругъ лицъ, могущихъ быть присяжными, былъ и обширенъ, но очевидно, что въ список попадалъ только тотъ, кого избирали агенты правительства.

Между тѣмъ, какъ правительство заботилось о своихъ интересахъ при замѣщеніи скампъ присяжныхъ, законодательство 1831 г. ограничило число судей въ ассизахъ, которыхъ до того времени было 5, тремя; чрезъ это уменьшилась степень обезпеченія, которою пользовался до сихъ поръ подсудимый, такъ что голосъ двухъ судей могъ отвергнуть приговоръ присяжныхъ. Закономъ 4 марта 1831 г. съ большою пользою отмѣнено постановленіе, по которому въ случаѣ, если 7 присяжныхъ противъ 5 произнесутъ приговоръ о виновности, дѣло должно было рѣшаться судьями ассизъ; по новому закону требовалось, чтобы виновность была признана не менѣе какъ большинствомъ 8 голосовъ. Весьма важенъ законъ 1832 г. (вызванный необходимостью увеличить репрессивную силу уголовного правосудія), на основаніи котораго наказаніе смягчается, если присяжные объявятъ, что есть обстоятельства смягчающія вину; это избавило присяжныхъ отъ необходимости или присуждать къ слишкомъ строгому наказанію, или оправдывать на самомъ дѣлѣ виновнаго подсудимаго. Въ 1835 г. правительство, съ цѣлью увеличить карательную силу правосудія, лукаво воспользовавшись общимъ озлобленіемъ, возбужденнымъ извѣстнымъ преступленіемъ Фіески (Fieschi), провело въ палатахъ два закона (9 и 28 іюля), которые сильно потрясли судъ присяжныхъ. Однимъ изъ нихъ признавалось достаточнымъ для обвинительнаго приговора большинство 7 голосовъ, другимъ была введена тайная подача голосовъ. Последній законъ оскорблялъ достоинство присяжныхъ, объявляя, что они не имѣли бы смѣлости публично высказать свои убѣжденія. Онъ внесъ деморализацію въ среду присяжныхъ, давая слабохарактернымъ изъ нихъ средство вотировать противъ своего убѣжденія. Кромѣ того, законъ этотъ

сдѣлать ненужнымъ совѣщаніе присяжныхъ и весьма полезный обмѣнъ ихъ мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть причиной частыхъ несправедливыхъ приговоровъ.—Вышедшіе въ духѣ свободы законы 1848 г. (6 марта) требовали для приговора о виновности большинство 9 голосовъ противъ 3-хъ, и, допуская совѣщаніе присяжныхъ, старались хоть сколько-нибудь устранить вредъ тайной подачи голосовъ. Весьма дурное вліяніе имѣли законы 1853 г., признающіе достаточнымъ для приговора виновности большинство 7 голосовъ противъ 5. Вмѣстѣ съ тѣмъ предѣлы власти присяжныхъ были ограничены устраненіемъ ихъ отъ рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ политическимъ и противъ законовъ печати. Этимъ подсудимый лишается гарантіи справедливаго рѣшенія именно въ тѣхъ случаяхъ, когда она болѣе всего нужна, такъ какъ очень легко можетъ случиться, что правительство при этихъ преступленіяхъ будетъ преслѣдовать ненавистныхъ ему лицъ; притомъ страдаетъ авторитетъ судей, ибо правительство, устраняя присяжныхъ и полагаясь на судей, назначаемыхъ имъ, ясно высказываетъ свою увѣренность, что они будутъ судить согласно его волѣ. Законодательство 1856 г., уничтожающее вліяніе совѣщательной палаты), которая, между прочимъ, должна была контролировать слѣдователя, лишаетъ подсудимаго одного изъ важныхъ обезпеченій справедливаго рѣшенія, дѣлая предварительное слѣдствіе ненадежнымъ,—и содѣйствуетъ расширенію власти прокурора, что легко можетъ оказаться въ высшей степени вреднымъ. Власть прокурора еще болѣе была расширена закономъ 7 мая 1863 г. о производствѣ дѣла по горячимъ слѣдамъ (*en flagrant délit*). Напротивъ, предѣлы власти суда присяжныхъ подверглись новому ограниченію со времени закона 13 мая 1863 г., по которому многія преступныя дѣянія, разбиравшіяся до тѣхъ поръ съ присяжными, были признаны проступками и такимъ образомъ предоставлены вѣдѣнію исправительныхъ судовъ²⁾).

Хотя нельзя отвергать, что современемъ по этому закону за многія преступныя дѣянія, влекуція за собою строгія наказанія, будутъ назначаемы наказанія легкія, неуголовныя, но во всякомъ случаѣ есть поводъ опасаться, что главная побудительная причина, вызвавшая этотъ законъ, заключается въ надеждѣ, что исправительные суды будутъ обвинять большее число лицъ, чѣмъ какое осуждалось до сихъ поръ присяжными.

Разсматривая ходъ французскаго законодательства касательно суда присяжныхъ, мы видимъ, что во Франціи издавались въ высшей степени разнородные законы относительно самыхъ существенныхъ частей этого учрежденія, напр. относительно состава суда, предметовъ вѣдомства его, необходимаго отношенія голосовъ. Эти колебанія законодательства объясняютъ отчасти, почему во Франціи судъ присяжныхъ часто не пользовался должнымъ уваженіемъ, и почему существуютъ самыя неясныя представленія о значеніи этого учрежденія. Очевидно, что подъ вліяніемъ

столь частыхъ перемѣнъ въ законахъ должны были измѣняться и отправленіе правосудія, и взглядъ на значеніе присяжныхъ. Кроме того, нельзя не замѣтить, что каждымъ законодателемъ руководили тайныя политическія соображенія и желанія дать суду присяжныхъ направленіе, которое согласовалось бы съ планами правительства и обезпечивало бы его въ томъ, что извѣстныя лица непременно будутъ осуждены.

Другое препятствіе успѣшнымъ дѣйствіямъ суда присяжныхъ во Франціи заключалось въ томъ, что въ самыхъ трудныхъ уголовныхъ случаяхъ присяжные были лишены прочныхъ основаній для справедливаго приговора, именно въ дѣлахъ, которыя требуютъ приглашенія экспертовъ, для опредѣленія состава преступленія, наприм. если нужно рѣшить: естественною ли смертію умеръ человекъ, найденный мертвымъ, или былъ кѣмъ-либо лишенъ жизни, живымъ ли родилось дитя или нѣтъ; и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда возникалъ вопросъ о вѣроятности. Во французскомъ законодательствѣ вовсе нѣтъ правилъ относительно доказательства чрезъ экспертовъ и относительно судопроизводства въ этихъ случаяхъ. Многіе юристы сравнивали экспертовъ съ свидѣтелями и такимъ образомъ эксперты помѣщались въ списокъ свидѣтелей, что непременно должно было повести къ ошибочнымъ выводамъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ доказательство чрезъ экспертовъ составляетъ особый родъ доказательства, — оно есть ничто иное какъ заключеніе, мнѣніе свѣдущихъ людей, и необходимо вести производство такъ, чтобы присяжные могли убѣдиться въ достовѣрности мнѣнія эксперта. Особенно дурно то, что во Франціи не было судебныхъ врачей, и выборъ эксперта зависилъ вполне отъ прокурора или слѣдователя. Во Франціи есть много превосходныхъ врачей, которые совершенно справедливо пользуются авторитетомъ въ судебной медицинѣ, но понятно, что эти лица приглашаются только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, преимущественно, когда подсудимые люди очень жалостливы, — между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ довольствуются плохими врачами. Недостатокъ этотъ обнаруживается больше всего въ тѣхъ уголовныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о вѣроятности подсудимого. Во Франціи (а къ несчастію и въ другія страны) мало обращаютъ вниманія на то, что только дѣльный, практическій психіатръ въ состояніи сдѣлать достовѣрное заключеніе. Большинство лицъ, принимающихъ участіе въ судѣ ассизъ, какъ-то: прокуроры, слѣдователи, президенты и защитники, мало знакомы съ тѣми выводами науки, отъ которыхъ въ этихъ случаяхъ зависитъ исходъ дѣла, потому они не могутъ содѣйствовать удовлетворительному рѣшенію вопроса: заслуживаетъ ли довѣрія показаніе эксперта? Вслѣдствіе громадныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ наше время естественными науками и психіатріей, неизбежно должно во многихъ случаяхъ обнаруживаться разногласіе въ мнѣніяхъ экспертовъ; при этомъ присяжные, для приговора которыхъ заключеніе

эксперта часто имѣть существенное значеніе, будутъ поставлены въ затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что во Франціи они лишены наставленій, подобныхъ тѣмъ, какія даются въ такихъ случаяхъ англійскимъ присяжнымъ ³⁾.

Чтобы понять истинное значеніе присяжныхъ и весьма важное законодательство 1832 г., необходимо принять въ соображеніе характеръ уголовныхъ законовъ 1808 г. Законодатели того времени были проникнуты убѣжденіемъ, что цѣль наказанія—устрашеніе; что цѣль эта должна достигаться угрозою наказанія. Лучшимъ средствомъ для этого считалась строгая опредѣленность уголовныхъ законовъ, такъ чтобы у каждаго было передъ глазами, что его ожидаетъ въ случаѣ совершенія преступленія, — и чтобы преступникъ не могъ разсчитывать на произвольную снисходительность судьи. Такимъ образомъ устрашаетъ кодексъ 1808 г., безусловно опредѣляя наказаніе, часто грозя смертною казнью, долговременнымъ лишеніемъ свободы, не дѣлая большой разницы между максимумомъ и минимумомъ мѣры наказанія. Законодатель хотѣлъ, чтобы судьи слѣпо повиновались и назначали извѣстныя, опредѣленныя наказанія, вслѣдствіе чего (согласно господствовавшей тогда въ наукѣ теоріи) судья вмѣсто того, чтобы разумно примѣнять къ данному случаю наказаніе, дѣлался простой машиной. Вліяніемъ принципа устрашенія и системы, состоящей въ связи съ этимъ принципомъ, объясняется возмутительная жестокость уголовныхъ законовъ 1808 г. Непонятно, какимъ образомъ генералъ-адвокатъ Го жаль (Gaujal), человѣкъ занимающій такой высокій постъ, могъ не сознать этого и сильно порицать законодательство 1832 г., допускающее право смягченія наказанія (рѣчь его 4 ноября 1859 г.). Къ счастью французскіе юристы сами отвергли это мнѣніе и авторъ настоящей статьи тогда же старался показать несостоятельность взглядовъ Го жаль (*Zeitschrift für die Strafrechtspflege in Deutschland*. 1860 г. стр. 80 — 98). Въ высшей степени неудовлетворительная законодательная система 1808 г. породила и крайній формализмъ; такъ, наприм., за кражу наказаніе абсолютно опредѣлялось по извѣстнымъ вѣщнымъ признакамъ преступленія; мѣра наказанія была поставлена въ зависимость отъ чисто случайныхъ чиселъ, напр. при тѣлесныхъ поврежденіяхъ она зависла отъ того, болѣе или менѣе 20 дней продолжалась болѣзнь. Благодаря этой системѣ, составилось ошибочное мнѣніе, что легко можно отдѣлить вопросъ юридическій отъ фактическаго. Тѣ, которые нападаютъ на законодательство 1832 г., забываютъ, что во Франціи уже давно, именно еще въ 1813 г., въ государственномъ совѣтѣ былъ составленъ проектъ, требовавшій распространенія на судъ ассизъ 463 ст. кодекса ⁴⁾.

Несправедливо было бы, на основаніи указанныхъ нами недостатковъ французскаго законодательства, осуждать все французское судопроизвод-

ство, дѣйствія судей, прокурора и присяжныхъ. Извѣстно (авторъ самъ нѣсколько разъ, слѣдя за дѣлопроизводствомъ, могъ убѣдиться въ томъ), что многіе президенты умѣренно пользуются предоставленною имъ властью, и далеки отъ мысли стѣснить защиту; они скорѣе способствуютъ ей, облегчаютъ адвокатамъ постановку вопросовъ для защиты важныхъ доводовъ, не препятствуютъ свободѣ слова, въ заключительной рѣчи стараются по возможности устранить все, что можетъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ. Отрадное явленіе представляетъ президентъ, который при производствѣ дѣла о крупномъ воровствѣ пріостановилъ процессъ, когда явилось сомнѣніе въ виновности подсудимаго и сдѣлалъ распоряженіе о переслѣдованіи дѣла; послѣ чего невинность подсудимаго была признана какъ прокуроромъ, такъ и присяжными. Не менѣе отрадно видѣть прокуроровъ, которые, вопліи сознавая значеніе своего положенія, въ интересахъ защиты вносятъ въ свой списокъ тѣхъ свидѣтелей и экспертовъ, въ которыхъ нуждается адвокатъ, но не можетъ пригласить ихъ по несостоятельности подсудимаго; нерѣдко также прокуроры, видя что процессъ клонится въ пользу подсудимаго, берутъ назадъ обвиненіе, или соглашаются, чтобы присяжнымъ сдѣланы были вспомогательные (эвентуальные) вопросы, утвердительный отвѣтъ на которые значительно ослабляетъ обвиненіе. Но во всякомъ случаѣ можно опасаться злоупотребленій вслѣдствіе того, что законъ предоставляетъ президенту и прокурору слишкомъ большую и до такой степени неясно опредѣленную власть, что почти невозможно ограничить предѣлы ея. Такъ-называемая распорядительная власть (*pouvoir discrétionnaire*) президента и вступительная рѣчь прокурора (*exposé*) тѣмъ опаснѣе, что законъ и судебная практика дозволяютъ президенту и прокурору употреблять такіа средства, вредное вліяніе которыхъ на присяжныхъ часто не сознаетъ даже самый благоразумный чиновникъ. Опытъ показываетъ, что вслѣдствіе ревности къ службѣ и желанія открыть виновнаго, желанія, которое само по себѣ очень похвально, президентъ и прокуроръ прибѣгаютъ къ крайнимъ средствамъ, чтобы достигнуть своей цѣли, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе возбуждаетъ общее вниманіе, общее озлобленіе, и это настроеніе невольно дѣйствуетъ и на чиновниковъ, или когда въ смутное время правительство выкажетъ непремѣнное желаніе, чтобы извѣстный подсудимый былъ осужденъ. Прослѣдя нѣсколько французскихъ процессовъ, нельзя не замѣтить, что во все время дѣлопроизводства, съ цѣлью вынудить у подсудимаго признаніе, съ нимъ обращаются какъ съ виновнымъ. Не обращаютъ должнаго вниманія на то, что положеніе президента во Франціи иное, чѣмъ въ Англіи, гдѣ президентъ не можетъ самъ допрашивать подсудимаго. Французскій способъ допроса легко можетъ повредить безпристрастію предсѣдателя. Много вредятъ дѣлу колебанія самаго кассационнаго суда относительно того, что разрѣ-

шено председателю и что нѣтъ; сверхъ того, нерѣдко кассационный судъ оправдываетъ сомнительные поступки президента, желая тѣмъ устранить большія издержки, которыя повлекъ бы за собою приговоръ кассациі.

Несправедливо также было бы не признать, что присяжные во Франціи добросовѣстно исполняютъ свою обязанность, не смотря на всю неудовлетворительность французскихъ судебныхъ учреждений. Граждане, избранные въ присяжные, доказываютъ на себѣ, что справедливость приговора не обусловливается юридическимъ образованіемъ. Здравый смыслъ и опытность лучшія средства для рѣшенія вопроса о виновности, если только ясно и просто будутъ представлены присяжнымъ необходимыя доказательства, если прокуроръ, защитникъ и председатель будутъ добросовѣстно исполнять свою обязанность. Изъ опыта видно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда постановлено было несправедливое рѣшеніе, оказываются виновными не присяжные, но законодательство или тѣ лица, которыя должны принимать участіе въ производствѣ процесса. Разсмотрѣвъ всѣ жалобы на французскихъ присяжныхъ, мы увидимъ, что онѣ заключаются въ томъ: 1) что несправедливо были оправданы виновные; 2) что присяжные находятъ обстоятельства смягчающія вину подсудимаго въ такихъ случаяхъ, когда ихъ вовсе нѣтъ; 3) что часто смягчаютъ обвиненіе, вслѣдствіе чего подсудимый приговаривается къ менѣе тяжкому наказанію, напр., вмѣсто наказанія за преступленіе, къ наказанію за проступокъ; 4) что бываютъ случаи несправедливаго осужденія присяжными.

Неизлишнимъ будетъ ближе разсмотрѣть эти жалобы.

I. Разбирая обвиненіе суда присяжныхъ по поводу несправедливаго оправданія подсудимыхъ, прежде всего мы повторимъ вышеприведенное замѣчаніе, что тому, кто самъ не присутствовалъ при судопроизводствѣ, чрезвычайно трудно судить, справедливо или нѣтъ было рѣшено дѣло.

Причины оправданія виновнаго могутъ быть слѣдующія:

1) Сомнѣніе присяжныхъ на счетъ виновности подсудимаго. Это бываетъ преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ есть вопросы судебной медицины, рѣшаемые при помощи экспертовъ,—въ особенности, если между экспертами существуетъ разногласіе, или если экспертъ не внушаетъ къ себѣ полного довѣрія, или, наконецъ, если защитникъ указываетъ на противорѣчіе заключенія экспертовъ съ новѣйшими выводами науки.

2) Суровость кары, которой подвергся бы подсудимый, если бы присяжные объявили его виновнымъ. Присяжныхъ возмущаетъ рѣзкій разладъ положительнаго закона съ общимъ правосознаніемъ народа; къ тому же они очень хорошо знаютъ, что еслибъ они даже указали въ вердиктѣ на существованіе смягчающихъ обстоятельствъ, то это мало помогло бы подсудимому, такъ какъ мѣра наказанія, къ которой судьи приговорили бы его, было бы все еще слишкомъ жестокой.

3) Во множествѣ случаевъ сами эксперты признають, что хотя подсудимаго и нельзя считать вполне сумасшедшимъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ замѣтны признаки умственного расстройства, которые уменьшаютъ вѣнненіе. Еслибы въ такихъ случаяхъ присяжные, подобно тому какъ это принято въ большинствѣ нѣмецкихъ законодательствъ, вправѣ были прибавлять въ своемъ вердиктѣ о существованіи ослабленной вѣннености, то они, конечно, не оправдали бы подсудимаго. Но французскіе присяжные по закону не имѣютъ такого права; даже указаніе на смягчающія обстоятельства не всегда ведетъ къ цѣли, ибо степень наказанія, налагаемая на подсудимаго, все еще слишкомъ высока. Такимъ образомъ присяжнымъ остается единственный выходъ — объявить подсудимаго невиновнымъ.

4) Неправильности, допущенныя при производствѣ предварительнаго слѣдствія, неправильности, которыя иногда являются въ возмутительной формѣ, каково, на примѣръ, несправедливое или слишкомъ продолжительное содержаніе обвиняемаго подъ стражей. Нерѣдко также причиной оправданія бываетъ пристрастіе прокурора или президента на публичномъ разбирательствѣ. Присяжные, возмущенные поведеніемъ должностныхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ процесса, начинаютъ сильно сомнѣваться, дѣйствительно ли виновенъ подсудимый, къ которому относятся съ такимъ явнымъ предубѣжденіемъ.

5) Наконецъ, свойственный присяжнымъ способъ воззрѣнія на данное преступленіе. Присяжные, по самому характеру своему, какъ люди близко знакомые съ жизнью, часто смотрятъ на дѣло совершенно нѣмыми глазами, чѣмъ официальные судьи; тамъ, гдѣ ученый судья, придерживающійся мертвой буквы закона, видитъ присутствіе злаго умысла, присяжные находятъ, что обвиняемый при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ поставленъ жизнью, не могъ даже считать своего дѣянія преступнымъ.

II. Обширное поле для нападокъ на судъ присяжныхъ представляютъ тѣ вердикты, въ которыхъ присяжные указываютъ на существованіе смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ. Мы уже сказали выше какъ неосновательно мнѣніе тѣхъ писателей, которые вообще порицають законодательство 1832 г. за принятіе начала смягчающихъ обстоятельствъ. Эти писатели забываютъ, что коль скоро они признають вредъ теоріи устрашенія, подъ вліяніемъ которой написанъ уголовный кодексъ 1808 г., то они необходимо должны придти къ заключенію, что дозволеніе присяжнымъ прибавлять въ своемъ приговорѣ о смягчающихъ обстоятельствахъ вытекаетъ изъ самой сущности уголовного законодательства по той простой причинѣ, что нѣтъ двухъ уголовныхъ случаевъ безусловно сходныхъ между собою, что при одномъ и томъ же преступленіи существуетъ безчисленное множество степеней и оттѣнковъ вины. Ни одинъ законодатель не въ состояніи предвидѣть всѣхъ возможныхъ комбинацій, какія могутъ

встрѣтись въ судебной практикѣ, а потому дозволеніе указывать на смягчающія обстоятельства служить лучшимъ средствомъ для того, чтобы справедливо соразмѣрять наказаніе съ величиною вины. Достоверно извѣстно, что карательная сила уголовного правосудія значительно увеличилась во Франціи съ 1832 г., такъ какъ случаи оправданія виновнаго сдѣлались гораздо рѣже сравнительно съ періодомъ до 1832 г., когда присяжные не имѣли права прибавлять въ вердиктѣ, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія, и потому объявляли его невиннымъ, если находили, что наказаніе, слѣдующее ему по закону, противорѣчитъ правосознанію народа ⁵). Пусть каждый разумный законодатель убѣдится, что успѣшное дѣйствіе уголовныхъ законовъ обеспечивается не суровостью каръ, а увѣренностью, что ни одинъ виновный не избѣгнетъ справедливаго наказанія!

Смягчающія обстоятельства принимаются присяжными преимущественно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Когда присяжные во время производства процесса приходятъ къ убѣжденію, что подсудимый находится въ состояніи такъ-называемой ослабленной вмѣняемости, т. е. что онъ дѣйствовалъ безъ полного сознанія. Напримѣръ, когда врачи объявляютъ, что хотя у подсудимаго и не обнаружилось полного умопомѣшательства, но тѣмъ не менѣе онъ дѣйствовалъ уже не въ здоровомъ умѣ. Особейно важны тѣ случаи, когда обманъ чувствъ у подсудимаго принялъ такіе размѣры, при которыхъ наступаетъ искаженіе сознанія.

2) Когда присяжные находятъ, что подсудимый былъ вызванъ на преступное дѣяніе, чего, однакожъ, они не имѣютъ права указать въ вердиктѣ, такъ какъ кодексъ уже слишкомъ коротко говоритъ о провокаціи и потому президентъ не можетъ предлагать присяжнымъ вопроса объ этомъ обстоятельстве.

3) Самый способъ постановки вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ, тоже нерѣдко подаетъ поводъ къ принятію смягчающихъ обстоятельствъ. Присяжные убѣждены, что въ данномъ случаѣ мѣра наказанія должна быть уменьшена, но вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предложенъ, не позволяетъ имъ выразить съ точностью ихъ мнѣнія. Такъ, наприм., вопросъ, формулированный по мертвой буквѣ закона, предполагаетъ существованіе у преступника злаго умысла, тогда какъ присяжные ясно видятъ, что въ рассматриваемомъ случаѣ вовсе не было того, что называется преступною цѣлью, наприм. когда обвиняемый, совершая извѣстное дѣяніе, имѣлъ въ виду только пошутить. Подобнымъ же образомъ объясняется, что въ дѣлахъ объ умерщвленіи лица съ его согласія присяжные, объявляя подсудимаго виновнымъ, прибавляютъ, что онъ заслуживаетъ снисхожденія.

4) Разногласіе между присяжными. Присяжные, потерявъ всякую на-

жду придти къ единогласному рѣшенію, часто избирають средній путь — объявляютъ подсудимаго виновнымъ съ присовокупленіемъ, что находятъ его заслуживающимъ снисхожденія.

5) Нерѣдко присяжные прибѣгаютъ къ смягчающимъ обстоятельствамъ по той причинѣ, что наказаніе, которое повлекъ бы за собою безусловный обвинительный вердиктъ, слишкомъ несоразмѣрно съ виною подсудимаго и слишкомъ противорѣчитъ общему правосознанію. Иногда законъ угрожаетъ за извѣстное преступленіе безусловно опредѣленнымъ наказаніемъ, между тѣмъ какъ это преступленіе допускаетъ различные степени виновности, каковы, напримѣръ, дѣтубійство или убійство неумышленное. Тотъ, кто порицаетъ присяжныхъ за ихъ снисходительность въ подобныхъ случаяхъ, ссылаясь на то, что они не должны совсѣмъ думать о наказаніи, — забываетъ, что законъ 1832 г., по словамъ французскихъ криминалистовъ, вызванъ былъ преимущественно желаніемъ предоставить народному правосознанію вліяніе на опредѣленіе наказанія. Въ послѣднее время возникло ученіе; доказывающее, что будтобы законодатель 1832 г., дозволяя указывать въ вердиктѣ на *circonstances atténuantes*, имѣлъ въ виду смягчающія обстоятельства только факта преступленія и не думалъ давать присяжнымъ права руководствоваться также и юридическими соображеніями. Но эта теорія лишена всякаго основанія. Многіе юристы негодуютъ на то, что присяжные допускаютъ смягчающія обстоятельства даже въ случаяхъ отцеубійства. Но эти господа забываютъ, что законъ возмутительнымъ образомъ угрожаетъ смертною казнью за неумышленное отцеубійство (даже какъ бы ни былъ виноватъ самъ отецъ, вызывая на преступленіе), между тѣмъ какъ опытъ показываетъ, что часто отцы являются несносными деспотами въ семействѣ и позволяютъ себѣ невѣроятныя жестокости въ отношеніи дѣтей, такъ что смертная казнь за убійство такого отца оскорбляетъ нравственное чувство и противорѣчитъ требованіямъ справедливости. Порицателямъ системы *circonstances atténuantes* не мѣшало бы также обратить вниманіе на то, что нерѣдко присяжные, принимая смягчающія обстоятельства въ дѣлѣ объ убійствѣ, тѣмъ самымъ предотвращали юридическое убійство ⁶⁾. Замѣчательно, что число случаевъ, въ которыхъ признаются смягчающія обстоятельства, годъ отъ году уменьшается. Такъ въ 1857 г. смягчающія обстоятельства допущены были въ отношеніи 2,904 подсудимыхъ, а въ 1861 г. только въ отношеніи 2,784. Оказывается, что въ дѣлахъ о предумышленномъ убійствѣ смягчающія обстоятельства признаны въ 74, въ дѣлахъ о дѣтубійствѣ — въ 141, въ дѣлахъ о поддѣлкѣ торговыхъ документовъ — въ 123, въ дѣлахъ объ изнасилованіи — въ 48 случаяхъ. Весьма важенъ тотъ фактъ, что ассизные суды въ 985 случаяхъ, вслѣдствіе указанія присяжныхъ на смягчающія обстоятельства, уменьшили обыкновенное нака-

заніе на 2 степени, и тѣмъ показали, что коронные судьи сами одобряють приговоръ присяжныхъ 7).

III. Многіе жалуются на то, что присяжные прибѣгаютъ къ смягчающимъ обстоятельствамъ или съ цѣлью предотвратить слѣдующую по закону смертную казнь, или съ цѣлью низвести преступное дѣяніе, обозначенное въ обвинительномъ актѣ преступленіемъ, на степень проступка для того, чтобы подсудимый могъ быть приговоренъ только къ исправительному наказанію. Присяжные дѣйствительно очень часто руководствуются первымъ изъ этихъ соображеній. Изъ статистическихъ таблицъ оказывается, что въ 1861 г. въ 301 случаѣ, благодаря принятію смягчающихъ обстоятельствъ, устранена была смертная казнь, которая иначе по закону непременно имѣла бы мѣсто. Такъ, наприм., по обвиненіямъ въ предумышленномъ убійствѣ смертный приговоръ предотвращенъ былъ въ 74 случаяхъ, по обвиненіямъ въ отравленіи — въ 15, по дѣламъ о поджогѣ — въ 55, по дѣламъ объ отцеубійствѣ — въ 13, по обвиненіямъ въ дѣтоубійствѣ — въ 141 случаѣ. Мы напомнимъ противникамъ системы *circonstances atténuantes*, что Луи-Филиппъ, давая свое согласіе на изданіе закона 28 апрѣля 1832 года о смягчающихъ обстоятельствахъ, имѣлъ въ виду именно ту цѣль, чтобы голосъ народа могъ высказаться въ отдѣльныхъ случаяхъ относительно смертной казни. Король желалъ, чтобы смертная казнь этимъ путемъ постепенно выходила изъ употребленія. Обращаемъ вниманіе читателей на тотъ фактъ, что въ случаяхъ, въ которыхъ вердиктъ присяжныхъ устранялъ примѣненіе смертной казни, коронные судьи понижали наказаніе на двѣ степени, такъ, наприм., въ 1841 г. это было въ 129 случаяхъ; въ 1861 г.: по дѣламъ о предумышленномъ убійствѣ — въ 28, по дѣламъ о поджигательствѣ — въ 44, по дѣламъ о дѣтоубійствѣ — въ 137 случаяхъ.

Чтобы показать къ какимъ страннымъ явленіямъ приводитъ иногда во Франціи борьба общественнаго мнѣнія противъ смертной казни, борьба, усиливающаяся съ каждымъ днемъ, — мы сообщимъ здѣсь слѣдующіе два интересные случая. Въ одномъ процессѣ, производившемся по обвиненію дочери въ убійствѣ своего отца, присяжные объявили подсудимую виновной, присовокупивъ, однакоже, что она дѣйствовала безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія. Присяжные полагали, что послѣ такой прибавки въ вердиктъ подсудимая не можетъ быть присуждена къ смертной казни, а потому и не упомянули ничего о наличности смягчающихъ обстоятельствъ. Когда же ассизный судъ, не смотря на оговорку вердикта, приговорилъ подсудимую къ смерти, тогда только присяжные узнали, что ихъ рѣшеніе оправдываетъ смертный приговоръ, такъ какъ законъ угрожаетъ смертю и за неумышленное отцеубійство. Тогда присяжные объявивъ, что они ошиблись, хотѣли приступить къ новому совѣщанію. Но ассизный судъ не дозволилъ имъ этого. Послѣ чего присяжные

*

единогласно просили о помилованіи подсудимой. Въ другомъ случаѣ одинъ присяжный объявилъ, что онъ противникъ смертной казни; за это ассизный судъ приговорилъ его къ денежному штрафу на томъ основаніи, что присяжный своимъ заявленіемъ обнаружилъ, что онъ уклоняется отъ исполненія своей обязанности. Излишне было бы говорить, что это рѣшеніе ассизнаго суда не дѣлаетъ ему большой чести ⁸⁾.

Точно также справедливо и второе обвиненіе присяжныхъ, именно, что во многихъ случаяхъ, вслѣдствіе принятія присяжными смигчающихъ обстоятельствъ, подсудимый приговаривается вмѣсто уголовнаго наказанія — какъ бы слѣдовало по смыслу обвинительнаго акта, — только къ исправительному. Статистическія свѣдѣнія показываютъ, что такихъ случаевъ, когда обвиненные присуждены, на основаніи вердикта присяжныхъ, къ исправительному наказанію, было: наприм., по дѣламъ о неумышленномъ убійствѣ — 11; по дѣламъ о дѣтоубійствѣ — 17; по дѣламъ о нанесеніи ранъ и увѣчій, отъ которыхъ послѣдовала смерть — 15; по дѣламъ о квалифицированныхъ кражахъ — 26. Но это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что безусловное обвиненіе подсудимаго, по смыслу обвинительнаго акта, повлекло бы за собой обезчещающее наказаніе, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ вина преступника вовсе не такъ велика, чтобы можно было подвергать его неизгладимому позору, — какъ, наприм., въ одномъ случаѣ дѣтоубійства, когда преступленіе совершено было безъ опредѣленнаго злаго умысла; или въ одномъ случаѣ нанесенія ранъ, которое, правда, сопровождалось двадцатидневною болѣзнью, но болѣзнь эта, какъ оказалось, продлилась вслѣдствіе особенныхъ, незаписанныхъ отъ обвиняемаго причинъ.

IV. Что присяжные иногда осуждаютъ невинныхъ — этого нельзя отрицать, но мы еще разъ повторяемъ, что въ большинствѣ случаевъ вина несправедливаго осужденія падаетъ не на присяжныхъ, а на судей и прокуроровъ, — или потому, что при производствѣ предварительнаго слѣдствія допущены были существенныя ошибки, которыя привели къ невѣрному результату, имѣвшему вліяніе на публичное разбирательство, а слѣдовательно и на присяжныхъ; или потому, что прокуроръ пристрастно настаивая на обвиненіи, настроилъ извѣстнымъ образомъ присяжныхъ; или, наконецъ, потому, что защитникъ не исполнилъ своей обязанности, не выставивъ на видъ сомнѣній относительно вины подсудимаго. Кромѣ того, не нужно забывать, что во всякомъ случаѣ, если вердиктъ присяжныхъ былъ несправедливъ, то въ осужденіи невиннаго виноваты столько же присяжные, сколько и ассизные судьи, ибо эти послѣдніе имѣли по закону полнѣйшую возможность сдѣлать вердиктъ недѣйствительнымъ, объявивъ, что присяжные ошиблись относительно существа дѣла. Замѣтимъ здѣсь еще, что въ тѣхъ случаяхъ, когда кассационный судъ отмѣняетъ вердиктъ и передаетъ дѣло для новаго размо-

трѣнія въ другой судъ присяжныхъ, то нерѣдко бываетъ, что второе джюри оправдываетъ подсудимаго, между тѣмъ какъ первое признало его виновнымъ. Напримѣръ, въ 1861 г. такихъ случаевъ было 25 и въ 9 изъ нихъ второй судъ присяжныхъ оправдалъ подсудимыхъ. Но отсюда никакъ нельзя заключить, что эти 9 человекъ невинно были осуждены первымъ джюри. Различіе приговоровъ, какъ показываетъ опытъ, часто происходитъ оттого, что второе разбирательство приводитъ къ совершенно иному результату, чѣмъ первое, — или потому, что въ промежутокъ между обоими процессами многіе свидѣтели успѣли умереть, или потому, что свидѣтели, подвергаясь въ это время разнаго рода вліяніямъ, показали на вторыхъ ассизахъ не такъ, какъ говорили на первыхъ⁹⁾.

Теперь мы рассмотримъ еще два важныя условія, отъ которыхъ существенно зависитъ успѣхъ дѣйствій джюри, именно: 1) законодательство относительно состава присяжнаго суда, равно какъ существующія во Франціи мнѣнія по этому вопросу и указанія опыта; 2) систему отвода присяжныхъ.

І. 1848 г. составляетъ, какъ извѣстно, поворотъ въ законодательствѣ о составѣ суда присяжныхъ. На мѣсто дѣйствовавшей до тѣхъ поръ системы ценза и *saracités*, законъ 1848 г. принялъ широкое выборное начало и постановилъ, чтобы всѣ лица, достигшія 50 лѣтняго возраста и пользующіяся политическими и гражданскими правами (за исключеніемъ нѣкоторыхъ классовъ, неспособныхъ, по мнѣнію законодателя) вносились въ общій списокъ присяжныхъ. Изъ общаго списка составлялись списки по кантонамъ. Для этой цѣли въ каждомъ кантонѣ учреждалась особая коммисія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи изъ выборныхъ должностныхъ лицъ общины. Списокъ для департамента составлялся также не административными чиновниками, а лицами независимыми отъ правительства. Новый законъ дѣйствовалъ съ значительнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ, какъ до 1848 г. общій списокъ присяжныхъ заключалъ только 27,000 лицъ, которымъ давалась судебная власть надъ населеніемъ въ 35 милліоновъ, — въ 1849 г. мы видимъ въ общихъ спискахъ 1.370,540 гражданъ, способныхъ исполнять обязанность присяжнаго. Нечего и говорить, что во Франціи высказывались самыя разнородныя мнѣнія о достоинствахъ и недостаткахъ закона 1848 г. (что зависѣло отъ различія политическихъ убѣжденій лицъ судившихъ о новомъ законѣ). Но этотъ законъ имѣлъ то неоспоримое достоинство, что расширивъ списокъ присяжныхъ, онъ распредѣлилъ повинность исполненія обязанности присяжнаго между большимъ числомъ лицъ, увеличилъ интересъ гражданъ къ отправленію уголовного правосудія и придалъ суду присяжныхъ болѣе народный характеръ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что, по свидѣтельству президентовъ ассизныхъ судовъ, на основаніи новаго закона, въ списокъ попали такія лица, которыя по

прежнимъ законамъ не могли быть присяжными, между тѣмъ какъ эти лица, не смотря на бѣдность ихъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ со стороны своихъ согражданъ за ихъ высокій практическій смыслъ и богатую опытность, а по твердости характера были лучшими присяжными ¹⁰⁾. Не ускромь, однакоже, что многіе жаловались на новый законъ по той причинѣ, что коммисія, составлявшая списокъ, часто бывала крайне неразборчива въ выборѣ присяжныхъ, или безъ надлежащей оцѣнки качествъ выбираемаго помѣщала въ списокъ такихъ лицъ, для которыхъ, по мнѣнію коммисіи, служба присяжнаго менѣе всего могла быть обременительной. Замѣчено также, что во многихъ общинахъ нѣкоторые зажиточные граждане, опасаясь, что ихъ отсутствіе изъ дому, во время исправленія должности присяжнаго, произведетъ большое разстройство въ ихъ дѣлахъ, употребляли всѣ средства, чтобы не попасть въ общій списокъ, и при помощи своихъ друзей въ коммисіи легко достигали своей цѣли.—Въ новомъ законѣ 1853 г. о составѣ присяжнаго суда народный элементъ побѣжденъ былъ элементомъ бюрократическимъ. Въ настоящее время составленіе списка присяжныхъ для департамента находится въ рукахъ мировыхъ судей (слѣдовательно чиновниковъ, зависящихъ отъ правительства) и меровъ (т. е. лицъ, назначаемыхъ тоже правительствомъ); очередные списки составляются префектами и мировыми судьями ¹¹⁾. Изъ статистическихъ данныхъ за 1861 г. видно, что въ общіе списки теперь вносятся 129,300 человекъ, а въ годичные списки, составляемые второю коммисіею—43,100. Если мы сравнимъ мнѣнія, существующія теперь во Франціи по вопросу о составѣ джюри, то увидимъ, что они въ высшей степени различны смотря по политическимъ убѣжденіямъ лицъ рѣшающихъ этотъ вопросъ. Здравомыслящіе люди крайне сомнѣваются, чтобы префекты могли выбирать достойныхъ присяжныхъ. Въ послѣднее время высказаны были самые противоположные взгляды относительно того, какими качествами должны обладать присяжные. Такъ, наприм., Фремонъ (*Revue critique de législation*. 1861: стр. 324, 333) требуетъ, чтобы въ присяжные выбирались люди наиболѣе независимые по своему богатству, а также, чтобы въ данномъ случаѣ на ассизы не приглашались присяжные, живущіе по близости отъ того мѣста гдѣ совершенно преступленіе. Напротивъ, другіе (Fossé и Paringault въ *Recueil de l'Académie de législation de Toulouse*; стр. 279 — 284) находятъ необходимымъ, чтобы присяжные для даннаго процесса назначались изъ числа тѣхъ, которые живутъ недалеко отъ мѣста совершенія разбираемаго преступленія, на томъ основаніи, что присяжнымъ должны быть хорошо извѣстны мѣстные нравы, образъ жизни участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, даже мѣстное нарѣчіе, на которомъ объясняются свидѣтели,— въ противномъ случаѣ легко могутъ пострадать интересы защиты подсудимаго. Не менѣе основательно доказываютъ, что еслибъ исполненіе

обязанности присяжнаго поручать только самымъ богатымъ, то приговоръ присяжныхъ скоро потерялъ бы всякое довѣріе въ глазахъ народа.

II. Во Франціи многіе возстаютъ противъ системы отвода присяжныхъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, порицаютъ право отвода безъ объясненія причинъ (*recusation peremptoire*), потому что, какъ показываетъ опытъ, адвокатъ часто пользуется этимъ правомъ только съ цѣлью угодить лицамъ, не желающимъ быть присяжными при разборѣ извѣстнаго дѣла, и освобождаетъ этихъ лицъ отъ исполненія ихъ обязанности. Во-вторыхъ, говорятъ, что адвокатъ легко можетъ изъ своекорыстныхъ расчетовъ удалить отъ участія въ рѣшеніи дѣла тѣхъ присяжныхъ, которые по своему уму, опытности, или по своему строгому безпристрастію могутъ имѣть невыгодное для адвоката вліяніе на своихъ товарищей и склонность ихъ къ осужденію обвиняемаго; такимъ образомъ часто устраняются наиболѣе достойные изъ присяжныхъ. Фремонъ желаетъ, чтобы подсудимый имѣлъ право отводить только трехъ присяжныхъ. Но опытные криминалисты (*Paringault*, въ *Recueil de l'Académie de Toulouse*, стр. 285; *Hélie*, въ своемъ *Traité de l'instruction criminelle*, vol. 8. стр. 407) совершенно справедливо вооружаются противъ подобнаго рода предложеній, которыя потрясли бы судъ присяжныхъ въ самомъ существѣ его. Лица, рѣшающія дѣло въ качествѣ присяжныхъ, суть какъ бы третейскіе судьи, приговору которыхъ подчинился подсудимый, и потому лучше всего предоставить этому послѣднему право отвода безъ указанія причинъ¹²⁾.

Французская система отвода присяжныхъ страдаетъ еще слѣдующими тремя недостатками, которые могутъ вредить справедливому рѣшенію дѣла:

1) Какъ бы ни было велико число подсудимыхъ по одному процессу, всѣ они вмѣстѣ пользуются правомъ отвода только въ отношеніи девяти присяжныхъ.

2) Коль скоро подсудимый отвелъ безъ объясненія причинъ девятихъ присяжныхъ, то онъ не можетъ уже отвести ни одного изъ присяжныхъ, имена которыхъ будутъ вынуты изъ урны послѣ того, хотя бы даже имѣлъ вполнѣ основательныя причины къ отводу какого-либо присяжнаго.

3) Отъ воли прокурора зависитъ допустить или не принять заявленный подсудимымъ отводъ присяжнаго.

УШ. ФРАНЦУЗСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

ВЪ СВЯЗИ СЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть особо каждую отдѣльную часть французскаго судопроизводства и показать, на сколько законодательство или судебная практика препятствуетъ постановленію справедливаго приговора, давая возможность опасно вліять на присяжныхъ ¹⁾).

I. Сложность французской процедуры. Въ Англіи постоянно процессъ касается одного подсудимаго и, если онъ обвиненъ въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, то все-таки дѣло идетъ только объ одномъ изъ нихъ; чрезъ это облегчается положеніе присяжныхъ, такъ какъ имъ приходится обратить все свое вниманіе на одинъ пунктъ. Во Франціи же присяжные лишены этого преимущества: часто предъ судомъ находятся въ одно и тоже время нѣсколько подсудимыхъ; подсудимый долженъ отвѣтствовать въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняютъ; вслѣдствіе чего затрудняется вѣрное пониманіе доказательствъ, относящихся до каждаго отдѣльнаго пункта, такъ что нерѣдко присяжные рѣшительно путаются среди громадной массы вопросовъ, которые имъ приходится рѣшить относительно всѣхъ подсудимыхъ и всѣхъ преступленій, о которыхъ идетъ дѣло. Кромѣ того, во Франціи въ уголовномъ процессѣ допускается гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, что не только замедляетъ ходъ дѣла, но и легко вовлекаетъ въ заблужденіе присяжныхъ, когда въ умѣ ихъ смѣшивается касающееся исключительно гражданскаго иска съ тѣмъ, что относится собственно къ уголовному ²⁾).

II. Во французскомъ судопроизводствѣ существуетъ одно учрежденіе, которое легко можетъ повредить правильному рѣшенію дѣла. Это—такъ

называемый *exposé* прокурора (Code, art. 305), рѣчь, которая излагаетъ, какъ выражается законъ, *le sujet de l'accusation* и имѣетъ мѣсто по прочтеніи обвинительнаго акта и произнесеніи вступительной рѣчи президентомъ. Такъ какъ характеръ *exposé* вовсе не опредѣленъ закономъ, то онъ вполне зависитъ отъ произвола прокурора. Кассационный судъ считаетъ прокурора вправѣ приводить въ этой рѣчи показанія, сдѣланныя свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи, излагать письменные документы и представлять въ самомъ дурномъ свѣтѣ поведеніе подсудимаго. Нельзя не согласиться съ Беранже, криминалистомъ весьма опытнымъ, что такой *exposé* можетъ поколебать безпристрастіе присяжныхъ при выслушаніи доказательствъ и повредить подсудимому.

Изъ опыта видно, что искусный прокуроръ, умѣющій сообразно съ своею цѣлью располагать имѣющимся матеріаломъ, такъ вліяетъ на присяжныхъ, что они уже не безпристрастно слѣдятъ за ходомъ судоговоренія.

III. Во французской судебной практикѣ существуетъ весьма вредный обычай приводить въ процессъ данныя изъ предварительнаго слѣдствія. Прокуроръ или предсѣдатель прочитываетъ болѣе невыгодныя для подсудимаго показанія его или свидѣтеля, сдѣланныя на предварительномъ слѣдствіи и измѣненныя при главномъ производствѣ, — приводитъ внесенныя въ протоколъ предварительнаго слѣдствія показанія тѣхъ свидѣтелей, которые не присутствуютъ въ засѣданіи суда (если напр. они умерли въ промежуткѣ времени между предварительнымъ слѣдствіемъ и главнымъ производствомъ. Опытъ показываетъ, что присяжные часто вѣрятъ этимъ даннымъ изъ предварительнаго слѣдствія, такъ какъ въ глазахъ ихъ протоколъ—документъ вполне доказательный, тѣмъ болѣе если такіе авторитетные чиновники, какъ прокуроръ и предсѣдатель, защищаютъ силу доводовъ, заключающихся въ немъ и считаютъ ложными новыя показанія подсудимаго или свидѣтеля. Мало знакомые съ тайнами правосудія, присяжные не знаютъ, какъ сомнительны эти документы, составленные тайнѣ, безъ всякаго контроля, составленные чиновниками, которыхъ нерѣдко руководитъ лишь излишняя ревность къ исполненію обязанностей службы³⁾. Чтоже касается чтенія письменныхъ показаній, сдѣланныхъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелями, которые не могутъ присутствовать въ засѣданіи суда, то этотъ порядокъ, постоянно поддерживаемый кассационнымъ судомъ, совершенно противорѣчитъ принципу устности судопроизводства, на которомъ по закону (Code, art. 317) долженъ быть основанъ и допросъ свидѣтелей; противорѣчитъ также правилу, въ силу котораго присяжнымъ запрещается брать съ собою въ совѣщательную комнату письменныя показанія свидѣтелей (Code, art. 341).

Прочтеніе показаній отсутствующихъ свидѣтелей нарушаетъ основное начало, по которому судья долженъ видѣть и слышать свидѣтелей,

чтобъ имѣть возможность судить, на сколько они заслуживаютъ довѣрія; оно затрудняетъ защиту, лишая ее возможности подвергнуть свидѣтелей перекрестному допросу. Кто можетъ ручаться, что такого рода показанія, негарантированнаго надлежащимъ образомъ, не произведутъ сильнаго впечатлѣнія на присяжныхъ?

IV. Опасное вліяніе на присяжное судопроизводство во Франціи оказываетъ постановленіе, по которому присяжные должны основывать свой приговоръ на внутреннемъ убѣжденіи (Code, art. 342). Ненависть, господствовавшая при введеніи суда присяжныхъ, къ старой теоріи судебныхъ доказательствъ, связывавшей коллегіи судей-юристовъ; сверхъ того, надежда, что присяжные, освобожденные отъ всякихъ правилъ о доказательствахъ, чаще чѣмъ прежде будутъ осуждать подсудимыхъ,—вызвали громкую и такъ пріятно звучащую фразу, что въ произнесеніи приговора присяжные должны слѣдовать лишь голосу своей совѣсти.

Эта такъ-называемая система внутреннего убѣжденія не можетъ не принести вреда; она лишаетъ присяжныхъ всякой опоры; вмѣсто того, чтобы требовать отъ нихъ разумной оцѣнки доказательствъ, законодательство ввело такой порядокъ, при которомъ сужденіе ихъ лишалось прочной основы, при которомъ присяжные невольно должны подчиняться предвзятымъ мнѣніямъ и неопредѣленному общему впечатлѣнію. Еслибы французскіе законодатели хоть немного познакомились съ духомъ англійскаго суда присяжныхъ, они увидѣли бы, что онъ оказывается благотворнымъ преимущественно потому, что англійскіе присяжные при оцѣнкѣ доказательствъ руководствуются мудрыми, искони принятыми правилами. Главный вредъ французской системы внутреннего убѣжденія заключается въ томъ, что вслѣдствіе ея судопроизводство совершенно утрачиваетъ свой строго-юридическій характеръ. Въ Англіи предсѣдательствующій судья излагаетъ только тѣ основанія, которыя будучи разумно взвѣшены и оцѣнены, могутъ такъ убѣдить присяжныхъ, что не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ виновности подсудимаго. Во Франціи же, гдѣ все зависитъ отъ впечатлѣнія, какое произведетъ процессъ на присяжныхъ, прокуроръ употребляетъ всѣ старанія, чтобы склонить присяжныхъ своими доводами къ произношенію обвинительнаго приговора. Такимъ образомъ во Франціи часто употребляется, какъ средство для убѣжденія присяжныхъ, порицаніе прежняго поведенія подсудимаго, вслѣдствіе котораго отъ него можно ожидать всего дурнаго, а значить и преступленія. въ которомъ онъ обвиняется. Для этой цѣли призываются особые свидѣтели, которые предъ судомъ должны показать, что въ обществѣ распространено дурное мнѣніе о подсудимомъ и его семействѣ, или что вообще подсудимаго считаютъ способнымъ къ преступленію ⁴⁾).

Понятно, что и защитникъ вынужденъ идти тѣмъ же предосудительнымъ путемъ, какъ и прокуроръ, стараясь произвести на присяжныхъ

впечатлѣніе, выгодное для подсудимаго возбужденіемъ состраданія, общими фразами и декламацией. Хуже всего то, что подъ вліяніемъ этой системы, французскіе присяжные недостаточно ясно сознаютъ, что прежде всего необходимо удостовѣриться въ самомъ фактѣ преступленія; о которомъ идетъ рѣчь, что оцѣнка доказательствъ и вопросъ: совершилъ ли преступленіе подсудимый, — могутъ имѣть мѣсто тогда только, когда не останется сомнѣнія, что преступленіе было совершено.

Вредъ несоблюденія такой логической послѣдовательности при разборѣ дѣла обнаруживается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательствомъ состава преступленія служить лишь техническое заключеніе экспертовъ ⁵⁾.

V. Не менѣе вреденъ распространенный во Франціи взглядъ, что присяжные ничто иное какъ судья факта. Къ этому взгляду французскихъ юристовъ привели: теорія, распространенная въ началѣ революціи, о необходимости строгаго раздѣленія власти и мнѣніе, будто и въ Англіи присяжные рѣшаютъ только вопросъ о фактѣ преступленія. Еслибы французскіе юристы, ссылаясь на Англію, ближе познакомились съ исторіей англійскаго суда присяжныхъ, они увидѣли бы, что тамъ этотъ взглядъ явился вслѣдствіе того, что первоначально на присяжныхъ смотрѣли какъ на свидѣтелей (почему, разумѣется, имѣлись въ виду лишь знанія ихъ относительно факта преступленія); что впоследствии этотъ взглядъ легко могъ удержаться, такъ какъ, на основаніи тогдашняго уголовного права Англіи, мѣра наказанія безусловно опредѣлялась закономъ, слѣд. подведенія даннаго случая подъ законъ (субсумція) было очень легко. Въ то время, когда и англійскіе судьи находились подъ страхомъ дурныхъ королей, они часто злоупотребляли этимъ взглядомъ на присяжныхъ, добиваясь отъ нихъ только утвердительнаго отвѣта относительно извѣстнаго факта, послѣ чего судьи имѣли полную возможность подвести этотъ фактъ подъ любой законъ, находя, напр., въ данномъ дѣланіи государственную измѣну, бунтъ и т. п. ⁶⁾:

Французамъ не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи еще въ 1670 г., благодаря энергіи судьи Вога на (Vaughan), было провозглашено начало, по которому присяжнымъ предоставлялась полная свобода при рѣшеніи дѣла. Съ тѣхъ поръ тамъ все болѣе и болѣе признается, что присяжные должны рѣшать также и юридическій вопросъ, на сколько это необходимо для рѣшенія вопросовъ о виновности.

Въ 1790 г. въ Англіи былъ изданъ законъ, по которому присяжные имѣютъ право рѣшать вопросъ юридическій въ процессахъ о печати, напр., составляетъ ли выраженіе, о которомъ идетъ рѣчь, преступленіе противъ законовъ о печати. Основанія, вызвавшія законъ 1790 г., примѣнимы также ко всѣмъ другимъ преступленіямъ, — съ этимъ соглашались всѣ благоразумные юристы, и въ современной, признанной новѣй-

шимъ законодательствомъ, судебной практикѣ присяжные говорятъ, что подсудимый виновенъ въ предумышленномъ убійствѣ, или въ кражѣ, или въ грабежѣ; если кто-нибудь обвиняется въ изнасилованіи, они могутъ объявить его невиннымъ въ изнасилованіи, а виновнымъ просто въ насиліи. Такимъ образомъ, произнося приговоръ, присяжные разбираютъ, какое именно преступленіе по закону составляетъ рассматриваемое дѣяніе. Присяжнымъ читается обвинительный актъ, въ которомъ говорится, что подсудимый совершилъ такое-то дѣйствіе, потому виновенъ въ предумышленномъ убійствѣ; присяжные, произнося — виновенъ, тѣмъ самымъ подводятъ преступное дѣяніе подъ извѣстный законъ.

Теорія, по которой присяжные должны рѣшать чисто-фактические вопросы, легла въ основаніе французскаго кодекса и постоянно поддерживается кассационнымъ судомъ. Ниже, говоря о постановкѣ вопросовъ, мы покажемъ, что ограниченіе дѣятельности присяжныхъ рѣшеніемъ вопроса о фактѣ преступленія оказываетъ дурное вліяніе на постановку вопросовъ. Одни изъ новѣйшихъ французскихъ юристовъ, напр. Базо (Bazot, *étude sur le jury*. Paris, 1862, стр. 2—44), поддерживаютъ взглядъ кассационнаго суда, между тѣмъ какъ другіе замѣчательные криминалисты защищаютъ лучший взглядъ и стараются помочь дѣлу, по крайней мѣрѣ часто указывая на разницу между тѣмъ и другимъ взглядомъ (преимущественно Бургиньонъ въ *jurisprudence du code*, vol. II. стр. 555 и Кубенъ въ *traité de procédure*, nr. 231). Непонятно, какимъ образомъ во Франціи часто еще не обращаютъ должнаго вниманія на законъ 1832 г., который имѣетъ важное значеніе относительно этой теоріи; ибо право присяжныхъ ссылаться на обстоятельства смягчающія вину подсудимаго заключаетъ уже въ себѣ право обсуждать юридическія послѣдствія ихъ приговора. Въ этомъ смыслѣ одиакъ извѣстный писатель (Pagés въ *Revue de législation*. 1851, стр. 301) говоритъ, что мнѣніе, будто присяжные имѣютъ право рѣшать только вопросъ о фактѣ, *plutôt fictif que rigoureusement pratique*. Лучшие французскіе юристы болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что во многихъ случаяхъ рѣшить вопросъ о виновности невозможно безъ юридической точки зрѣнія, напр. при подлогѣ, — что нерѣдко положеніе присяжныхъ будетъ въ высшей степени непрятно, если они должны ограничиться рѣшеніемъ вопроса о фактѣ преступленія, напр. при обвиненіи въ клеветѣ, въ оскорбленіи верховной власти. Въ такихъ случаяхъ присяжные знали бы, что, если имъ предоставлено рѣшить только, сказалъ ли подсудимый тѣ слова, о которыхъ идетъ дѣло, а вопросъ о виновности рѣшится не ими, а коронными судьями, то легко могутъ пренебречь и ихъ мнѣніемъ и вообще народнымъ правосознаніемъ.

VI. Выше мы уже высказали мнѣніе, что французскій процессъ основанъ на принципѣ обвиненія очень часто только по формѣ, въ сущности же въ немъ преобладаетъ инъвизиціонный принципъ, и съ обвиняемымъ во

все время дѣлопроизводства обращаются какъ съ виновнымъ. Справедливость этого мнѣнія вполне обнаружится, если мы примемъ въ соображеніе:

1) Что во Франціи допускается и при устныхъ разбирательствахъ призывать новыхъ свидѣтелей въ интересахъ обвиненія, отъ чего часто можетъ пострадать защита подсудимаго. Необходимо принять за правило, чтобы подсудимому предъ открытіемъ засѣданія были сообщены всѣ доказательства, которыя имѣетъ изложить противъ него обвинитель, напр., списокъ свидѣтелей и различные документы, относящіеся къ дѣлу. Правило это строго соблюдается въ Англіи и Шотландіи. Оно необходимо для того, чтобы подсудимый могъ собрать нужные свѣдѣнія, напр., о качествахъ свидѣтелей, и приготовиться къ защитѣ. Если же будетъ допущено приглашать уже во время самаго процесса свидѣтелей, о которыхъ подсудимый прежде ничего не зналъ, то такая неожиданность легко можетъ стѣснить защиту.

2) Французская судебная практика предоставляетъ президенту право приглашать въ свидѣтели такихъ лицъ, которыя по закону не имѣютъ право исполнить эту обязанность, или вслѣдствіе того, что признаны неспособными къ тому, напр. приговоренные къ гражданской смерти и дѣти, или же, какъ состоящіе съ подсудимымъ въ близкихъ степеняхъ родства. Если эти лица, напр. родственники, въ судъ не явятся, президентъ можетъ прочитать показанія, снятыя съ нихъ на предварительномъ слѣдствіи. Легко понять, что присяжные невольно подчиняются вліянію такихъ свидѣтельскихъ показаній.

3) Огромное зло приноситъ развитая во французскомъ законодательствѣ система такъ-называемыхъ свидѣтелей-понятыхъ (*témoins pour donner des renseignements*). Президентъ, въ силу своей распорядительной власти, во всякое время можетъ приглашать въ засѣданіе суда свидѣтелей не внесенныхъ въ списокъ. Но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ объяснить присяжнымъ, что эти лица призваны только для того, чтобы доставить свѣдѣнія (*renseignements*) о личности подсудимаго. Вѣрнымъ отличительнымъ признакомъ понятыхъ служить то, что они не приносятся къ присягѣ. Страшно ошибается законодатель, если воображаетъ, что присяжные будутъ смотрѣть на показанія понятыхъ иначе, чѣмъ на показанія свидѣтелей; изъ опыта видно, что въ этомъ отношеніи они не дѣлаютъ никакого различія, и такъ какъ должны рѣшать дѣло только по внутреннему убѣжденію, то легко могутъ совершенно невольно основать свой приговоръ на показаніяхъ понятыхъ⁷⁾.

4) Какъ слабъ обвинительный принципъ во французскомъ процессѣ видно изъ того, что обвиненіе во вредъ подсудимому можетъ быть измѣнено и даже возвышено вслѣдствіе новыхъ обстоятельствъ, обнаружившихся при судоговореніи. Между тѣмъ слѣдуетъ принять за правило (что

строго соблюдается въ Англіи), чтобъ обвиненіе, въ какомъ видѣ оно разѣ состоялось, было основаніемъ всего производства и рѣшенія дѣла.

VII. Успѣшной дѣятельности суда присяжныхъ во Франціи немало вредитъ роль, предписываемая закономъ президенту. Предоставляя ему опрометную опасную власть, законъ въ тоже время возлагаетъ на него такія обязанности, исполненіе которыхъ лишь затрудняетъ его. Между тѣмъ какъ англійскій предсѣдательствующій судья сохраняетъ, по своему положенію, полное безпристрастіе, и благодаря своему юридическому образованію, можетъ имѣть благотворное вліяніе на присяжныхъ,—во Франціи слѣдующіи три учрежденія служатъ причиной того, что дѣятельность президента суда приносить скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

А. Такъ-называемая распорядительная власть (*pouvoir discrétionnaire*), предоставленная президенту закономъ.

На основаніи 268 ст. кодекса, президентъ имѣетъ право принять всѣ мѣры, какія найдетъ полезными для открытія истины; причемъ законъ вполнѣ полагается на его совѣсть. Въ силу этой власти президентъ можетъ закрыть засѣданіе, если приглашенные эксперты высказались въ смыслѣ неблагопріятномъ для обвинителя, и затѣмъ открыть новое съ другими экспертами; понятно, что отъ этого можетъ пострадать подсудимый. Какъ бы ни стѣснялъ президентъ право защиты, приглашая въ свидѣтели лицъ, устранимыхъ закономъ отъ этой обязанности, отвергая показанія свидѣтелей, призванныхъ защитникомъ, читая документы, которые не были заявлены прокуроромъ, или употребляя другія предосудительныя мѣры,—во всѣхъ этихъ случаяхъ подсудимый не найдетъ защиты отъ произвола президента въ кассационномъ судѣ, который постоянно оставляетъ жалобу безъ вниманія, считая президента вполнѣ свободнымъ въ его распоряженіяхъ, такъ какъ самъ законъ во всемъ полагается на его совѣсть⁸⁾.

Если даже судъ ассизъ объявить, что не слѣдуетъ допускать мѣру, которую желаетъ употребить президентъ, но не смотря на то президентъ, въ силу своей распорядительной власти, приведетъ ее въ исполненіе, то и тогда кассационный судъ не отмѣняетъ состоявшагося рѣшенія. Что такимъ образомъ дѣятельность присяжныхъ подвергается сильной опасности,—это сознается даже лучшими французскими юристами⁹⁾.

В. Не менѣе опасно и то, что во Франціи президентъ снимаетъ съ подсудимаго допросъ, характеръ и вредѣлы котораго вовсе неопредѣлены закономъ; тогда какъ въ Англіи безпристрастіе президента обезпечивается тѣмъ, что онъ не можетъ допрашивать подсудимаго. Такимъ образомъ французскій президентъ обращается въ слѣдователя и является опасностью, что онъ не только утратитъ спокойствіе, необходимое для безпристрастнаго руководства ходомъ дѣла, но и попадетъ въ весьма непріятное положеніе, вступая въ составленіе съ хитрымъ и ловкимъ подсу-

димымъ. Въ этомъ состязаніи и благоразумнѣйшіе президенты теряютъ безпристрастіе и, съ цѣлью сломить упорство подсудимаго, прибѣгаютъ къ окольнымъ путямъ: задаютъ ему двусмысленные вопросы, стараются запутать его въ противорѣчіяхъ. Мы приведемъ въ примѣръ случай, бывшій во Франціи въ 1863 году.

„ Нѣкто Боске была предана суду по обвиненію въ убійствѣ мужа. Еще при началѣ допроса президентъ объявилъ подсудимой, что она вышла замужъ только для того, чтобы воспользоваться деньгами мужа, и спросилъ ее, не была ль она въ любовной связи съ своимъ двоюроднымъ братомъ. Подсудимая отрицала это; тогда онъ возразилъ ей, что есть доказательства на то, что она вышла замужъ не по любви. Перестаньте лгать,—прибавилъ онъ при этомъ,—иначе вы пропащая женщина». За тѣмъ спросилъ, не предсказывалъ ли ей гадалышникъ, что она скоро овдовѣетъ. Когда одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что однажды въ супѣ, поданномъ мужу подсудимой, открыты были слѣды фосфора, президентъ воскликнулъ: «этимъ ясно обнаруживается попытка отравить его! Ваше поведение было такъ дурно, что никто не можетъ повѣрить ни одному вашему слову». — Пристрастіе, выраженное президентомъ въ этомъ случаѣ, могло быть главной причиной, побудившей присяжныхъ признать подсудимую невинной (впрочемъ, и безъ того доказательства противъ нея были очень слабы). Нѣтъ сомнѣнія, что и во Франціи болѣе и болѣе сознается вредъ допроса подсудимаго президентомъ; однако еще очень часто случается, что президентъ ясно обнаруживаетъ взглядъ на подсудимаго какъ на виновнаго, и обращается съ нимъ такъ, что присяжные подъ его вліяніемъ слушаютъ дѣло, считая подсудимаго человекомъ отверженнымъ и способнымъ на все дурное.

С. Достойно сожалѣнія, что французскій законодатель, не понявъ сущности заключительной рѣчи англійскаго судьи, ввелъ, такъ-называемое *résumé* президента,—учрежденіе въ высшей степени опасное. Въ Англіи главное значеніе заключительной рѣчи состоитъ въ томъ, что судья излагаетъ присяжнымъ необходимыя юридическія свѣдѣнія, обращаетъ ихъ вниманіе на существующія сомнѣнія въ виновности и на безпристрастіе, съ которымъ они должны разобрать дѣло,—предостерегаетъ ихъ отъ постановленія обвинительнаго приговора въ тѣхъ случаяхъ, когда является значительное сомнѣніе. Во Франціи же, на основаніи 336 ст. кодекса, *résumé* должно ограничиться изложеніемъ главнѣйшихъ доказательствъ за и противъ подсудимаго. Ясно, что такимъ образомъ уничтожается польза, которую приносятъ присяжнымъ заключительная рѣчь въ Англіи. Задача, возлагаемая на президента, благопріятствуетъ опасному произволу, вслѣдствіе котораго даже благоразумнѣйшіе президенты могутъ оказать вредное для подсудимаго вліяніе на присяжныхъ уже тѣмъ, напр., какъ будутъ говорить о доказательствахъ защитника; какъ сгруппируютъ

факты, что помѣстятъ и что выпустятъ въ своей рѣчи, и какія сдѣлаютъ примѣчанія. Примемъ при этомъ въ соображеніе, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда президентъ въ своемъ *résumé* дополнитъ рѣчь прокурора, сообщить новыя документы, непредъявлявшіеся при судебномъ слѣдствіи, или невѣрно изложить факты, — кассационный судъ не отмѣняетъ приговора, такъ какъ во всемъ этомъ президенту предоставлено право распоряжаться по своему личному усмотрѣнію. Послѣ того неудивительно, что даже въ самой Франціи все болѣе и болѣе сознается вредъ, причиняемый заключительною рѣчью президента ¹⁰⁾.

VIII. Огромное значеніе по своему вліянію на присяжныхъ имѣетъ французская система постановки вопросовъ. Англійская система имѣетъ то важное достоинство, что присяжнымъ не предлагается никакихъ особенныхъ вопросовъ: они должны только рѣшить, виновенъ ли нѣтъ подсудимый въ преступленіи, въ которомъ обвиняется. Между тѣмъ французская система основывается на томъ, что присяжные должны отвѣчать только на вопросы, предложенные имъ президентомъ. Это система, построенная на произволѣ и на отсутствіи разумныхъ началъ, есть главная причина неудовлетворительной дѣятельности французскаго суда присяжныхъ ¹¹⁾.

Главный недостатокъ французской системы постановки вопросовъ заключается въ томъ, что присяжные связаны вопросами, предложенными президентомъ, и не могутъ разбирать никакихъ другихъ обстоятельствъ дѣла. Такимъ образомъ имъ остается одно изъ двухъ: или удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ президента признать подсудимаго виновнымъ, или объявить его невиннымъ. Вопросъ ставится въ такой искусственной формѣ, иногда даже такъ коварно, что присяжные впадаютъ въ заблужденіе и не предвидятъ того смысла, въ какомъ ассизный судъ истолкуетъ и примѣнитъ ихъ приговоръ. Если примемъ притомъ въ соображеніе, что постановка эта часто вытекаетъ изъ состязанія между прокуроромъ и защитникомъ о выраженіяхъ, которыя слѣдуетъ употребить въ вопросѣ, или о дополнительныхъ вопросахъ, — что присяжныхъ запугиваетъ разборъ вердикта ассизнымъ судомъ или президентомъ и отсылка ихъ къ новому совѣщанію, и что вслѣдствіе большаго числа кассационныхъ жалобъ на неправильную постановку вопросовъ страшно затягивается рѣшеніе дѣлъ, — то мы вполне убѣдимся, что французская система постановки вопросовъ въ высшей степени неудовлетворительна ¹²⁾. Причина этой неудовлетворительности заключается въ томъ, что законодатели 1808 г., напуганные большими недостатками системы законодательства до 1808 г., въ которой находилось много подробностей относительно постановки вопросовъ, впали въ другую крайность, воображая себѣ, что поправлять дѣло, устанавливая одно общее правило (*Code, art. 337*). Это было тѣмъ хуже, что вводя вопросъ: «виновенъ ли подсудимый», не со-

образили, что такое выраженіе слишкомъ неясно и неопредѣленно. Тайною причиною французской системы было недоувѣріе къ присяжнымъ, которыхъ хотѣли постановкою вопросовъ сдѣлать зависимыми отъ судей; особенное же вліяніе на нее имѣлъ взглядъ, о которомъ мы уже говорили выше, что присяжные могутъ рѣшать только вопросъ о фактѣ преступленія, не касаясь вопроса о правѣ.

Президентъ всѣми силами старается формулировать вопросъ такъ, чтобы присяжнымъ приходилось отвѣчать относительно чисто-фактической стороны дѣла. Величайшій изъ французскихъ юристовъ (Hélie, traité, IX vol. стр. 116 и 121) говоритъ, что это отдѣленіе вопроса о фактѣ отъ вопроса о правѣ весьма трудно, часто рѣшительно невозможно, и скорѣе вредно чѣмъ полезно,—что самъ законъ признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ право присяжныхъ разбирать *élément de droit*. Эли приводитъ въ примѣръ дѣла по обвиненію въ поддѣлкѣ монеты, въ которыхъ ставится вопросъ о томъ, находились ли эти фальшивыя монеты въ обращеніи во Франціи. Во Франціи очень хорошо сознаютъ всѣ дурныя послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда президентъ изъ боязни примѣшать элементъ юридическій въ вопросѣ объ изнасилованіи, о покушеніи или о сообщничествѣ, старается ограничиться чисто-фактической стороною дѣла. При внимательномъ разсмотрѣніи недоразумѣній, возникающихъ во Франціи относительно постановки вопросовъ, оказывается, что слѣдующіе пункты постоянно возбуждаютъ споръ, разрѣшать который нерѣдко приходится кассационному суду. Во-первыхъ, слѣдуетъ ли предлагать присяжнымъ одинъ совокупный вопросъ, или можно подраздѣлять его на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ. Это очень важно, когда имѣется въ виду нѣсколько способовъ совершенія преступленія. Изъ опыта мы видимъ, что при этомъ легко можетъ состояться обманчивый приговоръ: такъ какъ нѣкоторые присяжные признаютъ одинъ способъ совершенія преступленія, другіе совершенно иной, и въ пользу каждаго изъ этихъ мнѣній высказывается, положимъ, только 4 голоса. Приговоръ же о виновности можетъ состояться, такъ какъ 8 голосовъ были согласны, что А убилъ В, и расходились только въ мнѣніи о способѣ совершенія преступленія. Хотя во Франціи и существуетъ правило, что не слѣдуетъ допускать сложныхъ вопросовъ и нѣсколькихъ вопросовъ на выборъ (*questions complexes et alternatives*), но не трудно убѣдиться, что смыслъ этого выраженія въ теоріи понимается такъ, а на практикѣ иначе; даже кассационный судъ постоянно колеблется въ своемъ мнѣніи относительно этого предмета. Другой пунктъ, возбуждающій много спора, касается истиннаго смысла выраженія: существенный элементъ (*élément constitutif*) вопроса. Всѣ такіе элементы должны содержаться въ вопросѣ, предлагаемомъ присяжнымъ; но на практикѣ затрудняются, что считать существеннымъ и что нѣтъ. Не менѣе недоразумѣній является при постановкѣ

такъ-называемыхъ вспомогательныхъ вопросовъ (*questions subsidiaires*) и вопроса, заслуживаетъ ли преступникъ снисхожденія, равно какъ и относительно того, слѣдуетъ ли особо спрашивать, не совершилъ ли подсудимый известное дѣяніе въ состояніи умопомѣшательства или вслѣдствіе необходимой личной обороны, причемъ часто утверждаютъ, что этотъ пунктъ уже заключается въ вопросѣ — виновенъ ли подсудимый. Опытъ показываетъ, что вся эта хитросплетенная система сильно тормозитъ дѣятельность присяжныхъ ¹³).

• IX. Большое вліяніе на дѣятельность суда присяжныхъ оказываетъ принятый во французской судебной практикѣ обычай по нѣскольку разъ отсылать присяжныхъ къ новому совѣщанію.

Въ кодексѣ объ этомъ не сказано ничего положительнаго, въ практикѣ же признано, что если ассизный судъ, при разсмотрѣніи вердикта, находитъ его неправильнымъ, то имѣетъ право, во избѣжаніе заблужденій отослать присяжныхъ къ новому совѣщанію. При этомъ различаютъ вердикты неполные, двусмысленные, неясные и противорѣчивые; но къ которому изъ этихъ разрядовъ слѣдуетъ отнести данный вердиктъ, — объ этомъ нерѣдко возникаетъ большой споръ. Изъ опыта же видно, что часто присяжные отсылаются къ новому совѣщанію и въ такихъ случаяхъ, когда въ приговорѣ ихъ нѣтъ ничего неправильнаго, и когда эта отсылка нарушаетъ право подсудимаго, оправданнаго первымъ приговоромъ. Сверхъ того замѣчаютъ, что президентъ своими приемами при разборѣ приговора, легко можетъ вліять на новое совѣщаніе присяжныхъ, что присяжные, утомленные и запутанные частыми отсылками къ новымъ совѣщаніямъ, склоняются на несправедливый вердиктъ. Очень часто возникаетъ споръ и о томъ, на сколько присяжные при новомъ совѣщаніи могутъ измѣнить первый приговоръ, напр., могутъ ли они измѣнить его и относительно тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не порицалось ассизнымъ судомъ ¹⁴).

X. Достойно осужденія право ассизнаго суда толковать вердиктъ. Хотя кассационный судъ неразъ объявлялъ, что судъ ассизъ въ случаѣ неясности вердикта не долженъ замѣнять его своимъ собственнымъ мнѣніемъ, но не трудно убѣдиться, что ассизные суды во Франціи пользуются въ этомъ отношеніи огромной свободой, и, вмѣсто того, чтобы требовать исправленія вердикта присяжными, толкуютъ его совершенно произвольно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжными сдѣланы прибавленія, къ которымъ постановка вопросовъ не давала никакого повода, ассизный судъ самовольно признаетъ недѣйствительными эти прибавленія, и такимъ образомъ придаетъ приговору значеніе, противное волѣ присяжныхъ. Когда присяжные, произнося приговоръ, не имѣли въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, ассизный судъ произвольно дѣлаетъ предположеніе, что существованіе этихъ обстоятельствъ отвергнуто присяжными ¹⁵).

Всѣ эти указанія обнаруживаютъ, какъ мало гарантій для успѣшной дѣятельности присяжныхъ представляютъ французское законодательство и судебная практика.

Въ заключеніе не мѣшаетъ еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о репрессивной силѣ уголовного правосудія во Франціи. Преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе на отношеніе числа оправдательныхъ приговоровъ къ числу обвинительныхъ. Можно принять какъ общее, многими годами подтвержденное правило, что это отношеніе измѣняется, смотря потому большее или меньшее число голосовъ требуется для обвинительнаго приговора. Датѣе, оказывается, что присяжные охотнѣе обвиняютъ подсудимаго въ преступленіяхъ противъ правъ собственности, чѣмъ въ преступленіяхъ противъ лицъ. Затѣмъ, джюри гораздо строже къ подсудимымъ мужескаго пола, чѣмъ къ подсудимымъ женщинамъ. При обвиненіи въ кражѣ отношеніе числа оправдываемыхъ къ числу осуждаемыхъ зависитъ отъ цѣнности украденнаго. Отношеніе измѣняется тоже по департаментамъ. Эта разница обусловливается преимущественно степенью народнаго образованія; кромѣ того, племеннымъ происхожденіемъ, нравами, напр., большимъ или меньшимъ распространеніемъ чувства мести за честь семейства и за личныя оскорбленія, — темпераментомъ и настроеніемъ жителей, напр. относительно правительства и чиновниковъ, равно какъ и тѣмъ, городская или сельская жизнь, зажиточность или бѣдность преобладаютъ въ департаментѣ. Разумѣется, всѣ эти обстоятельства должны имѣть вліяніе на меньшую или большую строгость присяжныхъ, а слѣдовательно и измѣнять отношеніе числа оправдываемыхъ къ числу обвиненныхъ. Репрессивность главнымъ образомъ зависитъ отъ рода преступленія: чѣмъ строже наказаніе, опредѣляемое за данное преступленіе, тѣмъ болѣе склонны присяжные къ освобожденію подсудимаго ¹⁶).

IX. ДѢЙСТВІЯ ПРИСЯЖНЫХЪ СУДОВЪ ВЪ БЕЛЬГИИ.

Бельгійское законодательство объ уголовномъ судопроизводствѣ въ сущности не отличается отъ французскаго. И потому причины, парализующія успѣшную дѣятельность судовъ присяжныхъ во Франціи, существуютъ, повидимому, и въ Бельгіи. Но если мы ближе сравнимъ социальное состояніе Бельгіи съ состояніемъ Франціи, то увидимъ, что первая поставлена въ болѣе выгодныя условія и пользуется во многихъ отношеніяхъ лучшимъ правосудіемъ, чѣмъ Франція. Въ этомъ случаѣ снова подтверждается та истина, на которую мы указывали уже нѣсколько разъ, — именно: что болѣе или менѣе успѣшное примѣненіе на практикѣ общихъ началъ уголовного судопроизводства въ каждомъ государствѣ зависитъ отъ духа народа, отъ политическаго и общественнаго быта страны.

Въ Бельгіи, во-первыхъ, самое пониманіе суда присяжныхъ никогда не страдало такою односторонностью какъ во Франціи. Въ Бельгіи смотрѣли на судъ присяжныхъ не съ политической точки зрѣнія, какъ это было во Франціи, гдѣ такой взглядъ на институтъ джюри, какъ мы сказали выше, повелъ къ тому, что благомыслящіе граждане, равно какъ и многіе юристы, перестали сочувствовать судамъ, которые въ смутное время приносили лишь вредъ обществу. Во Франціи присяжные начали свою дѣятельность въ самый разгаръ революціи, въ періодъ террора. Террористы приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ присяжныхъ слѣпое орудіе власти, и такимъ образомъ имѣть возможность осудить всякаго, кто не правился господствовавшей партіи. Ничего подобнаго не было въ Бельгіи; бельгійцы познакомились съ институтомъ присяжныхъ не въ той уродливой формѣ его, при которой онъ во Франціи служилъ лишь къ осужденію невинныхъ. Писатели того времени говорятъ, что въ Бель-

гип суды присяжных скоро приобрѣли всеобщее довѣріе. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что когда въ 1814 г., послѣ отдѣленія Бельгіи отъ Франціи, новый властелинъ Бельгіи отмѣнилъ въ ней суды присяжныхъ, то эта мѣра голландскаго правительства возбудила величайшее неудовольствіе въ бельгійскомъ народѣ. Послѣ революціи 1830 г., когда Бельгія освободилась изъ подъ владычества Нидерландовъ и сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, всѣ единогласно желали возстановленія судовъ присяжныхъ. Расходились лишь въ мнѣніяхъ о томъ, слѣдуетъ ли ввести судъ присяжныхъ по всѣмъ вообще дѣламъ, или (какъ сказано было въ проектѣ конституціи) только по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ и проступкахъ и по дѣламъ о нарушеніяхъ законовъ о печати. На народномъ конгрессѣ 1831 г. первое мнѣніе одержало побѣду; огромное большинство членовъ конгресса высказались съ энтузіазмомъ въ пользу присяжныхъ судовъ, особенно замѣчательна была рѣчь одного духовнаго, De Haerne. О необходимости же суда присяжныхъ для дѣлъ о преступленіяхъ политическихъ и противъ законовъ о печати — на конгрессѣ никто даже не выразилъ сомнѣнія. Такимъ образомъ въ бельгійской конституціи (ст. 98) постановлено было: «судъ присяжныхъ вводится по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, равно какъ по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ противъ законовъ о печати». ¹⁾

Политическій и общественный бытъ Бельгіи представляетъ многія гарантіи для успѣшной дѣятельности судовъ присяжныхъ, гарантіи, безъ которыхъ это учрежденіе не можетъ приносить всей ожидаемой отъ него пользы.

Одна изъ такихъ гарантій заключается въ необыкновенномъ участіи бельгійскаго народа ко всякому общественному дѣлу и въ его готовности на всякія жертвы для общаго блага. Въ этомъ отношеніи много помогаютъ разумное законодательство, опредѣляющее устройство городскихъ и сельскихъ общинъ. Законъ, признавая господствующій въ этихъ корпораціяхъ духъ самоуправленія, тѣмъ самымъ создаетъ живое участіе гражданъ въ общественнымъ дѣламъ, а это участіе, въ свою очередь, благотворно дѣйствуетъ на суды присяжныхъ. ²⁾ Съ другой стороны, широкое право собраній и свобода печати, огражденной въ Бельгіи (за немногими исключеніями) отъ всякаго преслѣдованія — оказываютъ благотѣльное вліяніе на учрежденіе джюри. ³⁾ Къ этому еще нужно присовокупить, что въ Бельгіи весьма долго царствовали мудрый и энергическій государь, вполне сознававшій значеніе свободной конституціи и добросовѣстно исполнявшій ее, — что дѣлами страны управляетъ министерство, проникнутое конституціонными убѣжденіями, и понимающее, что оно до тѣхъ поръ можетъ держаться, пока управляетъ въ духѣ большинства націи. Всѣ эти условія имѣютъ огромное вліяніе на характеръ уголовного

судопроизводства, и служат прочной преградой, о которую разбивается всякое пристрастіе прокуроровъ и предсѣдателей суда. Но мы не скроемъ, что общественный бытъ Бельгіи имѣетъ и свою темную сторону: это—существованіе обскурантной партіи клерикаловъ, которая, подъ покровомъ религіи, вмѣшивается во всѣ свѣтскія дѣла, противоѣствуетъ мѣрамъ правительства, часто стѣсняетъ свободу дѣйствія законодательныхъ палатъ и нарушаетъ миръ въ семействахъ и цѣлыхъ общинахъ. Но, несмотря на то, дѣятельность присяжныхъ судовъ въ Бельгіи представляетъ отрадное явленіе. Въ то время, какъ во Франціи многіе относятся враждебно къ суду присяжныхъ, да и сама законодательство смотритъ на него съ недовѣріемъ, не давая присяжнымъ права рѣшать дѣла о политическихъ преступленіяхъ и дѣла о печати,—въ Бельгіи какъ законодательство, такъ граждане и юристы выказываютъ полное сочувствіе къ институту присяжныхъ. Бельгійскій уставъ уголовного судопроизводства содержитъ въ себѣ даже много весьма важныхъ улучшеній сравнительно съ французскимъ *code d'instruction criminelle* 4).

I. Предварительное слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ обставлено въ Бельгіи такими гарантіями, какихъ не существуетъ во французскомъ судопроизводствѣ.

A. Одною изъ такихъ гарантій нужно считать 22 ст. конституціи, которая объявляетъ тайну писемъ неприкосновенной. Вслѣдствіе этого и въ уголовномъ судопроизводствѣ строго придерживаются того правила, что одинъ лишь слѣдственный судья можетъ при производствѣ слѣдствія конфисковать письма обвиняемаго. Между тѣмъ во Франціи всякій административный чиновникъ или прокуроръ имѣетъ право конфисковать письма.

B. Статьи 7 и 10 конституціи обезпечиваютъ личную свободу гражданъ противъ произвольнаго ареста и домашняго обыска. Вообще конституція признаетъ тѣ исключенія, которыя помѣщены въ законѣ (слѣд. тѣ, которыя признаетъ и французскій уставъ уголовного судопроизводства), въ особенности случай *flagrant délit*, который благодаря неумышленной неопредѣленности закона, легко можетъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ на практикѣ. Къ счастью бельгійскіе суды по большей части строго преслѣдуютъ всякое злоупотребленіе со стороны должностныхъ лицъ и защищаютъ того, кто потерпѣлъ отъ злоупотребленія. Главной защитой въ этомъ отношеніи служатъ:

C. Статья 24 бельгійской конституціи, отмѣнившая нелѣпое французское установленіе, по которому жаловаться судебнымъ порядкомъ на чиновника по поводу превышенія или злоупотребленія власти можно не иначе, какъ получивъ на то дозволеніе государственнаго совѣта. Въ Бельгіи не требуется никакого предварительнаго разрѣшенія для подачи жалобы или иска на должностныхъ лицъ. Этимъ достигается та выгода,

что каждое должностное лицо, предпринимая известное дѣйствіе, напр., арестъ или домашній обыскъ, приступаетъ къ нему гораздо осмотрительнѣе, чѣмъ это ведется во Франціи, гдѣ чиновникъ вполнѣ увѣренъ, что какъ бы онъ ни злоупотреблялъ своей властью, отдать его подъ судъ не легко, потому что правительство защищаетъ энергическихъ слугъ. Напротивъ, въ Бельгіи чиновникъ каждый разъ долженъ тщательно взвѣшивать, не переступаетъ ли онъ за предѣлы предоставленныхъ ему правъ.

D. Производство предварительнаго слѣдствія значительно еще улучшилось послѣ изданія закона 18 февраля 1852 г. о подсѣдственномъ арестѣ обвиняемыхъ. Этотъ законъ, правда, оставляетъ еще многого желать; особенно нельзя не пожалѣть, что онъ сохраняетъ попрежнему французскій порядокъ *mettre au secret*, т. е. уединенное заключеніе обвиняемаго, порядокъ, который по неопредѣленности выраженій закона даетъ просторъ произволу слѣдственного судьи и можетъ вынудить даже невиннаго къ неосновательному признанію. Тѣмъ не менѣе законъ 1852 г. содержитъ существенныя улучшенія по части предварительнаго слѣдствія: онъ точнѣе опредѣляетъ вызовъ обвиняемыхъ и облегчаетъ слѣдственному судѣ отміну распоряженія объ арестѣ обвиняемаго (хотя дѣйствія слѣдственного судьи все еще поставлены въ слишкомъ большую зависимость отъ согласія прокурора), и, наконецъ, самое главное—дозволяетъ предварительное освобожденіе подсудимаго на поруки. Статистика показываетъ, что послѣ изданія этого закона число обвиняемыхъ, подвергающихся аресту, значительно уменьшилось, а число отпускаемыхъ на поруки — увеличилось. Такъ еще въ 1851 г. освобождены были отъ подсѣдственного ареста только: 43 на поруки и 79 безъ всякаго поручительства. Между тѣмъ въ 1853 г. число освобожденныхъ безъ поручительства простиралось уже до 383 (отъ 18 потребовано поручительство), а въ 1855 г. оно дошло до 440 челов. Продолжительность подсѣдственного ареста въ періодъ съ 1850 до 1855 г. была слѣдующая: въ 1,632 случаяхъ—менѣе 1 мѣсяца; въ 174—отъ 1 до 2 мѣсяцевъ; и въ 23—отъ 3 до 6 мѣсяцевъ⁵⁾.

E. Чтобы дать читателямъ понятіе о размѣрахъ дѣятельности судебныхъ властей въ Бельгіи по преслѣдованію преступленій, мы приведемъ здѣсь число случаевъ въ которыхъ дѣйствовалъ прокуроръ, равно какъ число случаевъ, въ которыхъ начатое слѣдствіе прекращено было рѣшеніемъ совѣщательной камеры. Въ періодъ времени съ 1850 до 1855 г. до свѣдѣнія прокуроровъ доведено, посредствомъ жалобъ и объявленій, 134,809 случаевъ. Изъ этого числа въ 28,299 случаяхъ прокуроры не нашли нужнымъ возбуждать дѣла, а въ 59,542 случаяхъ они, не дѣлая предложенія о производствѣ предварительнаго слѣдствія, прямо пригласили обвиняемыхъ въ исправительный судъ. Замѣча-

тельны въ особенности тѣ случаи, въ которыхъ прокуроры оставили дѣло безъ преслѣдованія. Въ 5,976 изъ такихъ случаевъ мнѣніе прокурора основывалось на томъ, что заявленный случай не подходитъ ни подъ одинъ уголовный законъ. Въ 2,834 случаяхъ прокуроръ опирался на то, что дѣяніе обвиняемаго слишкомъ незначительно и не произвело никакого вреда для общества.

Г. Въ отношеніи предварительныхъ слѣдствій самое важное значеніе имѣютъ законы 15 мая 1849 г., на основаніи которыхъ совѣщательныя и обвинительныя камеры могутъ данный уголовный случай превратить въ исправительный, *correctionaliser*, т. е. могутъ уголовное дѣло передать на рѣшеніе исправительнаго суда. Именно: если законъ угрожаетъ за извѣстное дѣяніе каторжной работой, а совѣщательная камера находитъ, что есть законная причина, извиняющая преступника (*excuse*) или обстоятельства, смягчающія его вину, то она имѣетъ право, по единогласному опредѣленію, передать случай въ исправительный судъ. Въ новѣйшее время французскіе юристы сильно оспаривали разумность этого права совѣщательной камеры.⁶⁾ Нельзя, конечно, отрицать того, что бельгійское установленіе потрясаетъ всю систему дѣленія уголовныхъ правонарушеній на преступленія и проступки, что оно даетъ слишкомъ большую власть совѣщательнымъ и обвинительнымъ камерамъ, которыя рѣшаютъ объ юридическомъ характерѣ даннаго случая на основаніи одного лишь предварительнаго слѣдствія, неисчерпывающаго вполне предмета сужденія, и наконецъ, что оно можетъ повредить интересамъ обвиняемаго, лишая его гарантій суда присяжныхъ и повергая на судъ, состоящій изъ 3 судей, въ которомъ вѣроятность осужденія гораздо значительнѣе. Но это установленіе представится намъ въ иномъ свѣтѣ, если мы примемъ въ соображеніе, что система, по которой французскій кодексъ одни дѣянія называетъ преступленіемъ, а другія—проступкомъ, лишена всякаго разумнаго основанія и построена просто на произволѣ: одно и тоже уголовное дѣяніе допускаетъ такое множество оттѣнковъ виновности, что часто *minimum* положенной мѣры наказанія не соответствуетъ степени вины преступника. И потому законодатель вводитъ безполезныя затрудненія въ судопроизводство, предписывая судамъ, рассматривающимъ предварительныя слѣдствія, передавать на рѣшеніе ассизъ даже такой уголовный случай, гдѣ напередъ видно, что наказаніе какъ за преступленіе было бы несправедливо передавать ради того только, что этотъ случай по закону носитъ названіе преступленія. Въ Бельгій, какъ юристы, такъ и граждане вполне одобряютъ оговорку закона, и она очень часто примѣяется на практикѣ. Въ періодъ времени съ 1850—1855 г. передано было въ исправительные суды 13,733 уголовныхъ случая, которые по закону считаются *crimes*, напримѣръ: 1,120 случаевъ почтовой кражи, 174 случая домашней кражи, 101 случай тяжкихъ тѣлесныхъ по-

вреждений. Въ 1863 г. въ гентскомъ апелляціонномъ округѣ 114 уголовныхъ дѣлъ отосланы на разбирательство въ исправительные суды: 93 по опредѣленію совѣщательной камеры и 11 по опредѣленію обвинительной.⁷⁾

II. При оцѣнкѣ уголовного правосудія въ Бельгіи нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что въ этой странѣ дѣла о политическихъ преступленіяхъ чрезвычайно рѣдки. Это явленіе, легко объясняемое политическимъ строемъ Бельгіи и недвѣрнымъ стремленіемъ правительства создать государство на правомѣрныхъ отношеніяхъ, ведетъ къ слѣдующимъ двумъ важнымъ результатамъ:

1) Бельгійскіе прокуроры не имѣютъ той страсти къ преслѣдованіямъ, какая часто встрѣчается у прокуроровъ другихъ странъ при преслѣдованіи политическихъ преступленій и поддерживается вліяніемъ свыше. Оттого прокуроръ въ Бельгіи пользуется большимъ нравственнымъ авторитетомъ сравнительно съ прокурорами другихъ государствъ.

2) Коронные судьи тоже поставлены въ независимое положеніе и внушаютъ къ себѣ всеобщее довѣріе, такъ какъ они не осуждаютъ невиновныхъ по волѣ правительственной партіи, что очень часто бываетъ — или по крайней мѣрѣ предполагается — при производствѣ политическихъ процессовъ.

III. Въ отношеніи состава суда присяжныхъ въ Бельгіи принята особенная, своеобразная система. Вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ на выборъ присяжныхъ, произведенный въ 1831 г. на основаніи закона 19 іюля того года, въ 1837 г. палатамъ предложенъ былъ проектъ новаго закона. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, состоялся законъ 15 мая 1838 г., который и до сихъ поръ остается въ силѣ. Въ то время распространено было мнѣніе, что величина платимаго налога скорѣе всего можетъ рѣшить о способности граждаина къ исправленію обязанностей присяжнаго. Въ особенности французское законодательство считало систему ценза единственно вѣрной. Вотъ почему и бельгійскій законодатель не могъ отдѣлаться отъ этого взгляда, признавая, впрочемъ, что рядомъ съ системой ценза необходимо ввести и другую систему, равно принятую тогда во Франціи, — такъ-называемую систему *saracités*, согласно которой въ списокъ присяжныхъ должны вноситься также и лица, которыя хотя и не платятъ большаго налога, но по своимъ дарованіямъ могутъ быть присяжными. Впрочемъ, бельгійскія палаты нашли, что французская система, опредѣляющая однообразный цензъ для всего государства, ошибочна, и потому законъ 1838 г. предписываетъ, чтобы для разныхъ провинцій установленъ былъ различный цензъ, смотря по степени матеріальнаго благосостоянія провинціи. При этомъ для жителей главнаго города провинціи назначенъ высшій цензъ, чѣмъ для жителей маленькихъ городовъ и сельскихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, въ провинціи Антверпенъ, для гражданъ главнаго города опредѣленъ цензъ въ 250 франковъ, а для другихъ общинъ провинціи — въ 170 фр. Между

тѣмъ въ провинціи Лимбургъ, которая гораздо бѣднѣе Антверпена, величина ценза для всѣхъ общинъ безразлично составляетъ 110 фр. При обсужденіи закона 1838 г. всѣ согласились въ необходимости введенія пропорціональнаго ценза, съ цѣлью распространить право избранія въ присяжные и на мелкихъ собственниковъ, такъ какъ между ними встрѣчается много лицъ, которые по своему уму и независимому образу мыслей могутъ быть хорошими присяжными. На ряду съ гражданами, платящими опредѣленный налогъ, къ отправленію должности присяжнаго, по закону, должны призываться и другія лица, напр. члены палаты представителей, члены провинціальныхъ совѣтовъ и пр. Составленіе общаго списка присяжныхъ для данной провинціи возложено на особую комиссію, состоящую изъ членовъ провинціального совѣта. Болѣе всего возникло затрудненій при рѣшеніи вопроса о томъ, кому поручить составленіе очередныхъ списковъ присяжныхъ. Нѣкоторые предлагали предоставить составленіе очередныхъ списковъ постоянной комиссіи провинціального совѣта. Но это предложеніе было отвергнуто, потому что не хотѣли давать такой обширной власти административному органу. Порѣшили, наконецъ, тѣмъ, что составленіе очередныхъ списковъ слѣдуетъ предоставить безпристрастнымъ судьямъ. Вслѣдствіе этого въ Бельгіи въ настоящее время очередные списки составляются такимъ образомъ: предсѣдатель окружнаго суда, вмѣстѣ съ двумя судьями, выбираютъ изъ общаго списка половину именъ, помѣщенныхъ въ немъ, и вносятъ въ очередной списокъ; затѣмъ первый президентъ апелляціоннаго суда и президенты обѣихъ камеръ суда уменьшаютъ этотъ новый списокъ еще на половину.

Что касается нашего собственнаго мнѣнія, то мы, конечно, убѣждены, что бельгійская, какъ и всякая другая система ценза лишена всякаго разумнаго основанія и слишкомъ много полагается на случай. Еще менѣе можемъ мы одобрить бельгійскій способъ составленія очередныхъ списковъ. Очевидно, что президенты суда не имѣютъ никакихъ средствъ узнать личныя качества, а слѣдовательно и способность къ исполненію обязанности присяжнаго, всѣхъ помѣщенныхъ въ общемъ списокѣ, и потому имъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ обратиться за свѣдѣніями о внесенныхъ въ общій списокъ къ вліятельнымъ административнымъ чиновникамъ или къ лицамъ ближе знакомымъ по службѣ (обыкновенно президенты обращаются за подобными свѣдѣніями къ прокурорамъ). Но легко понять, что эти лица, къ которымъ обращается президентъ, имѣютъ огромное вліяніе на самый составъ присяжнаго суда. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о способности извѣстнаго гражданина къ отправленію должности присяжнаго всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ правдивости, знанія людей, политическихъ и религіозныхъ убѣжденій того лица, на отзывъ котораго полагается президентъ. Мы, однакоже,

должны заявить, что многіе разсудительные и опытные люди въ Бельгіи, съ которыми намъ пришлось говорить объ этомъ предметѣ, высказались съ хорошей стороны о тамошней системѣ выбора присяжныхъ ⁸⁾.

IV. Разборъ уголовного судопроизводства въ Бельгіи, построеннаго по образцу французскаго, показываетъ, что постановленія французскаго кодекса, мѣшающія успѣху суда присяжныхъ во Франціи, могутъ имѣть и въ Бельгіи болѣе или менѣе вредное вліяніе на отправленіе правосудія.

Если мы сравнимъ бельгійскую судебную практику съ французской, то увидимъ, что французскія учрежденія, какова напр. вступительная рѣчь (*exposé*) прокурора, или распорядительная власть президента суда, точно также въ Бельгіи, какъ и во Франціи, составляютъ иногда препятствіе для полезной дѣятельности присяжныхъ. Но это же самое сравненіе убѣждаетъ насъ съ другой стороны, что въ бельгійскомъ судопроизводствѣ гораздо рѣже, чѣмъ во французскомъ, проявляется пристрастіе судей или страсть къ преслѣдованію прокуроровъ, что, разумѣется, слѣдуетъ приписать счастливому политическому быту Бельгіи и вліянію свободы печати. Конечно, и въ бельгійской практикѣ встрѣчаются иногда процессы, въ которыхъ незамѣтно того спокойствія и безстрастія, которыми должны быть проникнуты судьи. Въ доказательство мы приведемъ здѣсь извѣстный процессъ графа Бокармэ (*Bocarmé*).

Въ этомъ процессѣ, во-первыхъ, обвинительный актъ, по нашему мнѣнію, черезъ-чуръ много распространяется о подробностяхъ совершенія преступленія, подробностяхъ, которыя придуманы плодовитымъ воображеніемъ прокурора, но которыя тѣмъ не менѣе выдаются за несомнѣнную истину. Въ обвинительномъ актѣ перечислены всѣ основанія подозрѣнія и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли предубѣдить присяжныхъ противъ подсудимаго. Прокуроръ даже помѣстилъ буквально жалобы графини Бокармэ, на своего мужа, высказанныя ею во время допроса при предварительномъ слѣдствіи. Далѣе, въ процессѣ Бокармэ непріятно поражаетъ поведеніе президента, который начинаетъ допросъ подсудимаго слѣдующими словами: «вы не отказываетесь ни отъ одного изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые вы дали слѣдственному суду?» Эта фраза президента показываетъ, что онъ придаетъ юридическій вѣсъ предварительному слѣдствію и считаетъ результаты этого слѣдствія составнымъ элементомъ судебного разбирательства дѣла, что явно противорѣчитъ основному принципу устнаго судопроизводства, требующему, чтобы только показанія, сдѣланныя на публичномъ разбирательствѣ, служили матеріаломъ для сужденія присяжныхъ. Нельзя также одобрить того, что судъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій слишкомъ подробно вдавался въ разборъ всѣхъ любовныхъ исторій подсудимаго, причемъ вызывались даже свидѣтели по поводу разныхъ слуховъ и допрашивались дѣвушки, которыхъ обвиняемый старался соблазнить ⁹⁾.

Защитникъ доказывалъ, что въ интересъ защиты подсудимаго необходимо спросить еще одного эксперта, и просилъ президента суда, чтобъ онъ, въ силу своей распорядительной власти, пригласилъ въ засѣданіе эксперта по указанію его, защитника. На что президентъ въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій объявилъ, что онъ не видитъ надобности приглашать названнаго защитникомъ эксперта. Между тѣмъ, принимая во вниманіе малочисленность научныхъ изслѣдованій объ отравленіи никотиномъ, зависящую отъ новости предмета, слѣдовало бы охотно воспользоваться всякимъ объясненіемъ техника и такимъ образомъ устранить возможную односторонность въ заключеніи прежде-спрошенныхъ экспертовъ. Наконецъ, нельзя похвалить и адвоката подсудимаго за слѣдующую фразу, которую онъ, между прочимъ, сказалъ присяжнымъ: «вспомните, что гражданское общество, которое требуетъ головы подсудимаго, прервало рѣчь защитника, воскликнувъ: ты не имѣешь права говорить о наказаніи»!

Извѣстно, что кассационный судъ рѣшаетъ вопросъ о законности или о незаконности того или другаго порядка судопроизводства, такъ что отъ его рѣшенія, обуславливающаго отмѣну или оставленіе въ своей силѣ судебнаго приговора, вполне зависитъ участь подсудимаго. А потому интересно сравнить образъ дѣйствія бельгійскаго кассационнаго суда съ образомъ дѣйствія французскаго. Результатъ этого сравненія выходитъ тотъ, что бельгійскій кассационный судъ часто, къ сожалѣнію даже очень часто, соображается съ рѣшеніями парижскаго кассационнаго суда, и руководится слѣдующими двумя предосудительными тенденціями. Во-первыхъ, старается вообще оставить въ своей силѣ разъ рѣшенный процессъ, съ цѣлью, съ одной стороны, предотвратить судебныя издержки, а съ другой—поддержать авторитетъ судейскаго приговора. Во-вторыхъ, когда дѣло идетъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ предсѣдательствующаго судьи, то кассационный судъ отказывается въ кассационныхъ жалобахъ ради того только, чтобы неограничивать распорядительной власти президента суда. Впрочемъ бельгійскій кассационный все-таки болѣе, чѣмъ французскій, принимаетъ во вниманіе интересы подсудимаго, равно какъ при толкованіи законовъ заботится о возстановленіи истиннаго смысла закона. Примѣромъ можетъ служить расширеніе права аппеляціи для лицъ, осужденныхъ исправительными судами. Серьезное различіе во взглядахъ французскаго и бельгійскаго кассационныхъ судовъ обнаруживается при рѣшеніи весьма важнаго вопроса о томъ, можно ли жаловаться суду на то, что извѣстный присяжный не обладаетъ требуемыми по закону качествами.

Французскій кассационный судъ держится того мнѣнія, что вопросъ о томъ, платилъ ли присяжный установленный цензъ, слѣдуетъ рѣшать административнымъ, а не судебнымъ порядкомъ. Между тѣмъ бельгійскій кассационный судъ, опираясь на 107 ст. конституціи, пола-

гаетъ, что вопросъ о способности присяжныхъ долженъ разсматриваться судомъ, и въ случаѣ, если будетъ доказано, что присяжный не имѣетъ необходимыхъ качествъ, приговоръ долженъ подвергаться отмѣнѣ. Кромѣ того, въ Бельгін принято за правило, что подсудимый не обязанъ отвѣчать на предлагаемые вопросы, и что молчаніе подсудимаго не можетъ быть истолковано во вредъ ему. Бельгійскій кассационный судъ въ въ большей мѣрѣ, чѣмъ французскій, придерживается начала устности, и потому въ Бельгін чаще бываютъ случаи отмѣны судебныхъ приговоровъ за прочтеніе на публичномъ разбирательствѣ изъ предварительнаго слѣдствія показаній отсутствующихъ или даже умершихъ свидѣтелей. Замѣтимъ, однакоже, что бельгійскій кассационный судъ, подобно французскому, защищаетъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, опасную распорядительную власть предсѣдательствующаго судьи. Онъ признаетъ, что президентъ суда не обязанъ никому отдавать отчета въ употребленіи своей распорядительной власти, что мѣры, принятія въ силу этой власти, не могутъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора. Впрочемъ, кассационный судъ въ рѣшеніи своемъ 23 іюля 1850 г. объявилъ, что распорядительная власть никогда не даетъ президенту права дѣлать или позволять что-либо запрещенное закономъ. Но эта оговорка мало поправляетъ дѣло: выраженіе: «запрещаемое закономъ» очень эластично и допускаетъ произвольное толкованіе. Точно также нельзя похвалить рѣшеній бельгійскаго кассационнаго суда по вопросу о несоблюденіи президентомъ правилъ относительно допроса свидѣтелей-понятыхъ, о которыхъ мы упоминали при разборѣ французскаго суда присяжныхъ. Президентъ, въ силу своей распорядительной власти, можетъ пригласить свидѣтелей, непомѣщенныхъ въ списки, но въ такомъ случаѣ по закону долженъ объяснить присяжнымъ, что эти свидѣтели спрашиваются лишь въ качествѣ понятыхъ. Но бельгійскій кассационный судъ, подобно французскому, полагаетъ, что упущеніе президентомъ требуемаго закономъ предостереженія присяжныхъ не можетъ служить основаніемъ къ отмѣнѣ приговора. Вся эта система раздѣленія свидѣтелей на двѣ категоріи уже сама по себѣ крайне нелѣпа и опасна, потому что присяжные не дѣлаютъ тонкаго различія между свидѣтелями и понятыми и придаютъ показанію понятыхъ такую же силу, какъ и показанію настоящихъ свидѣтелей. Но опасность еще болѣе увеличивается, когда присяжные не слышатъ даже предписываемаго закономъ предостереженія о значеніи свидѣтелей, призываемыхъ президентомъ. Нельзя также не пожалѣть, что бельгійскій кассационный судъ часто черезъ-чуръ снисходительно смотритъ на прочтеніе допросовъ изъ предварительнаго слѣдствія, нарушающее принципъ устности судопроизводства.

Что касается способа постановки вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ, то бельгійскіе юристы тоже ломаютъ голову надъ тѣмъ,

слѣдуетъ ли дозволить присяжнымъ рѣшать и юридическіе вопросы. Къ сожалѣнію ложное французское ученіе, утверждающее, что присяжные не имѣютъ этого права, одержало перевѣсъ и въ бельгійскомъ судопроизводствѣ.¹⁰⁾

Бельгійскіе юристы также мало заботятся объ истинномъ значеніи этого вопроса, въ Англіи какъ мало заботятся объ уясненіи себѣ сущности присяжнаго суда. Они не понимаютъ, что это учрежденіе только въ томъ случаѣ можетъ имѣть какую нибудь цѣну, если присяжные пользуются правомъ подводить въ своемъ рѣшеніи разсматриваемое преступное дѣяніе подъ уголовный законъ. Бельгійскіе юристы никакъ не хотятъ сообразить, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о какомъ-то вторженіи въ область правъ коронныхъ судей, и что мнимое отдѣленіе юридическаго вопроса отъ вопроса фактическаго на практикѣ часто бываетъ рѣшительно невозможно, какъ въ этомъ принуждены были сознаться даже многіе французскіе криминалисты. Если мы обратимся къ рѣшеніямъ бельгійскаго кассационнаго суда, то увидимъ въ нихъ полнѣйшее отсутствіе какаго-нибудь опредѣленнаго начала. Съ одной стороны запрещается въ дѣлахъ о подлогѣ предлагать присяжнымъ вопросъ о томъ, какого рода подложный документъ: офиціальныи или торговый; или наприм. считается юридическимъ вопросомъ — вопросъ о томъ, достигъ ли подсудимый 16-ти лѣтняго возраста (впрочемъ рѣшенія кассационнаго суда объ этомъ различны). А съ другой стороны дозволяютъ спрашивать присяжныхъ, напр. о томъ, влѣзалъ ли воръ въ окно при совершеніи кражи. Относительно предлагаемаго въ дѣлахъ о поддѣлкѣ монеты вопроса о томъ, имѣла ли фальшивая монета законный курсъ въ Бельгіи—кассационный судъ рѣшаетъ не всегда одинаково, а какъ вздумается: иногда онъ считаетъ этотъ вопросъ юридическимъ, а иногда фактическимъ¹¹⁾.

Кассационный судъ прибѣгнулъ къ слѣдующему извороту. Онъ опредѣлилъ, что если присяжнымъ предлагался вопросъ о какомъ-либо юридическомъ понятіи, то это не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора, но рѣшеніе присяжныхъ по отношенію къ юридическому вопросу слѣдуетъ считать излишнимъ, и ассизный судъ долженъ потомъ самъ рѣшить этотъ вопросъ. Кассационный судъ, повидимому, не подозрѣваетъ къ какимъ послѣдствіямъ часто приводитъ такое правило. Напр. присяжные, объявивъ, что монета, о которой идетъ дѣло, не имѣла законнаго курса, признаютъ обвиненіе неосновательнымъ. Но ассизный судъ рѣшаетъ, что монета имѣла законный курсъ, и осуждаетъ подсудимаго. Это недовѣріе къ присяжнымъ должно несправедливо дѣйствовать на народъ, въ особенности на самихъ присяжныхъ, и можетъ поколебать уваженіе къ правосудію. Присяжныхъ считаютъ неспособными рѣшать подобные вопросы, а между тѣмъ въ числѣ ихъ быть можетъ находятся люди (банкиры, зна-

чительные негоціанты), которые по своей профессіи и опытности гораздо ближе знакомы съ денежными дѣлами, чѣмъ коронный судья, и должны знать, имѣетъ ли монета законный курсъ въ странѣ. Законодатель напрасно воображаетъ, что юристы въ состояніи лучше рѣшать этотъ вопросъ: ихъ правовѣдѣніе не поможетъ имъ въ этомъ случаѣ.

Самая важная особенность бельгійскаго присяжнаго судопроизводства— это отмѣна заключительной рѣчи (*resumé*) председательствующаго судьи, послѣдовавшая въ силу закона 19 іюня 1831 г. Основываясь на многочисленныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ нами отъ опытныхъ людей въ самой Бельгіи, въ особенности отъ двухъ величайшихъ бельгійскихъ криминалистовъ, имѣющихъ огромное вліяніе на ходъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ въ Бельгіи, мы можемъ заявить, какъ результатъ общественнаго мнѣнія, что тамъ никто не желаетъ возстановленія *resumé*, и что въ проектѣ пересмотрѣннаго уголовного кодекса рѣшено оставить въ дѣйствиі законъ 1831 г.

По словамъ одного изъ помянутыхъ криминалистовъ, на отмѣну *resumé* слѣдуетъ смотрѣть какъ на огромный шагъ впередъ, потому что президенту суда, какъ показываетъ опытъ, необыкновенно трудно обработать совершенно безпристрастную рѣчь; онъ, обыкновенно, самъ того не замѣчая, помогаетъ прокурору и поддерживаетъ обвиненіе; но *resumé* становится въ высшей степени опаснымъ, если президентъ, хотя и неумышленно, относится къ дѣлу пристрастно, и убѣжденъ въ виновности подсудимаго. Эта опасность увеличивается еще отъ того, что *resumé* имѣетъ мѣсто по окончаніи судебныхъ преній, и подсудимый или его защитникъ не могутъ уже отвѣчать на рѣчь судьи. Съ другой стороны, присяжные вмѣсто того, чтобы почерпать свои убѣжденія изъ судебныхъ преній, какъ этого желаетъ законъ, очень легко подчиняются вліянію заключительной рѣчи. По опыту извѣстно, что при существованіи *resumé* присяжные невнимательно слѣдятъ за ходомъ судебныхъ преній и рассчитываютъ на заключительную рѣчь судьи.

Другой знаменитый бельгійскій криминалистъ отозвался о *resumé* слѣдующимъ образомъ. Заключительная рѣчь можетъ еще имѣть какое-нибудь значеніе въ томъ случаѣ, если президентъ на столько же справедливый, насколько гуманный человѣкъ, если онъ сознаетъ всю важность и трудность своей задачи, если онъ съ глубокимъ знаніемъ уголовныхъ законовъ соединяетъ не менѣе необходимое знаніе человѣческой природы, слабостей и предразсудковъ людей, и если, наконецъ, онъ обладаетъ даромъ выражать свои мысли ясно и опредѣленно, безъ лишнихъ фразъ и повтореній. Но опытъ показываетъ, что подобные президенты встрѣчаются очень рѣдко, потому что почти невозможно изложить факты въ пользу обвинителя и факты въ пользу обвиняемаго до такой степени безпристрастно, ясно и опредѣленно, чтобы присяжные невольны не подчиня-

лись личному мнѣнію президента. Если же президентъ не удовлетворяетъ сказаннымъ необходимымъ условіямъ, то его заключительная рѣчь можетъ быть весьма опасна для обвиняемаго, равно какъ и для обвинителя. Во Франціи—замѣчаетъ этотъ криминалистъ—гдѣ все легко принимаетъ театральный характеръ, въ особенности же уголовный процессъ, — президентъ обыкновенно смотритъ на *résumé* какъ на прекрасный случай выказать свое краснорѣчіе, свое умѣнье говорить изящнымъ языкомъ.

Нельзя не пожалѣть, что въ Бельгіи закономъ 1838 г. введена тайная подача голосовъ при совѣщаніи присяжныхъ, введена изъ подражанія французскому узаконенію, которое состоялось въ смутныя политическія времена. Уже Вишеръ (*Vischers, Zeitschrift für ausländische Gesetzgebung*, В. X. стр. 430) представилъ дѣльные возраженія противъ закона 1838 г. Да и въ самой Франціи лучшіе криминалисты высказались противъ системы тайной подачи голосовъ, отъ которой очевидно страдаетъ основательность совѣщанія присяжныхъ.

Для правильной оцѣнки бельгійскаго суда присяжныхъ необходимо указать здѣсь на одно установленіе, взятое изъ французскаго кодекса. Если присяжные объявляютъ подсудимаго виновнымъ простымъ большинствомъ голосовъ 7 противъ 5, то законъ предписываетъ, чтобы ассизные судьи тоже обсудили вопросъ о виновности, и чтобы затѣмъ рѣшеніе постановлялось по общему счету голосовъ присяжныхъ и судей. Это правило отмѣнено въ самой Франціи, потому что присяжные часто въ затруднительныхъ случаяхъ давали условный вердиктъ, съ цѣлью отклонить отъ себя отвѣтственность и перенести ее на ассизныхъ судей. Точно также и въ Баваріи законоположеніе 10 ноября 1861 г., отмѣнивъ французскую систему, опредѣлило, чтобы вопросъ о виновности рѣшался большинствомъ по крайней мѣрѣ 8 голосовъ. Между тѣмъ бельгійскій законъ 15 мая 1849 г. оставляетъ въ своей силѣ постановленіе *Code* по этому предмету, прибавивъ, впрочемъ, что ассизные судьи должны обсуждать вопросъ о виновности, но что приговоръ объ оправданіи долженъ быть произнесенъ даже въ томъ случаѣ, еслибы большинство судей не присоединилось къ рѣшенію большинства присяжныхъ. Мы имѣемъ не напечатанныя статистическія данныя о дѣйствіи этого закона въ періодъ времени съ 1856 до 1862 г. Что касается прежняго времени, то изъ статистики видно, что съ 1846 по 1851 г. было 58 случаевъ, когда вердиктъ основывался на простомъ большинствѣ голосовъ 7 противъ 5; изъ этого числа въ 52 случаяхъ большинство ассизныхъ судей присоединилось къ большинству присяжныхъ, и только въ 5—оно рѣшило согласно съ меньшинствомъ присяжныхъ.

Мы приведемъ здѣсь всѣ случаи, бывшіе съ 1856—62 г., въ которыхъ вердиктъ состоялся по рѣшенію абсолютнаго большинства голосовъ присяжныхъ. Въ 1856 г. присяжные въ 9 случаяхъ признали простымъ

большинствомъ подсудимаго виновнымъ, а въ 8 изъ этихъ случаевъ большинство ассизныхъ судей согласилось съ большинствомъ присяжныхъ. Въ 1857 было 14 случаевъ оправдательнаго вердикта по большинству 7 противъ 5; въ 11 случаяхъ послѣдовалъ обвинительный приговоръ по причинѣ присоединенія большинства судей къ рѣшенію большинства вердиктовъ по абсолютному большинству, и въ 11 изъ этихъ случаевъ большинство судей согласилось съ мнѣніемъ большинства присяжныхъ. Въ 1859 г. послѣдовало только 5 рѣшеній по большинству 7 голосовъ, и въ 3 случаяхъ судьи присоединились къ рѣшенію большинства присяжныхъ. Въ 1860 г. было всего 7 обвинительныхъ вердиктовъ, изъ которыхъ 5 приняты и большинствомъ судей. Въ 1861 г. 8 обвинительныхъ вердиктовъ и 2 только случая, когда большинство судей расходилось съ большинствомъ присяжныхъ. Въ 1862 г. 7 подсудимыхъ объявлены виновными абсолютнымъ большинствомъ, и въ 6 случаяхъ большинство судей рѣшило одинаково съ большинствомъ присяжныхъ. Замѣчательно, что большая часть подобныхъ случаевъ встрѣчалась въ дѣлахъ о неумышленномъ убійствѣ. Согласіе ассизныхъ судей съ рѣшеніемъ большинства присяжныхъ служить лестнымъ свидѣтельствомъ достоинства послѣднихъ.

Мы должны упомянуть еще о томъ случаѣ, когда ассизный судъ сомнѣвается въ правильности состоявшагося вердикта присяжныхъ. Во Франціи, какъ мы видѣли выше, въ подобныхъ случаяхъ присяжныхъ отсылаютъ къ новому совѣщанію. Но бельгійскій кассационный судъ поступаетъ въ этомъ отношеніи разумнѣе: онъ неодобряетъ отсылки присяжныхъ, а напротивъ требуетъ, чтобы въ случаѣ сомнительности вердикта ассизный судъ, не отсылая присяжныхъ къ новому совѣщанію, остановился на томъ толкованіи ихъ приговора, которое благопріятнѣе для подсудимаго. Этимъ устраняется возможность постановленія такихъ противорѣчащихъ вердиктовъ, какіе часто бываютъ во французской судебной практикѣ ¹²⁾.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу

юридико-политическое изданіе Н. И. Ламанскаго:

СУДЕБНЫЙ СБОРНИКЪ,

заключающій въ себѣ законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ важнѣйшихъ государствъ Европы и Америки. Цѣна за одинъ томъ (не менѣе двадцати печатныхъ листовъ убористаго шрифта) одинъ рубль.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ВЫПУСКОВЪ:

I. Современное значеніе суда присяжныхъ въ области положительныхъ законодательствъ. Судъ присяжныхъ съ соціальной и политической точки зрѣнія. **У. Форсита.** Общіе выводы о достоинствахъ суда присяжныхъ.

Судъ присяжныхъ въ Россіи. Законоположенія 20-го ноября 1864 г. о присяжныхъ засѣдателяхъ и о присяжномъ судопроизводствѣ. Обзоръ новѣйшей литературы вопроса о судѣ присяжныхъ.

II. Судъ присяжныхъ съ юридической точки зрѣнія—**Глазера.** Судъ присяжныхъ въ Англіи, въ связи съ ея судоустройствомъ и судопроизводствомъ. Сравнительный очеркъ законоположеній о присяжномъ судѣ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Изложено по изслѣдованіямъ **Брума, Бинера, Гейста, Кока, Мэя** и др.

III. Законоположенія о присяжномъ судѣ Америки и Франціи. Обработано по трудамъ **Эли, Ливингстона, Лабулэ, Беранже** и **Бедана.** Судъ присяжныхъ въ Испаніи (по дѣламъ о печати) — **Лаже-Вальдесона,** съ дополненіями издателя.

IV. Очеркъ системъ постановки вопросовъ присяжнымъ — **Глазера.** Обзоръ положительныхъ законодательствъ о присяжномъ судѣ Бельгіи, Греціи и Португаліи, по новѣйшимъ законодательнымъ работамъ и лучшимъ трудамъ иностранныхъ публицистовъ и юристовъ.

О содержаніи слѣдующихъ двухъ объявлено будетъ по выходѣ третьяго выпуска. Съ ноября цѣна будетъ возвышена до **двухъ** рублей за томъ.

Первый выпускъ находится въ продажѣ, **второй** — выйдетъ изъ печати въ августѣ, **третій** — въ сентябрѣ, **четвертый** — въ октябрѣ.

Каждый выпускъ продается отдѣльно по **тридцати** коп.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, Базунова, Гайдебурова, Глазунова, Исакова, Кожанчикова, Печаткина и Ушаковых продается оставшееся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ сочиненіе Франца Гольцендорфа, профессора Берлинскаго университета,

ПЕРЕВЕДЕННОЕ СЪ НѢМЕЦКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. И. Ламанскаго:

ИРЛАНДСКАЯ ТЮРЕМНАЯ СИСТЕМА,

ВЪ ОСОБЕННОСТИ

ПЕРЕХОДНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ,

ДО ОТПУЩЕНІЯ АРЕСТАНТОВЪ НА СВОБОДУ.

Ирландская система имѣетъ за собою то несравненное преимущество предъ другими, что въ основаніи ея участвуютъ элементы антропологической и психической... Изъ множества трактатовъ объ ирландской системѣ ни одинъ не совмѣщаетъ въ себѣ всесторонняго изслѣдованія предмета съ такимъ изобиліемъ теоретическихъ воззрѣній автора и практическихъ замѣчаній свѣдущихъ людей о важнѣйшихъ вопросахъ всецѣлаго ученія о карательныхъ и исправительныхъ учрежденіяхъ, т. е. тюремнѣдѣнія. По своему простому, безыскусственному изложенію системы, обслѣдованной по богатымъ національнымъ источникамъ, она доступна не только однимъ специалистамъ, но и всякому, занимающемуся вопросами общественными. Цѣна экземпляру (130 стр.) **шестьдесятъ коп.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи. Предисловіе автора.

Введеніе. Источники и литература ирландскихъ тюремъ. — Уголовное рабство и смыслъ. — Ирландскій тюремный актъ и внѣшніе его успѣхи.

I. Основные положенія примѣненія уголовного рабства. Возможность сокращенія наказанія, опредѣленнаго судомъ. — Разграниченіе уголовного рабства по различнымъ періодамъ.

II. Степени наказанія. Одиночное заключеніе. — Общія каторжныя работы.

III. Переходная степень и переходныя заведенія. Основная мысль и общія положенія устройства переходныхъ заведеній. — Отзвы англійскихъ писателей объ ирландскихъ переходныхъ заведеніяхъ и возраженіе ихъ противъ примѣняемости этой системы. — Общій порядокъ въ переходныхъ заведеніяхъ. — Обязательный трудъ и задѣльная плата. — Преподаваніе въ переходныхъ заведеніяхъ.

IV. Возвращеніе на свободу. Увольненіе съ отпускнымъ билетомъ. — Полицейскій надзоръ надъ отпущенными арестантами.

V. Уклоненія отъ обыкновеннаго способа обхожденія съ преступниками. Инвалиды-арестанты и несовершеннолѣтніе преступники. — Женщины-арестантки. — Заключеніе.

Приложенія и примѣчанія.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА,

на Невскомъ проспектѣ противъ Дуны, д. Рогова, въ С. Петербургѣ,

высылаетъ иногороднымъ всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) по
петербургскимъ цѣнамъ, принимая пересылку на свой счетъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Соч. К. Фогта. Ц. за два тома 3 р.

Ирландская тюремная система. Соч. Фр. Гольцендорфа, профессора Берлинскаго университета. Пер. подъ ред. Н. Ламанскаго. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Судебный Сборникъ, издаваемый подъ ред. Н. Ламанскаго. Законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Спб. 1865. Подписная цѣна за 1-й т. (изъ 4-хъ выпусковъ) 1 р. с.

Положеніе правосудія во Франціи, въ особенности о результатахъ примѣненія уголовного закона и о ссылкѣ въ Каенну. Двѣ лекціи Фр. Гольцендорфа. Спб. 1865. Ц. 40 к. с.

Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. К. Миттермайера. Спб. 1864. Ц. 90 к. с.

Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, объясненный примѣрами Уильяма Уильза. М. 1864. Ц. 1 р. 20 к. с.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Соч. Дж. Ст. Милля. Первое полное изданіе въ 2-хъ томахъ. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. с.

Уголовно-статистическіе этюды. Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію. Н. Неклюдова. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

Человѣкъ и развитіе его способностей, или опытъ общественной физики. Соч. А. Кетле. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. с.

Женщины французской революціи: Сталь и Роланъ. Ф. Шлоссера. Спб. 1865. Ц. 30 к. с.

Исторія нидерландской революціи и основаніе республики соединенныхъ провинцій. Д. Л. Мотлея. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. с.

Бытъ студентовъ въ Германіи. Изъ заграничныхъ писемъ Л. Мадзолевскаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. с.

Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ А. Пыпина и В. Спасовича. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. с.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Изданіе второе. Спб. 1865. Ц. 75 к. с.

А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Изд. второе. Спб. 1865. Ц. 50 к. с.

Столѣтняя память М. В. Ломоносову 4 апрѣля 1865. В. Ламанскаго. Изданіе второе. Спб. 1865. Ц. 25 к. с.

М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. В. Ламанскаго. Спб. 1864. Ц. 1 р.

Ломоносовъ и Петербургская Академія Наукъ. Матеріалы изданныя къ столѣтней памяти его 1765 — 1865 г. Ц. 75 к. с.

Всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) высылаются магазиномъ
П. А. Гайдвурова на свой счетъ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ДУША

ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Лекціи профессора Гейдельбергскаго университета В. Вундта. Переводъ съ примѣчаніями Е. К. Кемница. Изданіе П. А. Гайдебурова. Т. I (до 40 печатн. лист.). Спб. 1865 г. Цѣна 3 р.; съ подпиской на второй томъ 5 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. — I. Исторія психологіи. Умозрительный методъ. Критика діалектическаго метода. Фактъ мышленія. — II. Матеріализмъ. Ошибка матеріализма. Исходный пунктъ и средства психологическихъ изслѣдованій. Наблюденіе и опытъ, какъ психологическій методъ. Душа животныхъ. III. Мышленіе и время. Измѣреніе времени и единица времени. Естественная единица времени. Скорость распространенія нервнаго тока. Скорость распространенія рефлексовъ. Скорость мысли. — IV. Элементы мышленія. Сужденіе и умозаключеніе. Формы умозаключенія. Индукція и дедукція. Прimitивныя сужденія. Понятіе. Сущность умозаключенія. — V. Физическій анализъ примитивныхъ сужденій. Взаимодѣйствіе силъ. Законъ сохраненія силы. Приложение этого закона къ процессу ощущенія. — VI. Электрическая природа силъ, производящихъ ощущеніе. Вліяніе электрическихъ токовъ на нервы. Измѣненіе раздражительности отъ дѣйствія электрическихъ токовъ. Измѣреніе электрическихъ нервныхъ силъ. — VII. Отношеніе между ощущеніемъ и раздраженіемъ. Измѣреніе пространства и времени. Измѣреніе ощущеній. Ощущеніе давленія и мышечное ощущеніе. Ощущеніе температуры. Ощущеніе свѣта. Ощущеніе звука. Сравнительный обзоръ предыдущаго. — VIII. Сложеніе единицъ ощущенія. Масштабъ ощущенія. Точка нуля на масштабѣ ощущенія. Математическое выраженіе закона ощущеній. Значеніе отрицательныхъ величинъ ощущенія. Единица раздраженія и единица ощущенія. — IX. Едва замѣтное ощущеніе. Ощущеніе свѣта въ потьмахъ. Едва замѣтное ощущеніе температуры. Измѣненіе чувствительности. Вліяніе нервнаго процесса на законъ ощущеній. Граница закона. Психологическое его значеніе. — X. Качественныя различія ощущенія. Элементы ощущенія. Простые цвѣта. Результаты смѣшенія цвѣтовъ. Теорія свѣта. Три основныя цвѣта. Хроматическій треугольникъ. Отношеніе основныхъ цвѣтовъ къ цвѣтамъ спектра. Смѣшанныя ощущенія цвѣта. Слѣпота къ цвѣтамъ. Три нервныхъ процесса въ глазахъ. — XI. Категоріи слуховаго ощущенія. Простѣйшія отношенія звуковыхъ колебаній. Дрожаніе тоновъ, одновременно звучащихъ. Побочныя тоны. Характеръ тона (timbre) и шумъ. Сравненіе слуха со зрѣніемъ. Тончайшее различеніе высоты тона. Отношеніе между тономъ и скоростью колебанія и законъ этого отношенія. — XII. Сходство и различіе отдѣльныхъ чувствъ. Зависимость качества ощущенія отъ органа чувства. Строеніе и отпавленіе органовъ чувствъ. — XIII. Вліяніе сужденія на ощущеніе цвѣта. Цвѣтныя тѣни. Вліяніе сравненія цвѣтовъ. Отраженіе въ цвѣтныхъ стеклянныхъ пластинкахъ. Сущность явленій контраста. Результатъ физическаго и психологическаго анализа. То-

жество механизма и логики. — XIV. Ближайшее слѣдствіе ощущенія. Рефлексъ. Вліяніе различныхъ ядовъ на рефлексъ. Отраженныя ощущенія. Распространеніе и цѣль рефлективныхъ движеній. Постепенное регулированіе рефлексовъ. Мѣстныя различія ощущеній. — XV. Мышечныя ощущенія. Вліяніе паралича мускуловъ на мышечныя ощущенія. Связь чувственныхъ и мышечныхъ ощущеній. Физическія причины регулированія рефлексовъ. Выводъ изъ психологическаго и физическаго изслѣдованія. Цѣль рефлекторнаго процесса. Происхожденіе пространства. — XVI. Воспріятіе малѣйшихъ движеній. Воспріятіе малѣйшихъ разстояній. Воспріятіе разностей между разстояніями. Доказательства существованія мышечныхъ ощущеній. Различіе между осязаніемъ и зрѣніемъ. Несимметричность движеній глаза. Несимметричность воспріятій зрѣнія. Воспріятіе осязанія. Пространственное воспріятіе слѣпорожденныхъ. Пространственное воспріятіе при спокойномъ состояніи глаза. Значеніе шупающихъ движеній. — XVII. Метафизика пространства. Ошибки пространственнаго воспріятія. Истинная и кажущаяся величина предметовъ. Опытъ, какъ условіе пространственнаго созерцанія. Реальность созерцаемыхъ предметовъ. Пространственный характеръ внутренняго опыта. Тождество пространства и времени. — XVIII. Происхожденіе различія между опытомъ и мышленіемъ. Происхожденіе самосознанія. Сущность самосознанія. Происхожденіе сознанія вообще. Сознаніе, какъ состояніе и какъ процессъ. Сознаніе есть умозаключеніе. — XIX. Сознаніе какъ воспріятіе и представленіе. Индуктивный процессъ, вырабатывающій представленіе. Измѣненіе ясности сознанія. Отношеніе сознанія къ безсознательной душѣ. Сознаніе и индивидуумъ. Сознаніе животныхъ. — XX. Представленіе. Сущность его. Развѣтіе первоначальныхъ представленій. Зрительныя представленія. — XXI. Смотрѣніе двумя глазами. Различіе двухъ изображеній на сѣтчатой оболочкѣ. Стереоскопъ. Простѣйшіе стереоскопическіе опыты. Теорія стереоскопа. — XXII. Слѣяніе сходныхъ изображеній на сѣтчатой оболочкѣ. Измѣненіе представленія при соединеніи различныхъ изображеній. Отраженіе. Блескъ. Теорія блеска. Явленіе конкуренціи при смотрѣніи двумя глазами. Взаимодѣйствіе двухъ сѣтчатыхъ оболочекъ глаза. — XXIII. Индивидуальное различіе между астрономами. Причины индивидуальнаго различія. Ходъ представленій. Законъ опредѣляющихъ признаковъ. Нарушеніе этого закона внѣшними и внутренними вліяніями. — XXIV. Индивидуальное богатство представленій. Память и воспоминаніе. Вліяніе отправленій мозга на память. Физическія условія. Воспроизведеніе въ памяти. Вліяніе образовъ фантазій. Механическое и логическое развѣтіе представленій. — XXV. Познаніе. Цѣль его. Общія представленія. Эмпирическое понятіе. Законъ причинности. Чудо и случай. Отвлеченное понятіе. Различіе между отвлеченными и опытными понятіями. Система понятій. — XXVI. Опредѣленіе понятій по содержанію и объему. Научное опредѣленіе понятій. Анализъ и синтезъ понятій. Гипотеза и символъ. — XXVII. Историческое развѣтіе основныхъ физическихъ понятій. Понятія перемѣны и матеріи. Бытіе, небытіе и развѣтіе. Движеніе, число. Цѣль, матерія и форма. Ходъ образованія понятій. — XXVIII. Виды сужденія. Аналитическое и синтетическое сужденіе. Дистинкція и анализъ. Каллигація и синтезъ. Примѣры индукціи. Примѣры дедукціи. Аналогія. Взглядъ на различныя ступени познанія. — XXIX. Явленіе разума въ низшихъ животныхъ. Насѣкомыя. Птицы. Млекопитающія. Однородность психической жизни. Ступени разума въ животномъ царствѣ. Примѣчанія и дополненія.

Считаемъ необходимымъ замѣтить, что сочиненіе Вундта, не смотря на всю серьезность предмета, написано въ высшей степени популярно, что должно придать ему двойную цѣну въ глазахъ русскихъ читателей.

Выписывающіе эту книгу изъ магазина П. А. Гайдебурова (на Невскомъ просп. д. Рогова) за пересылку ничего не платятъ.

ПРИГOTOВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ

СОЦІАЛЬНО- И ЮРИДИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ

Н. И. ЛАМАНСКАГО:

Основаніе и устройство Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Курсъ сравнительной исторіи положительныхъ законодательствъ, читанный въ теченіи 1863—64 г. академикомъ и профессоромъ въ Collège de France Эдуардомъ Лабулэ.

Два тома, съ приложеніемъ историко-статистическаго очерка:

«Современное состояніе (1840—65 г.) Соединенныхъ Штатовъ Америки», поступать въ продажу въ сентябрѣ и ноябрѣ 1865 г.

Свобода печати и общественнаго мнѣнія въ Европѣ и Америкѣ.

Сборникъ избранныхъ статей и законоположеній о печати, состоящій изъ двухъ выпусковъ, въ объемѣ тридцати печатныхъ листовъ.

Судъ, его значеніе, устройство и порядокъ производства.

Одинъ томъ Судебнаго Сборника въ объемѣ двадцати печатныхъ листовъ.

Антропологическіе очерки ученій о правѣ и государствѣ—I. Блунчли.

Исторія государственнаго права и политики въ очеркахъ, снабженныхъ примѣчаніями и значительными дополненіями издателя.

Государство и его предѣлы. Соч. Эд. Лабулэ.

Обзоръ теорій государственнаго и общественнаго права, дополненный примѣчаніями и библиографическими указаніями издателя, съ приложеніемъ отдѣльныхъ статей того же автора о важнѣйшихъ современныхъ вопросахъ правовѣдѣнія и законодательства.

Международное право новѣйшаго времени. Сочиненіе Ф. Лорана, профессора Гентскаго университета, дополненное очеркомъ литературы и библиографіей международного права.

**ОЧЕРКИ УГОЛОВНАГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ И СТАТИСТИКИ:**

I. Смертная казнь въ Европѣ и Америкѣ.

II. Ссылка и каторга въ Великобританіи, Италіи, Россіи и Франціи.

III. Обзоръ успѣховъ уголовного права и законодательства съ конца семнадцатаго столѣтія. Сочиненіе Кёнигсвартера, дополненное библиографіей уголовного права и процесса.

IV. Нравственная статистика Англіи и Франціи. Сочиненіе Герри, съ предисловіемъ издателя о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ и трудахъ въ области статистики.

